

Цветок Зла

Автор: SaReeNa (<https://ficbook.net/authors/72928>)

Фэндом: Silent Hill, Сайлент Хилл (кроссовер)

Рейтинг: NC-17

Жанры: Ужасы, Ангст, Детектив, Психология, AU

Предупреждения: Смерть основных персонажей, Насилие, Смерть второстепенных персонажей

Обитель Молчаливых Духов "бросает мне в глаза, сквозь морок, сквозь туман одежды грязные и кровь открытых ран, - весь мир, охваченный безумством Разрушенья!". Офицер Томас Гуччи познал иную сторону реальности в ночь большого огня в Сайлент Хилле. Что же привело его к этой грани и что случилось с ним, когда он перешагнул ее?

Примечания автора:

Это история Томаса Гуччи, спасителя Алессы, и одновременно предыстория к событиям первого фильма "Сайлент Хилл". Возможны незначительные исторические неточности, но, полагаю, жанр AU допускает их наличие.

В произведении использованы отрывки из стихотворений Ш. Бодлера из сборника "Цветы Зла", рассказа В.М. Гаршина "Красный цветок" и очерка З. Фрейда "Табу девственности".

Изображение монстров с детальным описанием их особенностей и символического значения прилагается после текста.

I

*И осень позднюю, и грязную весну
Я воспевать люблю: они влекут ко сну
Больную грудь и мозг какой-то тайной силой,
Окутав саваном туманов и могилой.*

*Поля безбрежные, осенних бурь игра,
Всю ночь хрипящие под ветром флюгера
Дороже мне весны; о вас мой дух мечтает,
Он крылья ворона во мраке распластает.*

*Осыпан инея холодной пеленой,
Пронизан сладостью напевов погребальных,
Он любит созерцать, исполнен грез печальных,*

*Царица бледная, бесцветный сумрак твой!
Иль в ночь безлунную тоску тревоги тайной
Забывать в объятиях любви...*

всегда случайной.

Эти строки были написаны давно, но сейчас они будто рождались заново надрывной балладой в звенящем холоде ноябрьского тумана, и ржавые звезды палых листьев скользили в такт им по поверхности озера Толука. Водная гладь, молчаливая и манящая, отражалась в голубых глазах офицера полиции Томаса Гуччи. Прогулка по берегу после смены уже стала своего рода ритуалом. Воистину лишь тот, кого жизнь принудила самоотверженно сражаться, умеет по-настоящему ценить покой. Это место давало поразительное чувство уединения, но не одиночества, ибо туман здесь был будто живым. И при легчайшем дуновении ветра можно было ощутить, как он прикасается к лицу невесомыми, всегда влажными ладонями, вытирает испарину усталости и слезы любой горести. А в безветренную погоду он просто заботливо кладет руки на плечи, даруя чувство умиротворения и защищенности.

Туманы приходили с загадочного озера большую часть года, и это не могло не породить множество слухов и легенд, однако Томас никогда не верил рассказням. Да и разве имеет значение, сколько мертвых тел покоится на дне озера Толука, если весь мир стоит на

костях? Гуччи бывал в сражениях и знал потери, он прекрасно понимал это.

С того момента еще не прошло и года. Первые несколько дней после возвращения домой он избегал любых разговоров – о его состоянии говорил его взгляд на тысячу ярдов. Дни и ночи проходили на подоконнике за созерцанием отдалившихся от сердца родных улиц через мутное стекло. Пальцы невольно рисовали на запотевшем окне странные символы, а взор навязчиво цеплялся за гранитную плиту на газоне. Вся поточенная лишайниками, будто испещренная пулями, она рассказывала разъеденными временем фразами о Кровавом болоте, на месте которого вырос южный район города. И чем дольше Гуччи думал об этом, тем реалистичнее его воображение вырисовывало призраков из прошлого – и он даже начинал, как наяву, видеть алеющий водоем, в который люди в багровых капюшонах сливали кровавую воду с ошметками плоти.

А ночами Томаса посещали иные видения. Он стоял на холме, вокруг которого раскинулась бескрайняя степь. Куда ни кинь взор – всюду была лишь высокая густая трава сочно-зеленого цвета и тяжелое, почти черное небо. Казалось бы, ничего тревожного в пейзаже не было, стоял просто обычный хмурый пасмурный день. Но стоило Томасу внимательнее всмотреться в землю под ногами, как ему открывалась страшная истина: почва, как губка, была напитана кровью, и на этой крови произрастала такая высокая, густая, свежая трава. Небо тем временем опускалось все ниже, когда из земли начинали подниматься черные кресты, насаженные так густо, как ростки той самой травы. Они лезли и лезли из почвы, словно огромные, неведомой формы грибы в сырое время года, превращая все пространство во все стороны до горизонта в частокол черных крестов.

Прошло время – и буря в душе офицера Гуччи утихла, дав возможность начать поиск новой. Томас никогда не искал спокойной жизни. Наверное, потому с самого детства он мечтал о службе в полиции. Нервное напряжение, острые переживания были для него так же притягательны, как и сокровенное молчание озера Толука, всегда отдающее настроением траура.

Сейчас мрачное настроение ощущалось особенно отчетливо. Ветер крепчал, нещадно кидая палую листву из стороны в сторону, словно играя с добычей. Его завывание напоминало тревожный вой сирены гражданской обороны. Покой хмурого озера был нарушен;

вуаль тумана, сквозь которую оно глядело на город, обратилась в дождь - его капли впивались в лицо, как тысячи тончайших игл. Гуччи простоял на берегу еще несколько минут, закрыв глаза и глубоко вдыхая холодный свежий воздух с запахом дождя и прелой листвы. Покидать озеро в этот день приходилось слишком рано, но плащ полисмена вымок насквозь, и потому Гуччи просто не мог оставаться здесь дольше. Томас резко провел рукой по мокрым перилам, будто делая жест прощания, и нехотя побрел в сторону дома.

Барабанная дробь дождя и стонущий, подобный хриплому рыданию, скрип старых деревьев на ветру заглушали все прочие звуки города. Офицер шел по улицам, залитым дождевой водой и фонарным светом, понурив голову, - чувство, будто что-то тяжелое и острое крепко засело в затылке, не покидало его уже почти год. Но Гуччи не силился понять, что именно исполняло его голову тяжестью и болью. Он знал: придет время – и все это само вылезет наружу, но принесет с собой далеко не облегчение.

Уже совсем стемнело, когда Томас оказался на месте. Окна маленькой квартиры на третьем этаже чернели, как пустые глазницы смерти. В душу начала вползать беспричинная тревога. И хотя неделя прошла размеренно, без значительных происшествий, она невероятно утомила сотрудника полиции именно этим неведомым откуда приходившим предчувствием того, что нечто крайне нехорошее вот-вот должно случиться. Ранее обычные силуэты людей в тумане, трещины на асфальте, облезшая штукатурка на грязных стенах и даже звук собственных шагов в тишине – теперь ему казалось, что они скрывают в себе некое иное, страшное содержание, и все это время он ходил по грани между ним и спокойной реальностью.

Подъезд, как обычно во время сильного дождя, пропах намокшей пылью. Томас быстро поднялся по лестнице, отпер дверь, тихо вошел в квартиру и включил свет. Жилище семьи Гуччи было тесным – всего две комнаты да кухня. Классические обои с темно-зелеными и золотистыми полосами, винтажная мебель темного дерева и обилие книг создавали теплую, но в то же время тяжелую атмосферу. На стенах висели мрачноватые пейзажи Сайлент Хилла, выполненные в духе старых мастеров. Они принадлежали кисти покойного Филлипа Гуччи, дяди Томаса, который, со слов отца, был талантливым человеком, увлеченным мифологией и историей. Последняя из его картин изображала территорию современного Сайлент Хилла в

древние времена, когда на холме располагалась культовая постройка коренных американцев в виде усеченной пирамиды. Полотно было подписано: *«Обитель молчаливых духов. Ф.Г. 1947»*.

Томас поймал себя на мысли, что рад задержке отца на работе. Усталый и подавленный, он не был настроен на вечернюю беседу о последних городских новостях, а хотел только выпить горячего чая и хорошо выспаться.

Говард Гуччи, не со зла, а, разумеется, с откровенной гордостью, частенько припоминал в разговоре все то, о чем его сын хотел бы навсегда забыть. И вот теперь отец настойчиво просил Томаса отметить День Ветеранов, что значило надеть медали и гордо ходить по парку «Роузвотер», собирая поздравления от коллег из полиции да от детей. Первые будут делать это из вежливости, вторые потому, что им дадут напутствие в школе – все прекрасно знали, что подобные поздравления являлись чистой воды формальностью, особенно в Сайлент Хилле. Если бы Томас хотя бы был героем... Нет, тогда он тем более отрешивался бы от подобного «праздника». Только вот ему до боли становилось жаль немолодого отца, который так отчаянно просил дать ему возможность жить с мыслью, что его сын настоящий воин, достойный чествования, и разубеждать его в этом значило бить старика в сердце.

У Томаса оставался единственный довод в пользу того, чтобы не выставлять напоказ сияющие куски железа, считающиеся наградами, послезавтра в парке «Роузвотер». Офицер хотел съездить в Брэхамс и там погостить пару дней у своего армейского друга Роберта Кэмпбелла. Несколько неловко и в то же время приятно было называть этого парня своим другом – он ведь был истинным доблестным солдатом, в отличие от Гуччи, совершившего непростительную ошибку. Разумеется, при встрече с Кэмпбеллом также придется вспомнить многое, но в этом случае в глазах собеседника хотя бы не будет сиять восторг, поддерживаемый неведением, какой всегда зажигался в глазах Говарда Гуччи.

Томаса несколько мучила совесть за то, что он уже поменялся сменами с коллегами, чтобы пораньше сорваться в Брэхамс, и теперь был вынужден ставить отца перед фактом. Так что чем позже состоится разговор, тем было лучше – полисмен выигрывал хоть немного времени для моральной подготовки. Кроме прочего, он вообще не любил долгие меланхоличные разговоры с влезанием в душу, однако мог понять отца, у которого уже давно не осталось ни

одного близкого человека, кроме сына. Томас Гуччи сам нередко ощущал себя совершенно одиноким в родном городе, хотя при этом сам не стремился ни с кем сходиться. Жители Сайлент Хилла были в большинстве своем либо малообразованными работягами, либо мутными фанатиками некоего местного культа. Очевидно, что ни с первыми, ни со вторыми говорить было не о чем.

Бросив в прихожей мокрый плащ и сняв обувь, Гуччи вошел в жилую комнату и остановился у журнального стола. На деревянной столешнице лежала записка, написанная почерком отца, но очень небрежно, явно второпях: *«Том, не жди меня к ужину. У меня пропала одна очень особая вещь, и я должен с этим разобраться. Не обижайся, пожалуйста – я не обратился к тебе только потому, что это дела темного прошлого. Мне не хотелось бы сейчас ворошить его. Благослови тебя бог!»*

Томас обессиленно упал на диван. Он давно догадывался, что отцу было, что скрывать, но не лез в это, пока прошлое Говарда Гуччи не трогало их семью. Хотя внезапная смерть дяди Филлипа в возрасте тридцати лет всегда казалась офицеру полиции подозрительной. Томас проверил комод – ключей отца на месте не оказалось. Утром Говард ушел на работу, а, значит, пропажу особой вещи обнаружил на рабочем месте. Там и нужно в первую очередь искать какие-либо зацепки, если есть желание помочь отцу разобраться в происходящем, а офицер Гуччи никак не мог позволить себе просто бездействовать в ожидании. И если даже Нелли, подчиненная Говарда, уже ушла со смены, стоило, как минимум, осмотреть помещение профессиональным взглядом.

Томас надел кожаную куртку, обулся и вышел на улицу. Дождь стих. Город объяла темнота – по неизвестным причинам все фонари погасли, и только легкие отблески света из окон едва касались тротуара. Туман, пронизывающий до костей холодом и тревогой, снова наводнял улицы. Гуччи шел вперед с усилием, будто прорываясь сквозь мглистую завесу; его голова тяжелела, и каждый шаг будто отдавался в затылке болью. Чтобы хоть как-то справиться с навязчивыми ощущениями и не потерять сознание, Томас закрыл глаза. Он прекрасно знал дорогу и мог идти вслепую. Резкий визжащий металлический скрежет заставил его дернуться и остановиться. За скрежетом последовали звуки, похожие на помехи в радиоэфире. В них смешались треск, стук по металлу и то ли стоны боли, то ли скулеж умирающего животного. Офицер огляделся, но не

смог определить источник звука. Им, конечно, мог быть старый громкоговоритель на столбе, но даже при всем желании разглядеть его сквозь тьму и туман было невозможно. Гуччи не мог более напрягать зрение – кровь, пульсирующая в его висках, была готова закипеть, а голова взорваться от боли. Он поспешил свернуть за угол здания – и его охватила оторопь. Стоявшие там мусорные баки были перевернуты и измазаны потеками уже почти засохшей красно-коричневой жидкости, похожей на кровь или мясные помои. Из разбросанных и разодранных черных пакетов, испускавших тошнотворное зловоние, было выпотрошено все содержимое, но, судя по темно-бордовым пятнам на асфальте, в мусорных баках еще недавно лежало мясо. Свежее мясо, сочащееся кровью. Если только красный сок действительно вытек из пакетов, а не из тела жертвы, жестоко убитой возле мусорных баков. Томас отдавал себе отчет в том, что все предположения недостаточно продуманы и лишены веских оснований, но не строить их, лицезря не вполне нормальную картину на улице, он не мог. Полицейский сделал еще шаг вперед, но тут его бросило в холод: под его ботинком на грязной коричнево-красной газете лежал ключ от парикмахерской Говарда Гуччи! «Что это могло бы значить? Что, черт возьми, произошло?!» - вопрошал про себя Томас, упорно пытаясь гнать прочь из головы худшие версии. Он должен был взять себя в руки и продолжить поиск ответов. Офицер поднял ключ, зажал его в кулаке, после чего закрыл глаза и медленно досчитал до десяти. Когда он открыл глаза, тревожащее видение и странные звуки разом исчезли. Томас уже успел с облегчением подумать, что виной всему и вправду стал сильный приступ головной боли. Однако ключ все же был в руке у полисмена, а на грязной газете на асфальте красовался след его ботинка. «Разумеется, отец мог просто обронить ключ здесь, - мысленно сказал сам себе Томас, - все это еще ничего не значит. Вот только когда он его потерял? Когда ушел из парикмахерской, никак иначе... Где тогда он сейчас? Видимо, мы разминулись». И все равно серьезные опасения упорно не желали покидать сознание офицера, потому он не стал возвращаться домой, а последовал и дальше намерению проверить, что творилось у отца на работе.

Томас прибавил шагу и вскоре оказался на нужной улице. Парикмахерская Говарда была закрыта. Она до сих пор носила старую вывеску: «Мужская парикмахерская братьев Гуччи» - отец считал, что так чтит память о покойном Филлипе, ведь братья

начинали дело вместе. Томас вставил ключ в замок, но тот не поддавался. Только теперь полисмен понял, что у него дрожат руки, но, приложив силу, Гуччи все-таки отпер дверной замок. Свет не включился, пришлось достать карманный фонарик. Зал пустовал, кресла стояли не на своих местах, инструменты были брошены в беспорядке, но полицейский не увидел каких-либо следов борьбы. Скорее, картина походила на результат дикой спешки, хотя обстоятельному Говарду Гуччи поспешность обычно не была свойственна. Не обнаружив в зале более ничего подозрительного, Томас прошел в подсобку.

В полной тишине любые звуки казались громкими, и порой они заставляли невольно вздрогнуть, когда в темноте приходилось одной рукой шарить по многочисленным полкам, удерживая в другой руке фонарик. Беспорядок как никогда прежде нервировал офицера Гуччи, и без того пребывавшего на взводе. Полисмен даже не мог знать, чему именно тревожится и что именно ищет, но продолжал искать, словно одержимый. И находка не заставила себя долго ждать – на полке среди брошенных бритв и ножниц, сложенных кругом, лежала крошечная мертвая птица. «Кенар? – предположил Томас. – Если это вообще имеет значение. Вроде я ничего не упустил, и в этой парикмахерской никогда не держали певчих птиц... Послание? Намек? Угроза? Что, черт его дери, случилось? – снова понеслись беспокойные, уже не беспочвенно тревожные мысли в его голове. – Что ты натворил, папа, с кем связывался в своем темном прошлом?!».

Резкий звук оборвал его смятенные раздумья. Из зала начал доноситься нарастающий, уже знакомый звук помех, железного скрежета и воплей боли. Из-за чудовищного шумового диссонанса по спине проходили неприятные мурашки. Томас кинулся к выходу из подсобного помещения, но дверь неожиданно оказалась закрытой. «Когда она успела захлопнуться? Разве мог я этого не услышать?». Однако важнее безответных вопросов для него был поиск способа выбраться, ведь ключа от подсобки при себе у Гуччи не было. Скрежещущие помехи словно подгоняли его разъяренным рычанием и воплями. Томас взял с полки тонкие ножницы и, используя их как отмычку, попытался отпереть замок. Пришлось немного повозиться, когда механизм несколько раз заклинивало, но в конечном итоге дверь поддавалась. Прежде, чем выйти из подсобки, мужчина достал из наплечной кобуры пистолет. Некое интуитивное предчувствие нашептывало, что, возможно, придется вступить в бой.

Темный зал парикмахерской был по-прежнему пуст, однако что-то в помещении переменялось. Томас видел изменения совершенно отчетливо, хотя они были необъяснимы с позиции здравого смысла. Все вокруг выглядело так, словно парикмахерская была брошена своими владельцами очень давно. Зеркала покрылись черными разводами и пятнами, словно заболоченная вода, поверхность которой зарастает ряской. Краска облезла со стен свернувшимися лоскутами, будто она была сожжена, на ее скудных остатках проступили потеки въедливой ржавчины. Помехи, хрипы и вопли, как выяснилось, издавало старое радио – похоже, оно необъяснимым образом включилось. Гуччи попытался вслушаться в истошные звуки, эхом которых в голове становилась боль, но едва мог различить нечто, сколько-нибудь похожее на обрывки фраз. Однако то ли воображение разыгралось с небывалой силой, то ли слова действительно стали проскакивать в хаотичном шипении: «Пожар... ольной шахте Уилтс... Причина... авливается. Пострадавш... стно... чрезвычайных ситуаций высказали... ение, что пожар... иться под землей на весь... од». Так же неожиданно, как и возникли, рваные фразы растворились в шуме, а громкие помехи стали еще отчетливее напоминать возгласы боли. Внезапно железный скрежет прозвучал особенно громко и будто бы где-то сзади, отчего офицер Гуччи резко дернул головой. Взгляд его зацепился за позеленевшее зеркало, которое было расчерчено паутиноподобным узором трещин. «Но разве оно не было целым минутой раньше? И к чему это сейчас в памяти всплыло поверье, будто это дурная примета – взглянуть в разбитое зеркало?». Будучи скованным необъяснимой растущей тревогой, не находя силы оторвать взгляд от собственных отражений – мелких и больших – в мутных осколках, Томас разглядел нечто жуткое у себя за спиной. Мужчина обернулся и почувствовал спазм, а затем холод где-то под диафрагмой, разошедшийся оттуда по всему телу. На стене на черном каркасе из колючей проволоки было распято лишенное кожи человеческое тело. Окровавленное месиво белесого цвета, видимо, являвшееся срезанной с тела кожей, было в подобии тюрбана завязано вокруг запрокинутой освежеванной головы. Но вместе с понятным и простым человеческим чувством ужаса это зрелище вызвало у офицера ощущение некоего дежавю. «Не могу поверить... Какого?... Неужели я мог где-то видеть подобное зверство?! Что-то из истории города? Времена гражданской войны,

пытки военнопленных в лагерях? Я никогда не проверял эти факты, но если это было? Иначе с чем еще это, мать его, связать?!».

Томас принялся отступать к выходу, переводя взгляд то на распахнутую дверь подсобки, то на растянутый на стене труп, хоть и понимал, что ни пустая черная комната, ни мертвое тело не могут быть опасны. Но был же кто-то - или что-то - в ответе за все, что случилось в зале, пока Гуччи обследовал подсобное помещение. Внезапно кровоточащее тело на стене зашевелилось – сперва чуть задвигались его пальцы, затем едва заметно дернулась голова. Не было времени построить рациональное объяснение, например, об остаточных рефлексах, потому что уже в следующий миг произошло то, что действительно повергло в шок видавшего виды бывшего военного, а ныне сотрудника полиции – из-за спины освежеванного трупа к человеку поползла, как ожившая, колючая проволока, подобно тонким, покрытым иглами щупальцам с остриями на концах. Томас без раздумий выстрелил, целясь в голову противника. Тюрбан из кожи делал мишень легкой для поражения, и выстрел был точен, однако он не остановил происходящее. Так же безуспешно выстрелив еще пару раз, Гуччи схватил ближайшее кресло и швырнул его в сторону, откуда лезла «клочка», но проволока легко обминула брошенный предмет и еще быстрее поползла к полисмену. «Чем можно обороняться от такой напасти? Да как такое вообще возможно?!». Не позволяя себе долгих раздумий, офицер Гуччи вырвался на улицу и захлопнул дверь парикмахерской, в которой творилось неведь что.

Пот катился по лицу запыхавшегося мужчины. Вместо сковывающего холода его тело теперь бросило в жар. Томас Гуччи сделал несколько нетвердых шагов на середину темной и пустынной улицы, уповая, что вечерняя прохлада приведет его в чувства, но вместо этого ощутил, что воздух по какой-то причине стал буквально раскаленным. В памяти полисмена всплыли обрывки репортажа о пожаре в шахте Уилтс, который, если верить диктору на неизвестном радио, мог распространиться под землей на всю территорию города. «Неужели именно это случилось? Быстрее, чем можно было ожидать? И, может быть, под землей могли загореться какие-то вещества, испарения которых вызывают... в том числе галлюцинации?». Гуччи поймал себя на том, что просто искал хоть какое-то рациональное объяснение случившемуся. Впрочем, так на его месте поступал бы любой здравомыслящий человек. В итоге Томас пришел к

заклучению, что все прояснится, когда он узнает подробности о происшествии на угольной шахте из средств массовой информации или непосредственно от городских служб. С этими мыслями он направился в сторону дома.

Горячий воздух отбирал силы и заставлял сильно колотиться сердце, отчего Гуччи чувствовал себя, как в раскаленной пустыне с той лишь разницей, что здесь не было солнца. В безлюдном городе царила кромешная тьма. Даже окна, освещавшие дорогу прежде, погасли. Это пугало – ведь даже в случае стихийного бедствия город невозможно эвакуировать столь быстро и незаметно, а какие еще могли быть причины для такой безжизненности улиц, трудно было и предполагать.

Вскоре Томас добрал до перекрестка, где привык видеть дряхлый памятник болоту, но здесь его ждала очередная шокирующая неожиданность. На месте выщербленного серого камня зиял глубокий провал. Жар поднимался снизу с клубами пара, мешавшего взору, и все же, взглянув вниз, стоя у края пропасти, Гуччи сумел увидеть то, что было внизу. Там пылал огонь, очень глубоко, под несколькими ярусами ржавых пересекающихся металлических конструкций, не похожих на обычные шахтные клетки и прочие шахтерские приспособления. Кое-где старое железо поддерживало резервуары, в которых в непрозрачной красно-коричневой кипящей жидкости варилась некая бесформенная отвратительная плоть. При виде такой картины даже совершенно нерелигиозные люди в большинстве своем были бы готовы поверить в существование ада. Томас не знал, что думать, пытаясь придерживаться строго рационального подхода, прогоняя прочь навязчивые, приукрашенные воображением домыслы о том, что там внизу в крови варятся люди. Неизвестно, к какому выводу он мог бы прийти, если бы его не отвлекло что-то, отчего сердце в один миг словно подскочило к горлу. Мужчина почувствовал дыхание за спиной. Застыв на месте, опасаясь даже шелохнуться, офицер Гуччи одно мгновение колебался, обернуться назад или броситься бежать в первом попавшемся направлении, не оборачиваясь. И хотя второй вариант бы определенно более практичен, неясность происходящего и безумная жажда ответов заставили полисмена поступить иначе. И Томас обернулся, силясь быть готовым к чему угодно, но к тому, что ему было суждено узреть, не могло подготовить ничто на свете. Перед ним находилось существо, отдаленно напоминающее человека, хотя

главным сходством его с людьми был только цвет. Не цвет нормальной здоровой человеческой кожи, а гнилостный, трупный, коричнево-желтый, блестящий жиром. Существо парило над землей, ибо не имело ног; на их пустом месте висели рваные лоскуты полупрозрачной кожи. Оно имело шесть нелепых, подобных обрубкам бревен конечностей, широко расставленных по бокам вскрытой груди и брюшной полости, в темной красноватой глубине которой поблескивало что-то вроде скрюченных кишок. Конечности держал расставленными растягивающий их вбитый в спину ржавый металлический каркас. Подобная железная конструкция, походившая на адское орудие пытки, кольцом окружала голову и растягивала ее кожу в форму восьмиконечного многоугольника. Многие могли бы увидеть в этом уродливую карикатуру на нимбы святых, но Гуччи подумал скорее о полицейской фуражке. Остатки лица существа, местами прогнившие и ввалившиеся в костные впадины, а местами отвратительно вздувшиеся, вырисовывали очертания черепа. Нижняя челюсть была разрезана – из нее словно выдрали кусок в центре, и в эту дыру свешивался длинный окровавленный язык нелепой твари. «Что за монстр?!» - возникла первая ясная мысль у неотрывно глядящего на уродливое гротескное создание человека, сперва неспешно отступающего назад, а затем перешедшего на бег. Офицер полиции даже не думал о вступлении в бой – уместен ли он, когда нет ни малейшего представления, что за тварь преследует тебя? А монстр плыл по воздуху, незаметно и, казалось бы, неспешно, но как бы Томас ни пытался выжать из себя все силы, чтобы оторваться от преследования, существо постоянно находилось у него за спиной. Погоня была точно как в кошмарном сне.

Обливаясь потом, напрягая все мышцы, силясь уйти от химерического преследователя, Гуччи не сразу заметил, как изменились улицы, по которым его гнало парящее над горячим асфальтом чудовище. Завопила сирена гражданской обороны, оглушительно и истошно, сдавливая болью и без того саднившую голову. Взяв себя в руки, одолев нарастающую боль, Томас понял, о чем сообщал тревожный сигнал. Город пылал, обожженный черный скелет разрушенного города! Наверняка вода мрачного озера Толука вот-вот вскипела бы. Горячий воздух с едким запахом расплавленного асфальта обжигал изнутри, дышать становилось непосильно тяжело, и в разы тяжелее было теперь бежать дальше среди опаленных решеток и каркасов обрушившихся строений. «Нет,

здесь работал не подземный пожар, не только он...» - еще успел подумать Гуччи за миг до того, как в уши ударил новый вопль ревущей сирены, заставивший его потерять сознание от нестерпимой боли.

Он не успел распрощаться с жизнью, но об этом нечего было жалеть – жизнь его не покинула. Хотя Томас не сразу смог в это поверить, когда сумел раскрыть воспаленные от воздействия горячего воздуха глаза. Прохлада обдала пересушенное лицо, и приятное до дрожи ощущение показалось слишком хорошим, чтобы быть реальностью. Стылый туман окутывал офицера Гуччи, лежащего на заросившейся чахлой траве. Но, найдя в разбитом теле силы привстать и повернуть голову, мужчина обнаружил, что трава растет на газоне перед его домом – незыблемо стоящим серым зданием. Этот дом, как и соседние строения, просматривающиеся в утренней мгле, выглядел совершенно нетронутым пожаром или иными разрушающими силами. Томас поднялся на ноги; в темени и затылке кольнули отголоски недавней боли. Полисмен прошел по улице в сторону перекрестка, на который глядели окна его квартиры, и вскоре впереди появился силуэт старого памятника Кровавому болоту. «Так, может, и не было никакого огня? Может, все было лишь последствием... Проклятое ранение! – вспомнил Томас. – Но меня же не предупреждали, что нечто такое может быть! Они бы предупредили, они были обязаны...». Мысли о наступающем безумии не на шутку пугали даже бывалого человека с неслабой моральной закалкой. Гуччи надеялся, что никогда не почувствует себя неполноценным, и надежда эта вовсе не была беспочвенной – ведь он смог после всех злоключений вернуться в строй. Роберт Кэмпбелл тоже был ранен тогда, но тоже продолжил службу, и они оба сумели вернуться домой. Конечно, их удача еще не могла стать гарантией того, что травмы прошли без последствий и никогда не дадут о себе знать – все были наслышаны о том, как, например, старые раны ноют перед сменой погоды, или как не дает уснуть призрачная боль в конечностях, от которых остались лишь уродливые культы. Боль могла возвращаться годы и годы спустя... Но не в двадцать шесть же лет! «Придется идти к врачу, - тягостно заключил про себя Гуччи. – Завтра схожу в больницу. Прямо с утра пойду, как бы там ни было», - твердо поклялся он самому себе и устало зашагал обратно к дому.

Переступив порог квартиры, Томас из последних сил, сняв обувь и куртку, добрал до своей комнаты и упал на кровать, уставившись в

пространство несфокусированным отсутствующим взглядом. Ему хотелось расслабиться и не думать ни о чем, провалиться в сон и проснуться здоровым, насколько его организм позволит ему восстановиться. Но глаза не закрывались, словно какая-то сила запрещала Томасу забыться, и вдруг осознание того, что это была за сила, обрушилось на него подобно ледяному потоку, заставив полисмена тут же вскочить, позабыв об усталости и так не вовремя навалившемся недомогании. Он ушел из дома вечером прошлого дня, а вернулся утром, и все это время отцовские ключи находились у него. Так, значит, Говард Гуччи так и не приходил домой? «Нет, это не однозначный вывод. Подумаешь, ну потерял ключи – бывает. Мог же он прийти к парикмахерской и дождаться Нелли».

Томас вернулся в жилую комнату и увидел записку отца на том же месте, где ее и оставил. Воздерживаясь от поспешных выводов, он заглянул на кухню, убедившись, что этим утром никто здесь не готовил себе завтрак. Полисмен еще раз прошелся по всем комнатам, осмотрел все вещи, но не обнаружил ни единого признака того, что Говард Гуччи наведывался домой в то время, когда его сын ходил по городу. «Ходил... и упал без чувств на газоне под окнами! И этого никто не заметил?». Почему Гуччи сразу не подумал об этом – не потому ли, что подобное происшествие не вписывается ни в какие разумные рамки? «Где были люди? – тщетно спрашивал он сам себя теперь. – Где они сейчас? Где отец?».

Задаваясь вопросами без ответов, Томас осматривал содержимое ящичков старого комода с трюмо на нем, стоящего в жилой комнате, когда понял, что не может открыть последний ящик. Неизвестно, был ли он намеренно заперт или же древний замок давно сломался. Офицер решил, что на всякий случай откроет этот ящик любым способом, и взял из шкафа инструменты. Дряхлое от времени дерево сдалось после пары ударов молотка по стамеске, после которых выломать замок «с корнем» не составило труда. Вытащив взломанный ящик, Гуччи едва не выругался – как и ожидалось, этим ящиком давно не пользовались, и в нем не было ничего ценного в каком-либо смысле, только какие-то старые тряпки и маленькая пирамидка из серо-красноватого шершавого камня. Может, она отбилась от архитектурного элемента на фасаде какого-то здания. Томас вспомнил, как в детстве такие вещи вызывали у него интерес, как, должно быть, у всякого мальчишки, и то ребяческое любопытство заставляло приносить в дом все найденные на улицах

необычные предметы, о которых, наигравшись, он мог напрочь забыть. Сейчас каменную пирамидку Гуччи не удавалось вспомнить, но некий отзвук ностальгических чувств заставил его положить обнаруженный предмет в карман. Чтобы точно не упустить ничего, Томас осмотрел и старое тряпье с потрепанным вытянутым ворсом, но, забрав кусок ткани из ящика, он увидел кое-что действительно важное. След на въевшейся в деревянное дно пыли указывал, что в ящике находился когда-то еще один предмет – прямоугольной формы, размером с небольшой блокнот. И кто-то забрал этот предмет совсем недавно, прикрыв его след грязной тряпкой. Может, здесь был и не блокнот вовсе, а, например, коробка... Коробка или шкатулка могла являться важной вещью, но как Говард, находясь на рабочем месте, мог узнать о пропаже того, что годами хранилось у него в доме под замком? Томас крепко задумался, выпрямившись и бросив невольный взгляд в трюмо на комод, и резко отшатнулся в сторону – ему показалось, что та неведомая тварь, гнавшая его по улицам в каком-то безумном наваждении, снова появилась у него за спиной. Отделаться от возобновившегося ощущения преследования полицейский так и не смог. Не расставаясь с пистолетом даже в родной квартире и передвигаясь, исключительно находясь спиной к стене, он не мог рассчитывать на отдых, который был так необходим ему сейчас.

II

До утра следующего дня Томас так и не смог заснуть дольше, чем на двадцать минут. Мужчина знал это, потому что, просидев всю ночь у стены с пистолетом в руках, постоянно просыпаясь от выматывающих кошмаров, он каждый раз оглядывался на настенные часы. Гуччи был готов мысленно просить время идти быстрее, но оно, конечно же, было неумолимо. Едва мучительная ночь ослабила свою хватку, Томас после завтрака собрался в госпиталь Брукхэвен. «Кто же добровольно захочет связываться с психиатрией, - с понятным опасением думал он. – А в терапию идти пустое – все равно направят к мозгоправам. Но пока я понимаю, что все, что происходит со мной, не нормально и не реально, я могу твердо говорить, что я нормальный. Хоть бы, хоть бы это был достаточный критерий!».

Новое утро в Сайлент Хилле выдалось небывало тихим. На улицах, вновь поглощенных густым холодным туманом, не было видно ни души. С неба словно сыпал снег, чему Томас удивился, несмотря на то, что в теплой кожаной куртке сегодня ему было довольно зябко. Мокрый снег – а только таким он мог быть в это время года – не падал бы так неощутимо и бесшумно. Офицер подставил ладонь под осадки и с изумлением увидел, что на нее ложатся крупницы хрупкого пепла. Гуччи вновь задумался о последствиях пожара на шахте, информацию о котором он не сумел вчера получить ни по радио, ни по телевидению – всюду его встречали только сверлящие мозг помехи, пусть и не такие пронзительные и настораживающие, какие звучали в пережитом им кошмаре наяву. Дозвониться куда-либо офицер полиции тоже не смог – домашний телефон перестал работать в тот же день, в который случились и прочие странные вещи. Мир словно стягивал вокруг Томаса некую сеть, в которой он окажется пойманным в абсолютном информационном вакууме. Такое не сведет с ума только дурака или того, кто уже безумен. Мир вокруг менялся, это было сложно списать всецело на капризы больного мозга. И откуда бы ни взялся пепел в воздухе, это тоже явно был недобрый знак.

Здание госпиталя, грубое, неухоженное и столь же безликое, как его выкованный схемами лечения персонал и заклеенные недееспособностью пациенты, имело всего три этажа, но Гуччи казалось, что оно нависало над ним, угрожая раздавить. Нервозность нарастала, когда мужчина медленно отворял скрипучую дверь, за которой темнел пустой холодный коридор. Томас вошел, и дверь медленно, протяжно протонав, закрылась за ним. Его объял непроглядный мрак. К счастью, карманный фонарь снова был при себе. «Что же это, часть города обесточена со вчерашнего дня? С позавчерашнего дня, которого... словно и не было? Был ли он?».

Ответа на вопрос у Гуччи пока не нашлось, но мужчина точно мог убедиться в одном – нечто происходит в городе, нечто, что не является нормальным, и это уже никак нельзя отрицать. Офицер обвел светом фонаря коридор госпиталя – пыльные стены с множеством слоев облезлой краски, покрытый трещинами потолок, истертый обувью пол. Столь убогая больница не внушала доверия, и цель, которая изначально привела Томаса сюда, теперь выглядела сомнительной для достижения. Если бы полисмен просто развернулся и ушел отсюда, ему было бы не в чем себя винить. Но почему в

госпитале было так тихо? Почему никто не присутствовал на посту дежурной медсестры? Еще раз осмотрев стены, Гуччи нашел план здания под мутным стеклом и определил, где должен находиться кабинет дежурного врача. Пройдя по коридору вперед, инстинктивно пытаясь не нарушать тишину усиленным эхом звуком собственных шагов, Томас приблизился к нужному кабинету и постучал в дверь. Не получив никакого ответа, не уловив даже звука малейшего движения в помещении, он подергал ручку. Заперто. «Неужели никого во всем здании? Надо проверить... Только сначала забрать план», - рассудил Гуччи и вернулся назад. Освещая окружение фонариком в повторном поиске карты здания, он заметил на посту связку ключей, по всей видимости, оставленную уборщиком. «Здесь, похоже, ключи от большинства помещений. В данных обстоятельствах можно считать удачей. И если здесь не у кого получить консультацию, я сам могу хотя бы найти медицинскую литературу, - пришел к неожиданному озарению Томас. – Что ж, почему бы и нет? Начнем с дежурного».

Полицейский вернулся к уже знакомой двери и открыл кабинет, убедившись, что врача нет на рабочем месте. Гуччи осмотрелся – заурядное помещение с определенной долей рабочего беспорядка. Еще недавно здесь шли обычные будни, но сегодня по какой-то причине никто не вышел на работу. Томас решил воспользоваться телефоном в кабинете дежурного врача, раз уж представилась такая возможность. Он должен был позвонить коллегам из полиции и узнать у них последние новости, в конце концов! Но что он скажет им? Что было реально, а что нет? Томас ни в чем не мог быть уверенным. Нет, нельзя было звонить, пока он сам не разобрался в этом. Даже если у него действительно появились проблемы со здоровьем, офицер не был готов терять работу, к которой всегда стремился. Гуччи осторожно, бесшумно опустил телефонную трубку на рычаг, но едва он убрал с нее ладонь – аппарат задребезжал. Мужчина рефлексивно одернул руку от телефона, а, несколько отойдя после внезапности звонка, все же снял трубку и нерешительно, медленно поднес к уху, однако на том конце слышалось только приглушенное шипение. «Никаких слов. Или... «Томас»? Не слышалось?! Глупости, наверняка слышалось». Гуччи вновь опустил трубку, в этот раз резко ударив ею по рычагу, и как только он сделал это, телефон снова зазвонил. Мужчина предпринял еще одну попытку ответить на звонок, но, только

заслышав неизменный шум, тут же прервал ответ. Положив трубку, Томас какое-то время не отпуская ее, и телефон не звонил. Тишина продолжалась ровно так долго, пока его рука держалась на аппарате. И некие иррациональные предчувствия подтвердились – Гуччи бросил телефон, и тот снова начал звонить. Теперь полисмен просто неподвижно стоял рядом и ждал, а дребезжащий звон все не прекращался. Кто-то на том конце был настойчив, только вот Томас твердо решил больше не отвечать на его провокации, какой бы ни была их цель, пусть даже ее не было вовсе. Вспомнив, зачем он сюда пришел, офицер полиции положил фонарь на стол так, чтобы тот освещал шкаф в кабинете, взял в полки книгу, сел с ней на стул возле стола и открыл первую попавшуюся страницу. К его удивлению, это оказался не медицинский справочник, а художественная литература. Сборник коротких рассказов, на листах которого были сделаны карандашные пометки. Тот, кто читал книгу прежде, зачем-то выделил фрагменты текста. Телефон продолжал разрываться, в окутывающей со всех сторон темноте приходилось до боли напрягать глаза, и все же Томас принялся читать отмеченные карандашом отрывки:

«Когда фельдшер стал искать нового больного, ему указали на конец коридора; он стоял здесь, прильнувши лицом к стеклу стеклянной садовой двери, и пристально смотрел на цветник. Его внимание привлек необыкновенно яркий алый цветок, один из видов мака...

Он гулял по саду до самого вечера, заводя знакомства и ведя странные разговоры, в которых каждый из собеседников слышал только ответы на свои безумные мысли, выражавшиеся нелепо-таинственными словами. Больной ходил то с одним товарищем, то с другим и к концу дня еще более убедился, что «все готово», как он сказал сам себе. Скоро, скоро распадутся железные решетки, все эти заточенные выйдут отсюда и помчатся во все концы земли, и весь мир содрогнется, сбросит с себя ветхую оболочку и явится в новой, чудной красоте. Он почти забыл о цветке, но, уходя из сада и поднимаясь на крыльцо, снова увидел в густой потемневшей и уже начинавшей роситься траве точно два красных уголька. Тогда больной отстал от толпы и, став позади сторожа, выждал удобного мгновения. Никто не видел, как он перескочил через грядку, схватил цветок и торопливо спрятал его на своей груди под рубашкой. Когда свежие, росистые листья коснулись его тела, он

побледнел как смерть и в ужасе широко раскрыл глаза. Холодный пот выступил у него на лбу...

Он не спал всю ночь. Он сорвал этот цветок, потому что видел в таком поступке подвиг, который он был обязан сделать. При первом взгляде сквозь стеклянную дверь алые лепестки привлекли его внимание, и ему показалось, что он с этой минуты вполне постиг, что именно должен он совершить на земле. В этот яркий красный цветок собралось все зло мира. Он знал, что из мака делается опиум; может быть, эта мысль, разрастаясь и принимая чудовищные формы, заставила его создать страшный фантастический призрак. Цветок в его глазах осуществлял собою все зло; он впитал в себя всю невинно пролитую кровь (оттого он и был так красен), все слезы, всю желчь человечества. Это было таинственное, страшное существо, противоположность Богу, Ариман, принявший скромный и невинный вид. Нужно было сорвать его и убить. Но этого мало, - нужно было не дать ему при издыхании излить все свое зло в мир. Потому-то он и спрятал его у себя на груди. Он надеялся, что к утру цветок потеряет всю свою силу. Его зло перейдет в его грудь, его душу, и там будет побеждено или победит - тогда сам он погибнет, умрет, но умрет как честный боец и как первый боец человечества, потому что до сих пор никто не осмеливался бороться разом со всем злом мира...

Он кинулся к знакомому месту около крыльца. Цветок темнел своей головкой, свернув лепестки и ясно выделяясь на росистой траве.

- Последний! - прошептал больной. - Последний! Сегодня победа или смерть. Но это для меня уже все равно. Погодите, - сказал он, глядя на небо: - я скоро буду с вами.

Он вырвал растение, истерзал его, смял и, держа его в руке, вернулся прежним путем в свою комнату...Больной, едва дойдя до постели, рухнул на нее без чувств.

Утром его нашли мертвым. Лицо его было спокойно и светло; истощенные черты с тонкими губами и глубоко впавшими закрытыми глазами выражали какое-то горделивое счастье. Когда его клали на носилки, попробовали разжать руку и вынуть красный цветок. Но рука заоченела, и он унес свой трофей в могилу».

Как только Гуччи дочитал текст, телефон в кабинете врача умолк. В ушах еще стоял колкий звон, делавший тишину в темном помещении особенно напряженной, неприятной, таящей нечто

враждебное. Луч фонаря освещал небольшое пространство перед лицом Томаса, так что тьма словно сконцентрировалась, собралась в самый плотный клубок у него за спиной. Непрошенные мысли сами вползали в сознание, нашептывая о том, что нечто высится позади, за плечами, наблюдает и ждет... но не удобного момента для нападения, нет – оно может атаковать в любую секунду и не промахнется. Нет, нечто там, за спиной, в концентрированной непроглядной темноте ждет, когда сидящий на стуле человек обернется, чтобы ввергнуть его, взведенного, изнуренного, ослепленного мраком, в тот неописуемый, доводящий до безумия ужас, что преждевременно красит волосы в седой цвет. Мысли лезли из всех темных углов комнаты, и сопротивляться их навязчивому шепоту становилось все труднее. Мышцы спины начинали застывать от напряжения, в котором они пытались съежиться под взором неизвестной сущности, скрывающейся в тени. Да, в глубинах подсознания каждого человека живут первобытные монструозные страхи - тревожные детские переживания, знакомые каждому, являются тому доказательством, но, сколько бы Гуччи ни думал об этом, до конца убедить себя в тщетности собственной тревоги офицеру не удавалось. За перенапряжением мышц спины и шеи явилась и «старая знакомая» - головная боль. Томас напряг пальцы, взъерошивая идеальный строй черных волн своих волос, и, стиснув зубы, едва не взвыл: «Неужели это точка? Неужели я теряю рассудок?! Нельзя, нельзя!... Как же, за что?!... Впереди ведь жизнь!... Нет, не сдаваться! Боевой офицер не должен! Это все ерунда, чушь, и ничего там нет». С этой мыслью мужчина обернулся, и в тот же миг ноги, похолодевшие, словно отнявшиеся в один момент, подкосились, заставив его упасть навзничь. Крик ужаса застрял в горле, вырвавшись лишь невнятным поперхающимся хрипом. Перед Гуччи в углу около рабочего стола врача парил разлагающийся монстр с шестью растянутыми в стороны культями вместо конечностей – тот самый урод с кровавым языком, загнавший его позапрошлой ночью до обморочного состояния. «Только видение, лишь видение... - в своих мыслях лихорадочно причитал Томас, вытягивая руку вперед, чтобы убедиться, что там, где он видит мерзкую тварь, окажется только воздух. – Это галлюцинация и только! Если я понимаю это – не все потеряно...». Пальцы полисмена почти дотронулись до лоскута гнилой кожи, свисающего с пояса монстра, но не только не прошли через него насквозь, но были чем-то остановлены. То, что коснулось кожи

человека, пронизало его нервы и мускулы от кисти до локтя жгучей болью. Офицер резко одернул руку. Вскинув голову, мужчина увидел, что вскрытая брюшная полость чудовища, разрезы от которой проходили в шесть сторон по его несуразным конечностям, раскрывается, выворачивая гнилостно-красные пласты кожи наизнанку, расправляя их подобно лепесткам страшного мясного цветка. Из темнеющего центра кровавой раффлезии выдвигались, корчась и извиваясь, черно-коричневые щупальца. Одно из них прошло мимо лица Гуччи, «лизнув» щеку быстрым прикосновением, от которого кожа разгорелась огнем так же, как в тот момент, когда нечто коснулось кисти. Боль помогла собрать все силы, вскочить на ноги и спешно, спотыкаясь, покинуть кабинет дежурного врача.

Томас по-прежнему не мог стоять твердо на похолодевших ногах, ему казалось, что и все его тело в один миг ослабело. Выбежав за дверь, он застыл на месте, вновь оторопев. Госпиталь изменился в один момент до неузнаваемости. Полисмен уже наблюдал подобный феномен – чуть больше суток назад, в отцовской парикмахерской. Если то, что происходило там, действительно было реально – верить своим глазам Гуччи отказывался до сих пор. Пол в коридоре теперь был усыпан крошкой побитого и покрытого ржавчиной цемента и залит застоявшейся грязной водой. В ней плавали клочья чего-то блестящего, неровного, грязно-розового, мало похожего на разбухшее от влаги покрытие стен. Подняв голову, мужчина понял, откуда взялась жидкость на полу – под потолком теперь проходили многочисленные проржавевшие текущие трубы. Внезапно Томас вспомнил то, что привиделось ему в полубреду в кошмарной яме на месте памятника Кровавому Болоту – адская конструкция внизу. «Там тоже были трубы! Что же текло по ним тогда? И сейчас... Что за дрянь?!». Почти разрушенные до одной лишь арматуры стены протравились ржавчиной и заросли непонятными темно-красными склизкими образованиями, не похожими на известные виды плесени. Кое-где на прохудившихся решетках стен висели неровные обрывки тряпья, заменяющего ширмы, и дырявая ткань их была пропитана коричнево-красной жидкостью. Казалось, грозное булькающее бормотание слышалось время от времени в темноте за заграждением из ржавой арматуры и рваных простыней. Учитывая, что изменившееся здание являлось госпиталем для душевнобольных, подобные звуки не могли не приводить в смятение.

Гуччи сделал несколько неторопливых, осторожных шагов прочь от кабинета дежурного врача и оглянулся назад. Опасения оказались оправданы – парящий монстр вновь был за спиной. Томас бросился бежать. Наплечной кобуры, которая придавала хоть долю уверенности в ненормальных ситуациях, с собой у полисмена не было, о чем он жалел при всем понимании, что не имел никакого повода являться в больницу с оружием. Офицер Гуччи продолжал предпринимать попытки снова вырастить в своем сознании чахнувшую мысль о том, что происходящее не является реальностью и что галлюцинация не может причинить реального вреда, но древнее чувство самосохранения сейчас было определено сильнее, и оно кричало, что новой боли нужно избегать любой ценой. И Томас бежал, потеряв контакт с собственным телом, превратившимся в некий автомат, механизм, выполняющий программу, в то время как тонущее сознание барахталось на поверхности экзистенциального ужаса. В таком состоянии мужчина, гонимый тварью, которая вовсе не должна была существовать в нормальном мире, пробежал по коридору до конца, затем по лестнице вниз и споткнулся на скользком пороге сырого подвала. Он опомнился, едва не растянувшись ничком на грязном полу, в последний миг ухватившись за ржавую трубу. Возобновившееся единство разума и тела поставило реальность на место, когда в быстро сработавших для удержания равновесия мышцах бешено пульсировала кровь. Ржавая труба действительно существовала, темный подвал с мокрыми от потеков ржавчины красными стенами – тоже. «Значит, вопреки здравому смыслу, существует и монстр за спиной?» - поставил вопрос в никуда Томас и настороженно покосился назад через плечо. Уродливый враг с обнаженным, словно в гротескной насмешке, языком снова распускал адский цветок своей коричнево-бордовой плоти и тянул к человеку блестящие черные щупальца, подобные разматывающимся кишкам. Одно из них уже обвило плечо полисмена, сжимая кольцо все сильнее и тем самым перекрывая кровоток в руке, которой тот отчаянно пытался выломать трубу. Гуччи вцепился второй рукой в прогнившее железо и уперся ногой в стену, налегая со всей силы. Через толстую кожу куртки он все равно отчетливо ощущал, как щупальца твари ползут по его спине, словно толстые осклизлые черви. С яростным выкриком офицер еще раз рванул трубу на себя и, обретя, наконец, не самое плохое оружие, развернувшись, воткнул ржавый обломок в сердцевину цветка из плоти. Висящая в воздухе

тварь не издала ни звука, когда труба с глухим чавканьем прошла через нее и уперлась во что-то твердое. Однако монстр начал сматывать проклятые щупальца-кишки и отдаляться от жертвы. Убедившись в отступлении врага, Томас устало выдохнул и, закрыв глаза, прислонился к стене.

Переводя дух, Гуччи все еще продолжал лелеять слабую надежду, что, когда он откроет глаза, все встанет на свои места. Исчезнут богомерзкие видения, толкающие на не вполне адекватные в нормальной реальности действия. Томас был убежден, что упорство в противостоянии надвигающейся психической болезни, которую при всем желании уже нельзя было отрицать, будет главным залогом исцеления. Но вот госпиталь... «С ним все равно что-то не так. Ну, если кто-то может бегать тут, ломать трубы...». Офицер открыл глаза и взглянул на трубопровод у стены подвала – фрагмент конструкции действительно отсутствовал. Однако оставшиеся трубы не были проржавленными до дыр, красные стены подвала покрывала серая пыль, но ни влаги, ни разводов грязи, ни трещин на них не было. «Все выглядело не так, - заключил про себя Гуччи, - но я действительно делал то, что я делал. И никто этого не заметил! Или госпиталь пуст... или я чего-то не понимаю». На противоположной стене подвала он заметил доску, на которой размещалась некая информация, но сумрак был слишком плотным, чтобы разобрать, что было написано на висевшем там клочке бумаги. Томас пошарил по сложенному по углам пыльному хламу и нашел среди досок, лестниц и брошенных инструментов небольшой фонарик. Он вряд ли мог служить полноценной заменой хорошего фонаря, оставленного в кабинете дежурного врача – слабый свет мигал и дребезжал, снова вызывая ноющую боль в затылке. Но даже такое освещение было лучше полного его отсутствия. Луч выхватил мелкий отблеск на полу. Присев, Гуччи обнаружил, что под стеной валяется ключ с прикрепленной к нему биркой, на которой стояла одна буква – «А». Вероятность того, что именно этот ключ может понадобиться, была невелика, однако полная связка всех ключей госпиталя также осталась в злополучном кабинете. Полицейский забрал ключ и подошел к доске с информацией. На обрывке бумаги неразборчивым почерком была сделана записка, оставленная, по всей видимости, кем-то из врачей своему коллеге: *«Кауфман! По поводу феномена, интересовавшего тебя, в архиве лишь один случай, в котором описание состояния и видений пациента схожи с симптоматикой*

твоего клиента почти на сто процентов. Но это и так известный тебе пациент. Если хочешь освежить в памяти - история болезни №213 за 1964 год».

Томас задумался. Найденный в подвале ключ, несомненно, мог быть ключом от архива. «Если его обронил здесь врач, занимавшийся необычным случаем, значит ли это, что и с ним здесь что-то случилось? Ерунда... Я что, просто ищу повод порыться в архиве, из праздного любопытства? С другой стороны... у меня не так много вариантов, что здесь делать. Я могу узнать что-то на этот счет, прежде чем уйти». Смирившись с собственным желанием получить больше информации, Гуччи напряг память, пытаюсь вспомнить план здания. Даже если там он видел архив, тогда полисмен не обратил на него внимания. Что ж, придется побродить по темной пустой больнице чуть дольше. Оставалось только уповать, что новый приступ мучительных видений не настигнет его вновь в неподходящем месте.

Офицер Гуччи вышел из подвала и с облегчением обнаружил, что на лестничном пролете есть еще один план здания. Более рассчитывать на удачу Томас не хотел, потому, снял карту со стены, вытащил ее из-под стекла и, сложив, забрал с собой, предварительно определив, как попасть в архив.

Темный коридор не преподнес новых сюрпризов. Офицер перешел в другое крыло здания и снова спустился вниз. Облезлая и потрескавшаяся деревянная дверь архива была закрыта, как и ожидалось. Гуччи уже собирался вставить найденный в подвале ключ в замок, когда услышал тихое бормотание за дверью. Замерев в той позе, в какой стоял, офицер прислушался. Голос принадлежал мужчине. Слова, которые он тихо и сбивчиво произносил, были Томасу прекрасно знакомы:

С осанкой гордою, с ногами древних статуй...

Безумно скорчившись, я пил в ее зрачках,

Как бурю грозную в багровых облаках,

Блаженство дивных чар, желаний яд проклятый!

Бодлер! Проклятый поэт, любовь к которому Томас словно унаследовал от отца. «Цветы Зла». Но голос чтеца не имел ничего общего с голосом Говарда Гуччи. Надежда растаяла, не успев появиться. Разочарованно вздохнув, офицер Гуччи отворил дверь и вошел в архив.

В помещении на полу у стены сидел человек. В полумраке можно было различить лишь его силуэт: приглаженные волосы, высокий лоб, острый нос с небольшой горбинкой. Мужчина, не замечая ничего, продолжал читать стихи:

*Блистанье молнии... и снова мрак ночной!
Взор Красоты, на миг мелькнувшей мне случайно!
Быть может, в вечности мы свидимся с тобой;
Быть может, никогда! и вот осталось тайной,
Куда исчезла ты в безмолвье темноты.
Тебя любил бы я - и это знала ты!*

Полисмен приблизился к незнакомцу. Тот был средних лет, одетым в приличный деловой костюм серого цвета, но с несколько осунувшимся, бледным лицом. Темные глаза глядели в пол, сухие тонкие губы были сжаты так, что побелели.

- Я встретил ее в парке... - со вздохом после короткой паузы снова заговорил мужчина в сером. - После ее личной трагедии. Но какую еще переживет она!

Человек, сидящий у стены, заметил Томаса и обратился к нему, но при этом так и не взглянул на него и не пытался ничего объяснить.

- О ком Вы говорите? – поинтересовался офицер полиции.

- О женщине, - ответил собеседник самым очевидным образом. Однако сам факт хоть какого-то ответа уже свидетельствовал о том, что контакт с человеком возможен. Гуччи вновь обратился к сидящему.

- Как Вас зовут?

- Я Майк. Просто Майк, - брови собеседника нервно дернулись и снова опустились, низко нависая над глазами, так и не отрывающимися от пола.

- Хорошо, Майк, я Томас, - офицер присел на корточки рядом, чтобы продолжить беседу на одном уровне и избавить мужчину в сером костюме от возможного ощущения допроса. – Ты врач?

Майк резко вскинул голову, словно только что очнулся:

- Я? Да, да, именно. Врач. Врач, - голос его задрожал, и он отвел взгляд в сторону.

- Это замечательно, - Гуччи попытался ободряюще улыбнуться, но Майк не обратил на это внимания, - значит, ты сможешь мне тут помочь. Мне нужна история болезни №213 за 1964 год.

Врач заерзал у стены, словно пытаясь попятиться назад. Его рот открылся так широко, точно ему не хватало воздуха.

- Как? – наконец-то смог произнести встревоженный не на шутку Майк. – Именно она? Тот случай, которым я занимался?

- Это был твой пациент? – переспросил Томас.

- Не мой, но... я специально приезжал. Из Нью-Йорка. Они считали его уникальным, но я понял. Я все понял! Нет, это была не болезнь. Это грани реальности, и все они, все! Они существуют. Как множественная личность, только наоборот. Но все это... я видел сам.

Полисмен выслушал не вполне связный ответ, стараясь не делать напрашивающихся поспешных выводов. Неизвестно, что заставило Майка вернуться в Сайлент Хилл спустя десяток лет и что произошло с ним здесь. Несмотря на взведенное состояние собеседника, Гуччи намеревался продолжить попытку беседы.

- Наверняка все это весьма необычно и непросто, - он положил руку на плечо доктора. - Ты сможешь мне разобраться в этом, Майк?

Мужчина мотнул головой:

- Я не смог бы помочь, даже если бы очень захотел. Я поступил ужасно, и даже тот факт, что я не знал, не оправдание. Ведь я даже не думал...

- О чем? – осведомился офицер. - С тобой что-то произошло в этом городе?

- Не произошло – но произойдет, - закрыв глаза рукой, выдавил из себя Майк. - Не только со мной.

Эти слова заставили Томаса вспомнить о том, что его волновало, пусть даже он не мог быть уверенным в реальности виденного:

- Мертвая птица – тебе это о чем-нибудь говорит?

Такой реакции на вопрос о чем-то, что с определенной долей уверенности считалось эфемерным, Гуччи не ожидал никак. Майк вскочил и схватился за голову.

- О, нет! – пытаюсь выдрать себе волосы, стонал он. - Двадцать четыре мертвые птицы, они истекают кровью на гнездах! Нет времени искать причину... Теперь слишком поздно... Слишком поздно для меня...

Томас схватил мужчину за плечи и немного встряхнул, пытаюсь заставить того опомниться.

- Майк, спокойно! – приказал полицейский, взглянув в глаза собеседнику. - Никогда не поздно попытаться исправить...

- Для меня слишком поздно, - перебил его разнервничавшийся до крайности врач. - Он уже приходил за мной в кошмарах, в маске с

клювом, как средневековый врачеватель чумы. Это значит, мой порок неисцелим.

Офицер Гуччи задумался. Судя по всему, судьба свела его именно с тем врачом, для кого предназначалась записка в подвале. Но там говорилось что-то о втором клиенте и о сходстве симптомов. Так, значит, это еще один случай той же болезни заставил доктора вновь приехать в Сайлент Хилл? Но почему он ничего не сказал об этом втором случае? Был ли второй клиент вообще?

- Твоя фамилия Кауфман? – задал первый из множества появившихся вопросов Гуччи, но не успел получить ответ.

Хриплый крик застрял в горле Майка, когда его тело обвили склизкие щупальца, появившиеся из раскрывшегося за спиной мужчины мертвого красного цветка. Монстр с шестью конечностями, существование которого теперь Томас уже готов был принять как данность, молниеносно уволок его лишившегося рассудка собеседника за двери и беззвучно исчез во тьме. Офицер полиции в очередной раз остался в постыдной растерянности. «Что делать, что делать?! Преследовать эту... тварь или что?! И ответить он не успел. Найти эту историю самому! Может, хоть что-то прояснится! Может, может, может... Уже самому противно». Гуччи топтался на месте, поставив одну руку на пояс, другой все сильнее, до боли потирая лоб, пытаясь заставить мозг выдать единственное верное решение. Взгляд его упал на темный предмет на полу очень привычной, знакомой формы. Направив свет фонаря в нужную сторону, Томас убедился в том, что и предполагал – на полу лежал пистолет. Должно быть, он выпал из кармана или из-за пояса несчастного Майка. Но если врач-психиатр, профессионал и ученый пришел в обычное место своей работы с оружием, что могло толкнуть его на такой крайний шаг? Все было совсем непросто.

Полисмен принялся осматривать полки с запылившимися и подернутыми паутиной историями болезни. Отыскав секцию, отведенную под 1964 год, он положил фонарь на полку напротив и двумя руками перебирал старые бумаги, пока не увидел поблекшие цифры «213». Данные о пациенте ничем не были примечательны, в описании симптомов числились нарушение ориентировки во времени и пространстве, парейдолии, сенсорные автоматизмы, зрительные галлюцинации и бредовые идеи. Диагноз при госпитализации был выставлен банальный – шизофрения, поле окончательного диагноза

осталось незаполненным. Между двух отпечатанных бланков лежал пожелтевший лист с обрывающимся рукописным текстом:

«Не так много случаев заболевания, называемого «синдром множественной личности» или «диссоциативное расстройство идентичности» официально подтверждено и описано в литературе. Это позволяет мне поставить под сомнение характерную картину болезни, которая вырисовывается на фоне общих симптомов, отмеченных у известных больных. Главным из них считалось так называемое «переключение», когда одна личность сменяет другую. Из дневников пациентов мы узнаем о нескольких, не пересекающихся друг с другом состояниях, которые они для удобства обозначают как А, В, С и т.д.. Пациент, с которым работаем мы, также говорит о нескольких «переключающихся» состояниях, но при этом происходит не смена личности, а смена реальности вокруг одной и той же неизменной идентичности. Эти состояния реальности он условно называет «обычным», «серым» и «испорченным».

Томас Гуччи раздосадовано хрипло выдохнул: «То самое описание «граней реальности». Черт, почему ты его не закончил?! Подпись есть: «М. Кауфман». Видимо, все-таки Майк... Майкл Кауфман. Но ни слова о том, другом клиенте. И это его: «Они существуют»... Так что он видел? Второй – это он сам, что ли? Так, а это что?» - он перевернул лист и обнаружил еще одну надпись, бегло написанную размашистым почерком дрожащей руки: *«Не только черную смерть называют теперь чумой. Все, что неизлечимо, называют теперь чумой. Ты понимаешь? Душевные болезни что, лечатся? А то, что разрослось тут, как опухоль? Оно лечится? И что ты сделал? Любая чума – исцеление одно и то же, даже они где-то понимают это. Вдумайся! Очищающий огонь! Пепел! Пепел, сакральный пепел...».* Под надписью был нарисован небольшой закрашенный квадрат.

- Ну, и кому послание? Мне? Кто затеял со мной игру? – обреченно спросил в темноту Гуччи. – Чудовища, воображение, реальности? Похоже, мне остается лишь согласиться на нее. Все довольны?

Он горестно усмехнулся и бросил историю болезни на полку. В свете фонаря взвились закрученные стаи пылинок. Томас, безучастно наблюдая за ними, почесал затылок. Слова об огне и сакральном пепле, как показалось ему, могут указывать на тему сжигания трупов. Отсылка к временам чумы тоже поддерживает эту тему. В госпитале

к ней может иметь отношение лишь патологоанатомическое отделение. Там наверняка есть печь для кремации, и черный квадрат мог означать именно ее. Забрав пистолет доктора Майка, полицейский вновь сверился с картой больницы, однако на ней был начертан план только первого этажа. Были лестницы вверх, определенно ведущие к палатам, были также и лестницы вниз. Вполне возможно, что под архивом и складами располагался второй подвал. Сочтя данное предположение наиболее правдоподобным, Гуччи выдвинулся в путь.

Второй подвал, куда привела Томаса узкая лестница с побитыми ступенями, оказался таким же темным, как и первый этаж госпиталя. Если здесь действительно находилось патологоанатомическое отделение, то еще более странным выглядел тот факт, что пока это была единственная часть больницы, где тишину нарушали звуки. Сначала где-то далеко слышались шаги и скрип двери, затем стало различаться и чье-то беспокойной дыхание, но как только Гуччи сошел с последней ступеньки лестницы, тяжелый удар и громкий крик боли заставили его вздрогнуть и пригнуться, напрягая мышцы в готовности броситься бежать куда бы то ни было. Офицер увидел распахнутую дверь секционной и полосу света, резким мазком легшую на покрытый разводами грязи кафельный пол. Тень кого-то массивного и сгорбленного мелькала в дверном проеме, за которым уже не слышалось ни дыхания, ни криков, ни каких-либо еще звуков, которые мог бы издавать живой человек. Слух Томаса смог уловить только шорохи, а потом тишину несколько раз прорезал срежет металла, столь неприятный, что из-за него возникала зубная боль и знобящий мороз пробегал по коже. Гуччи, удерживая пистолет наготове, подкрался к двери и заглянул в секционную. Тут он потерял всякое самообладание. Между дверью и металлическим столом, на котором лежал человек в сером костюме, встало крупное скрюченное нечто. Ноги его могли бы показаться человеческими, облаченные в донельзя грязные брюки и ботинки с высокими берцами, в то время как горбатая коричнево-желтая спина с выступающими позвонками скорее принадлежала уродливому чудовищу. С двух сторон от позвоночника ее покрывали симметричные, похожие на разросшиеся опухоли, узловатые наросты на едва заметной узкой ножке, образованной складкой отекающей кожи. В центре каждого образования виднелось круглое белесое уплотнение, напоминающее гнойный стержень. Несуразно длинные дистрофичные руки согнувшегося

существа казались приплавленными к огромные ржавым орудиям для разрезания плоти. Одну конечность увенчивало подобие скальпеля, другую нечто вроде короткой медицинской пилы. Томас с отвращением сплюнул комок вязкой слюны, скопившейся в глотке, которую он не мог заставить себя проглотить. Монстр стоял спиной к нему, целью твари явно был человек на столе. «Это... Майк? Проклятье! Что за...» - полисмен, с ожесточением процедив что-то сквозь стиснутые до скрипа зубы, дважды выстрелил в мерзкую сгорбленную спину. Опухолевидный нарост, в который попала пуля, тут же лопнул, разлетевшись алыми лохмотьями, изливая на грязный кафель пола мутную желтоватую жидкость. Гуччи ощутил характерный спазм в пищеводе, сигнал подступающей рвоты. Однако после выстрела дебелия тварь неторопливо развернулась, проскрежетав по полу своим оружием, сросшимся с почти безвольно висящими руками, и мужчина смог взглянуть ей в «лицо». Лица как такового не было – низко опущенную голову прикрывала ржавая каска с почти стершимися красными крестами, а под ней начиналось матово-белое подобие маски, состоящее то ли из вросшего в плоть пластика, то ли из прорвавшихся наружу хрящей. Бледная клювообразная конструкция соединялась гибкими трубками с чем-то на поясе монстра и едва не упиралась в его обвисший круглый живот. «В маске с клювом, как средневековый врачеватель чумы», - вдруг вспомнил офицер. – Майк, что же ты знаешь?». Томас снова выстрелил в тварь, но пуля не пробила ее маску. В ответ на атаку монстр резко вскинул вверх невероятно тощую конечность и замахнулся на полицейского резак. Гуччи, нырнув вниз, отскочил в сторону, ближе к столу для аутопсий. Боковым зрением он смог заметить, что Майк очень серьезно ранен и как минимум находится в бессознательном состоянии. Томас не терял надежду спасти врача, хотя сперва должен был позаботиться о себе – с нескладывающейся в голове силой монстр с клювом шел на него, угрожающе потрясая в воздухе ржавой пилой. Офицер продолжил отступать, рассматривая монстра, пытаясь обнаружить его слабое место. «Может, эти трубки чего-то... вроде дыхательного аппарата? Но в них попасть... Только с близкого расстояния. Нет. Что еще? Что еще?!». Что-то не то было в воздухе секционной, что-то отравляющее, душащее, замутняющее сознание. Гуччи ощущал тошнотворное головокружение, рассеянность и частичную утрату скоординированности движений. Что бы это ни было, оно могло скоро доконать его, преподнеся

клювастому монстру его жертву, как на блюдечке. Томас едва не оступился – парализующая слабость снова чувствовалась в руках и ногах, что вызывало почти панический страх. Взгляд неожиданно зацепился за то, что не удавалось рассмотреть раньше, но что определенно было искомой ахиллесовой пятой. Между низко болтающейся на тощей шее головой и вздувшимся животом, на бледных растянутых сухожильных перемышках пульсировал комок синюшно-фиолетовой плоти, покрытой черными сосудами и поблескивающим бежевым налетом жировой ткани. Офицер полиции поднял дрожащую руку с пистолетом – тщетно, перед глазами все начинало плыть, ему не удавалось прицелиться в болезненно-уродливое сердце монстра, находящееся снаружи тела. Одно выстрела в переполненный спекшейся кровью орган стало бы достаточно, однако он должен был быть предельно точен. Шатаясь, обливаясь нездоровым горячим липким потом, Гуччи сделал еще несколько неуклюжих шагов. Цель была достигнута – теперь его и чудовище в каске медика разделял металлический стол. Облокотившись рядом с окровавленным телом Майка, Томас, собрав последние силы своего рассудка и внимания, прицелился и спустил курок. Со звуком выстрела мужчина упал навзничь, успев услышать, как с грохотом и скрежетом рухнул на кафельный пол безобразный труп огромного монстра.

Офицер Гуччи открыл глаза. В теле чувствовалась разбитость, как после беспокойного горячечного сна. Мужчина так и не мог понять, что заставило его потерять сознание и как долго он пролежал на холодном полу секционной, но сейчас самым важным все равно было то, что он победил в кошмарной, бредовой схватке с порождением чего-то испорченного, неизлечимо больного. Возможно, некой чумой, «разросшейся, как опухоль», была поражена вся реальность – такое можно было предположить, увидев, как снова изменился мир вокруг. Белый кафель теперь приобрел грязно-желтый, мерзкий цвет и покрылся засохшими и свежими пятнами и потеками. Между плитками на полу застыли алеющие разводы крови с темными свернувшимися сгустками. И вновь отвратительные мокрые сочащиеся трубы пролегли под потолком по всему периметру помещения. Ржавые столы казались липкими от грязи. На одном из них лежал Майк. Бледное лицо казалось еще более осунувшимся в дрожащем слабом свете единственной лампы – щеки и глазка ввалились, от носа к губам и между бровей пролегли морщины.

Серый костюм был забрызган кровью – удар монстра глубоко рассек тело в области живота. «Черт, да его... практически... пополам! – невольно ужаснулся Гуччи, несколько минут назад имевший шанс разделить такую участь. – Это не шутки, это... это... Мерत्व, - заключил он, коснувшись уже похолодевшей шеи доктора. – Разумеется, мерत्व. Проклятье!».

Собравшись с мыслями, офицер проверил карманы несчастного и нашел дополнительную заряженную обойму, которую сразу забрал, испытав бледное подобие радости, и записную книжку в черном переплете. Вторую находку следовало изучить. Блокнот оказался подписанным: «*Кауфман Майкл*». Более доказательств не требовалось. Никакого второго клиента не было, доктор Майк сам столкнулся с испорченной реальностью. И когда она почему-то начала на него охоту, он уже не мог относиться к ней, как к сугубо научному феномену. Кауфман пытался вступить в бой. Но было слишком поздно для него.

Страницы блокнота заполняли зарисовки планов местности или зданий, несвязные фразы, шифры и наборы цифр, многие из которых были перечеркнуты. Врач определенно занимался сумбурным поиском некоего решения, кропотливо собирая все, что могло быть условием задачи или подсказкой. И поиск его остановился на последней, подчеркнутой двумя жирными линиями записи: «*NB! Papaver somniferum - * K 2 ; C 4 ; A ∞ ; G ∞* ». По какой-то причине Кауфман был убежден, что должен запомнить именно эту формулу. Гуччи вырвал листок с записью из блокнота и положил в карман вместе со сложенной картой. Следуя намеченной ранее цели, нужно было найти печь для кремации.

«Никто еще в одиночку не вступал в бой с чумой всего мира, - начал про себя невольно размышлять Томас. – Майкл был обречен на поражение в бою, но она... эта зараза еще не выиграла войну. Он сдал пост, а я его принял... наверное, с этим блокнотом. Посмотрим, куда откроет доступ его пароль. Наверное, каждый мужчина, который приходит в силовые структуры, мечтает о таком «подвиге» - вступить в бой против всего зла мира! И только меня завели так далеко подобные чаяния!». Томас вновь оказался неподготовленным к тому, что ждало его за грязной и ржавой дверью секционной. От стен коридора второго подвала больницы осталась одна арматура, но в вездесущем мраке невозможно было рассмотреть, что находится за ее решеткой. Мужчине казалось, что он снова слышал глухие,

нечеловеческие голоса. А потом он увидел это – очередного несуразного омерзительного монстра. Тварь висела на арматуре, зацепившись за нее костлявыми деформированными руками, локти которых были вывернуты наизнанку. Лицо – точнее, его подобие – было черным и жутко деформированным, как поврежденная тяжелой гангреной конечность. Вместо ног, словно оторванных почти под корень, у существа были лишь потемневшие, будто обожженные, культы. Его тело обматывали грязные бинты, покрытые желтыми пятнами гноя, вытекшего из лопнувших нарывов. Повязки намертво присохли к розовой сочащейся коже. Весь вид его наводил на мысли о невыносимой боли, когда нарывы лопаются, либо когда приходится отрывать присохшие бинты от ран. Казалось, одно движение этого существа – и его кожа лопнет с отвратительным треском, жесткий бинт врежется в отекающие кожные складки, из язв брызнет гной, и оно вззоет от боли, как человек, с которого живьем сдирают кожу. От жутких образов, теснящихся в сознании, по кишкам проходила невыносимая судорога. Удивительно, что при всем отвращении Томас подумал о страданиях монстра и, достав пистолет, постарался прицелиться в голову, чтобы оборвать его муки как можно быстрее. Мысль о сострадании к чему-то столь тошнотворному и чужеродному даже вызвала улыбку, мелькнувшую на долю секунды на лице полисмена. Не оборачиваясь на сорвавшийся с ржавых прутьев труп, Гуччи поспешил к двери без каких-либо табличек в конце того, что осталось от коридора.

В длинном помещении с коричневыми от ржавого налета и колоний черной плесени стенами выстроились два ряда медицинских каталок, накрытых белыми простынями, далеко не стерильными, но все же ярко контрастирующими с вездесущей темнотой. Никаких источников света не было, и мир во мраке казался непостоянным, дрожащим, пульсирующим, словно все пространство вокруг при малейшем изменении угла зрения искажалось. То и дело взгляд притягивала иллюзия шевеления бледных горбов накрывавших каталки простыней. Путь к печи для кремации, находящейся в центре дальней части помещения, проходил здесь по коридору, образованному двумя шеренгами белесых тканевых призраков. Запах стоял просто убийственный, отчего офицер снова стал чувствовать болезненную тяжесть в голове. Что-то глухо стукнуло с одной стороны – из-под несвежей простыни вывалилась раздутая рука трупа. Томас обернулся на звук и машинально вскинул пистолет,

после чего сам поразился тому, как мог дойти до такого – даже будучи сотрудником полиции, теперь он не мог быть на сто процентов уверенным в том, что трупы не представляют опасности. Миновав с оружием на изготовке коридор «привидений», Гуччи остановился. Перед черным квадратом – дверцей печи – на стене алой краской была начертана надпись: «Все в согласии с богами!». «Что это? – задал он мысленно сам себе вопрос. – И здесь не обходится без пресловутого местного религиозного фанатизма? Культ навряд ли мог организовать все это, впрочем... если он окажется причастен, я не удивлюсь».

Полисмен подошел печи, дверца которой была наглухо закрыта. Рядом с черным квадратом находилась панель с мелкими клавишами. На некоторых из них цифры уже практически полностью стерлись, но об их расположении можно было догадаться. Вот только был нужен код. «Что там Кауфман должен был запомнить? – достав блокнот доктора, Томас перечитал: - «*Papaver somniferum* - * K 2 ; C 4 ; A ∞ ; G ∞ ». Если отбросить все эти значки, выходит всего две цифры. Нет, коды не могут быть столь простыми! Так... может, это не так уж и логично, но если мы повернем знаки бесконечности?». Гуччи, напрягая зрение, всмотрелся в мелкие стертые клавиши и ввел комбинацию «2488». С мощным, но приглушенным щелчком дверца печи для кремации приоткрылась. Томас отворил ее полностью и едва разглядел очертания чего-то сероватого, высотой около четырех дюймов. Не без опаски мужчина сунул руку в печь и достал стоявший там предмет. Он оказался каменным, слегка шершавым и несколько истертым. Это была статуэтка некоего человекообразного существа – возможно, языческого божка, у которого была отбита голова. Насколько Томас Гуччи был осведомлен в данной области, резьба напоминала ему рисунки и барельефы индейцев Центральной Америки. Осмотрев со всех сторон безголового идола, он заметил маркировку на основании фигурки: «SHHS 00358». «Видимо, инвентарный номер, - заключил полицейский, - и аббревиатура Исторического Общества Сайлент Хилла. Уж не знаю, что здесь делает вещь из музея. Но, думаю, стоит ее вернуть».

Такое направление дальнейших действий было абсолютно разумным, что уже успокаивало. Как минимум Гуччи вернет городскому музею пропавшую вещь. И, разумеется, обязательно расспросит работников исторического общества про божка – вряд ли у них найдется повод отказать ему в этом. Хоть что-то должно было

проясниться, а в лучшем случае и вовсе кончатся все необъяснимые явления и загадки. С этим можно было, наконец, покинуть определенно нехороший госпиталь.

III

Темные обветшалые коридоры госпиталя с растрескавшимися и залатанными выщербленным металлом стенами, с заросшими ржавчиной, словно косматым, свесившим трухлявые бороды мхом, сочащимися трубами стали невероятно длинными. Либо это больничный воздух вдруг обрел такую плотность, что тормозил все движения, создавая иллюзию вязкого, с усилием тянущегося времени. Тяжелый комок в затылке постоянно задевал какие-то нервы, посылавшие импульсы боли через всю голову, шею, плечи и даже спину. Томас протер тыльной стороной ладони влажные глаза, привыкшие к мраку настолько, насколько это было возможно. Кто-то стоял посреди коридора. В нечетком сером силуэте не было на первый взгляд ничего монструозного. Гуччи не предпринял попытки заговорить с кем бы то ни было, лишь убрал за спину руку, держащую наготове пистолет покойного Кауфмана. По мере приближения, время которого казалось вечностью, мужчина начал различать, что впереди стоит женщина в грязной одежде защитного цвета. Облегченные боевые ботинки, свернутый жгут под погоном, нашивка с красным крестом на армейской панаме. Но лицо... Лицо полевой медсестры, как уже назвал ее в своих мыслях офицер полиции, скрывалось в тени, и даже когда между ней и Томасом оставался всего лишь шаг, Гуччи не смог разглядеть ее черты. В том миг, ознаменовав конец вечности, острый предмет, сверкнув, пронесся мимо лица мужчины, моментально отшатнувшегося в сторону и выстрелившего в воздух. И прежде, чем далеко не стерильный ланцет, зажатый в женской руке, облаченной в перепачканную белую медицинскую перчатку, вновь устремился к нему, офицер Гуччи понял напрасность предупредительного выстрела. У «полевой медсестры» не было лица или даже чего-то, сколько-нибудь похожего на него – в тени полей панамы скрывалась лишь сплошная разверстая рана, наслоение коричневых лепестков мертвой плоти в окружении припухших складок влажной желтоватой кожи. Да и женское тело, в целом выглядящее вполне нормальным,

неповрежденным и лишенным уродств, покрывали синюшные и желто-коричневые пятна, расчерченные сетками темных, почти черных кровеносных сосудов. Полисмен нажал на спуск, и безликая голова падающей навзничь твари резко запрокинулась назад, заставив дернуться ее груди - гротескно, насмешливо выставленные напоказ налитые груди, изъязвленные, словно плесенью, трупными пятнами.

Припав взмокшей спиной к холодной сырой стене, Гуччи заменил обойму и, выставив заряженное оружие перед лицом, заглянул за угол. Он увидел то, что уже без сомнений ожидал увидеть – еще пару застывших в тени силуэтов тварей, похожих на женщин в униформе военных медиков. Томас предполагал, что когда, прицелившись в ближайшее из существ, он выстрелит, второй монстр отреагирует на звук и бросится в атаку, но времени на то, чтобы поразить и эту цель на безопасном расстоянии, останется достаточно. Главное, чтобы рука не дрогнула. Успешно выстрелив первый раз, полицейский пытался засечь промежуток между ударами собственного сердца. В тот момент он уже не чувствовал своих рук, напряженных до предела, твердых, словно отлитых из металла. Если бы только перед мысленным взором не вставала картина той старой открытой слоистой раны, что была на месте лица у несущейся по коридору твари! Время оставалось вязким. Офицер Гуччи выстрелил второй раз и лишь тогда смог опустить пистолет, который, как теперь казалось, прибавил в массе как минимум вдвое, расслабить похолодевшие руки и вновь сделать вдох после задержки дыхания. Воздух был тяжел, он не мог в полной мере унять потребность организма в кислороде подобно тому, как горячая вода не может полноценно успокоить жажду.

Отдышавшись, Томас быстро сорвался с места. Все его мысли теперь заняло стремление скорее покинуть госпиталь, выйти навстречу влажной прохладе туманного дня. Даже пепел, сыпавшийся утром с неба, теперь мало заботил его. Однако, толкнув тяжелую дверь, Гуччи сделал шаг вперед не так решительно, как собирался сделать его секунду назад. На улицах было темно, и только зарево пожарищ освещало черно-бордовое небо, лишенное звезд. «Чтобы я пришел сюда в самую рань, а вышел ночью?! Быть не может! И не заметить, что город становится пепелищем... Проклятье, это невозможно! В этом снова нет здравого смысла! Куда, во что, какого дьявола я попал?!». Огонь и дым, разрушенные строения, нагромождения решеток и паутин колючей проволоки – все вокруг

выглядело так, словно в Сайлент Хилле шли военные действия. Тяжесть из затылка снова ударила по шее и плечам, едва не заставив офицера полиции согнуться под неведомым бременем. Он сделал еще пару шагов прочь от госпиталя Брукхэвен. Еще одна «полевая медсестра» с гниющей головой бросилась на него из-за угла здания больницы, и в этот раз он не успел выстрелить, но и не позволил себя ранить. Преградив предплечьем путь руке с ланцетом, едва поцарапавшим кожаную куртку, Томас пнул ходячий труп ногой и, едва распластавшаяся на асфальте тварь попыталась отползти, пристрелил ее. Конвульсивные движения пытавшегося спастись бегством монстра на земле были столь отвратительны, что Гуччи понадобилась теперь гарантия того, что эта дрянь мертва. Лишь впечатав ее мясистую голову в асфальт каблуком ботинка, он смог немного успокоить себя. В тихом, безмолвном, как уверяло название, городе теперь не осталось места для покоя.

Ступив на газон с пожухлой, склизкой желтой травой, Томас на миг замер. Среди всеобщего бедствия и огня, посреди умирающего или восставшего из мертвых мира на зачахшем газоне рдели крошечные маки. Чистые, нетронутые никакой грязью или болезнью нежные алые лепестки трепетали в колышущемся раскаленном воздухе. Гуччи мало думал о растениях вообще – не удивительно, что в голову ему прежде не приходила мысль, что цветы могут быть злыми, желчными, что их распутившиеся бутоны могут быть куда более издевательской насмешкой над заблудшим человеком, чем обнаженная женская грудь у ходячего трупа. В тот единственный крошечный миг, когда Томас остановился на скользкой траве газона, глядя на вопреки всему зацветший мак, ему не оставалось ничего другого, как вспомнить случайно прочитанные строки: «В этот яркий красный цветок собралось все зло мира...».

Сеть вокруг него продолжала стягиваться теперь в буквальном смысле. Узкие улицы, обрамленные решетками и огнем, пересеченные пожухлыми газонами, забрызганными кровавыми пятнами саркастичных цветков мака, теперь местами были перекрыты завалами или «колючкой», на шипах которой застыли отодранные лоскуты чьей-то кожи. Безликие монстры с женскими телами норовили подкараулить бегущего полыхающим лабиринтом человека в подобных тупиках. Гуччи предпочел более не вступать в бой. Пока он мог бежать, стоило бежать – серьезную угрозу твари представляли лишь в ближнем бою, патроны же нужно было

сохранять на случай более значительной опасности. К тому же, у офицера не было гарантии, что и родной дом теперь останется его крепостью. Темный мир перед его глазами начинал расплываться и искажаться, боль резала пересушенное горло, сердце билось о ребра так, как обезумевший зверь бросается на прутья пленившей его клетки. Мышцы, чудом черпавшие откуда-то силы, тоже начинали подводить – то и дело оступаясь, Томас все с большим усилием удерживался на ногах и продолжал бег. Когда ему не посчастливилось особенно неудачно перецепиться через битые камни, и он, не сумев устоять, рухнул, упершись ладонями в шершавый асфальт, утешить могло лишь одно – до его подъезда оставались считанные ярды. «Если там что-то будет не так, - Томас попытался представить себе возможные варианты развития событий, - что ж, буду стучаться во все двери, что мне попадутся. Пытаться ломать их, если потребуется. Прятаться, где придется. Вооружаться, чем возможно... Не гарантия, что не пропаду, но уж точно не сдамся». Он встал, стряхнул острую асфальтную крошку с ладоней и совершил последний отчаянный рывок.

В подъезде было несколько прохладнее, чем на улицах, но все же душно. Офицер Гуччи присел у стены, вслушиваясь в тишину. Ему был необходим хоть небольшой перерыв – сколько позволит ему сделать «испорченная» реальность. Пистолет снова был в его руке. Сохранять постоянную готовность встретить угрозу стало жизненной необходимостью, как на реальной войне. Томас уже не предавался размышлениям о том, реальна ли его война или же эфемерна. Воспоминания готовы были начать выползать из закоулков сознания, но сейчас никак нельзя было давать им волю. Полисмен встал, ощутив ноющую боль во всем теле. Он давно не чувствовал себя столь изможденным.

Заглянув из-за угла на лестницу, Томас убедился, что путь чист, по меньшей мере, до первого пролета. Неспешно, осторожно, бесшумно переступая со ступеньки на ступеньку, держа оружие наизготове, он начал продвигаться к двери, ставшей сейчас воплощением его надежды. Но если душный серый подъезд не преподнес полисмену новых крушащих картину мира сюрпризов, то своя территория, родная квартира взяла это дело на себя. Дверь надежды клацнула отпирающимся замком, будто лязгнула зубами, и открыла проход в предательское место. Именно так воспринял усталый, загнанный человек чудовищное изменение в отчем доме –

как изменнический нож в спину. Конечно, он не уповал на безопасность без сомнений, самозабвенно, со слепым, угрожающим здравости оптимизмом, но сам факт присутствия надежды в его душе причинял боль, когда мужчина смотрел на облезлые стены, покрывшиеся свежей и засохшей кровью и ржавчиной, на пыльную и побитую перевернутую мебель и на непоправимо растерзанные книги на полу. Гуччи, оставив входную дверь распахнутой, пересек жилую комнату, переступая через скорбные, промокшие и рваные фрагменты тел погибших книг и толкнул ногой дверь своей спальни. В лицо ударил поток воздуха, наполненного не приятной, а отвратительной сыростью с духом гнили, с запахом мясного магазина, в котором сломался холодильник. Кровь напоминала о себе не только смрадом – комната была залита ею. Видимо, она стекала с напитанных пунцовым соком простыней кровати, которая теперь была поставлена вертикально и обмотана почерневшей колючей проволокой, фиксировавшей на ней распятый труп в тюрбане из собственной кожи. Томас застыл на месте, пытаясь даже дышать медленно, тихо и поверхностно, чтобы не издать ни звука, однако порождение испорченной реальности уже реагировало на его присутствие. То же чувство дежавю, что ощутил Гуччи при первом столкновении с ним в парикмахерской отца, выходило из железного комка в затылке и расползалось по телу холодом и слабостью. «Мог ли я видеть это... там? – пытался сообразить офицер, силясь расстрелять кровоточащее существо, тянущее к нему щупальца из колючей проволоки. – Я слышал... Там ходили слухи. Или не слухи. Народ был точно способен на это! Но я не сталкивался лично... Почему же я так четко помню?!». Он выскочил за дверь, затем тут же подставил под нее деревянное кресло. «Колючка» скрежетала, неистово царапала полотно двери с той стороны, шарила по наличникам, пытаясь найти щель, лазейку и все же добраться до своей жертвы. Обойма пистолета погибшего доктора опустела, и Гуччи уже было рванулся за другим оружием. Но был ли шанс, что какое-либо оружие уничтожит неведомую тварь, он не знал. «Что тогда? Нельзя, нельзя впустую истратить здесь боеприпасы! Я не могу знать, с чем еще столкнусь. И как долго это все продлится. Взять оружие и уходить отсюда! Только так». Он возобновил шаг. Колкая боль прошла по всем спазмирующимся сосудам тела, начиная от рук и ног и заканчивая затылком, словно то, что вышло оттуда с холодом и слабостью теперь выпустило во все органы тысячи игл.

Почва ушла из-под ног, пространство вокруг исказилось и заплясало под дисгармоничный ритм, диктуемый нахлынувшим вертиго. И приближающийся пол, покрытый изувеченными страницами, утонул в рдяном тумане.

В соседней комнате тихой цикадой стрекотал механизм настенных часов, но они вряд ли могли помочь понять, как долго продлился очередной обморок. «Я не схожу с ума... - поднялась к поверхности из алой мглы первая мысль Томаса Гуччи. – Я ломаюсь. Может, даже умираю... Проклятье, как же все, чего я хотел? А чего я хотел? Что не успел?.. А, впрочем, все равно. После смерти в любом случае будет все равно». Он вновь расслабился, оставив на полпути попытку подняться с пола. Глаза его оставались закрытыми. Мужчина был бы счастлив погрузиться прямо здесь в сон, он даже был не против не проснуться. Но сердце, которое словно стало жить своей отдельной жизнью, ускорило сокращения, отчего мысли наполнились невольной тревогой. Томас открыл глаза. Никаких разбросанных рваных книг. Мебель темного дерева на своих местах и вся с целостности и сохранности, не считая выломанного ящика стола. Обои с зелеными и золотистыми полосами...

Превозмогая еще не до конца отступившее головокружение, Гуччи поднял голову, потом приподнялся на колени и осмотрелся еще раз. Квартира была в полном порядке. Слабый свет лился из окна, за которым стоял туманный серый день. С облегчением выдохнув, Томас встал и прошел на кухню, где выпил несколько стаканов воды, набранной просто из крана. Утолив жажду, он несколько раз тщательно вымыл лицо. Пальцы его остановились на подбородке и щеках, ощупывая отросшую щетину. Разница между двумя и тремя днями без бритья не была четко ощутимой, и все же, зная себя, Гуччи был почти уверен, что день, начавшийся с визита в Брукхэвен, все еще продолжался.

Офицер сел за стол и достал из кармана куртки безголовую каменную статуэтку. Несмотря на все, что пришлось пережить Томасу, его находка не получила новых повреждений. Гуччи не отказывался от изначального намерения вернуть идола в музей, но торопиться с этим не было нужды. Смены состояний реальности не зависели от времени суток – пока они вообще не укладывались в какую-либо закономерность. Мужчина заставил себя немного поесть, просто запив сладким чаем неразогретые остатки жареного мяса с парой кусков зачерствевшего хлеба. Он дал себе еще немного

времени для отдыха после еды, пусть и без попыток заснуть – уже сейчас он ощущал, что, по всей видимости, даже когда все встанет на свои места, еще долго будет брезговать лечь на собственную кровать. Гуччи основательно снарядился перед продолжением поисков: положил фонарик во внутренний карман куртки, закрепил на поясе флягу с водой и армейский нож в футляре, надел наплечную кобуру со служебным пистолетом, а также взял с собой полицейский жетон и наручники. «Пусть это будет превышением полномочий, если вдруг сложится так, - объяснял он себе собственные мотивы, хотя определенно не имел четкого представления, что именно может случиться. – Сейчас другие приоритеты, вовсе ни к чему думать о законности. Решать проблемы стоит по мере их поступления». С этим Томас вернул индейского идола в карман куртки и покинул квартиру.

Низкий полог тумана и снегопад из хрупкой золы превращали город в монохромную гравюру, и только маки, распустившиеся на пепелищах в разгар кошмара, оставались нетронутыми серым цветом. Полисмен поймал себя на желании прошагать по газонам, втапывая в прах ядовитые красные цветы. «Но не вести же себя подобно законченному безумцу! – остановил он себя. – Все зло – не в них. Это лишь символы. Его кровавые знамена». Отведя с презрением взгляд от рубиновой россыпи макового цвета, Гуччи продолжил путь.

Он вышел к озеру, слившемуся воедино с небом, скрывшемуся почти беспросветно за туманной вуалью, и пошел по дороге над обрывом. Ничто, кроме сыплющегося в глаза пепла, не пыталось преградить офицеру дорогу к серокирпичному зданию с изумрудными крышами, в котором располагалось Историческое Общество Сайлент Хилла. Коснувшись ручки из потемневшего желтого металла, Томас отворил резную дверь, украшенную поблескивающими витками кованой решетки. Просторный зал с экспозиционными витринами был неосвещен и пуст.

- Добрый вечер, - произнес Гуччи, ожидая услышать ответ, которого не последовало. – Здесь есть кто-нибудь? – спросил он уже громким выкриком, однако вновь не получил ответа.

Единственное, что оставалось делать в сложившейся ситуации, - немного подождать, вдруг кто-нибудь из работников музея все же явится на место работы, хотя и такое ожидание казалось бесполезным. Томас принялся рассматривать витрины, где под стеклом на подложках из черного и зеленого бархата покоились исторические артефакты. Ничего, что напоминало бы резную

каменную статуэтку, не удалось найти в числе экспонатов, даже в секции, посвященной индейским поселениям. Картины на стенах, в большинстве своем темные, в массивных рамах, оттого так контрастирующие с узорчатыми обоями светло-оливкового цвета, тоже не остались без внимания единственного посетителя. Тем более что практически под всеми полотнами стояла знакомая подпись «Ф.Г.». Сюжеты, названия и годы создания были самыми разными: «Обитель молчаливых духов. 1946», «Озеро Толука. 1945», «Угольная шахта Уилтс. 1943», «Портрет Патрика и Эдварда Честеров. 1944», «Тюрьма Толука. 1947», «Казнь на колу. 1947», «Красно-белый пир в честь богов. 1948». Гуччи остановился у последней картины. Неподалеку у витрины была установлена табличка с информацией: «Тюремный лагерь Толука был построен на этом месте во времена Гражданской Войны, в 1862 году. Для большинства узников пребывание в нем заканчивалось смертью. В 1866 году, после окончания войны, лагерь для военнопленных был переоборудован в тюрьму Толука. В тюрьме проводились жестокие расправы над преступниками. пытки узников были обычным делом. Палачи, носившие балахоны и красные капюшоны, скрывающие лица, предоставляли приговоренным к смерти лишь одно право – право выбрать вид казни: смерть на колу или через повешение. Однако бывали и исключительные случаи. Например, в конце XIX века католический священник Т.Гуччи был обезглавлен здесь на глазах собственного малолетнего сына. Лишь в 1911 году кошмарная тюрьма была закрыта». Сердце Томаса снова неистовствовало. «Т.Гуччи... - нервно задумался офицер, - однофамилец или предок? И малолетний сын... Случайно ли здесь нет ни слова о матери мальчика? Может, это традиция у нас в роду – матерям бросать сыновей?». Он никогда не имел привычки думать о матери, которую не знал. Свою жизнь Томас не считал лишенной чего-то важного, неполнокровной, несчастливой. Однако он не лгал себе и никогда не делал вид, что не испытывает обиды, пусть и загнанной в преддверие подсознания. Он был вынужден искать причину отсутствия в своей жизни матери в себе и винил ее за то, что ее не было рядом, как любой брошенный ребенок. В чем Гуччи мог противопоставить себя многим другим, лишенным материнского тепла детям – он умел не придавать значения взрослению в неполной семье и не малодушничать, объясняя именно этим лишением все страдания и беды, с какими сталкивался на жизненном пути. Откинув мысли о

родителях, полицейский вновь обратил внимание на картину с изображением двух палачей, больше похожих на жрецов деструктивной секты, несущих ведро, наполненное кровью, видимо, на «пир в честь богов». Ему вспомнились образы людей в бордовых капюшонах, являвшихся в навязчивых видениях о Кровавом болоте. «Откуда я знал, как именно они выглядели? Может, я бывал здесь... Тогда я не мог не знать о католике-миссионере, носящем мою фамилию. Хотя, может, тогда здесь не было этих табличек, некие новые сведения... Но я никогда не думал, что дядя Филлип писал и такие сюжеты! Я даже не предполагал. И это, видимо, было незадолго до его смерти». Задумавшись, офицер Гуччи продолжал всматриваться в мрачные образы на холсте, облокотившись о стену и взволнованно постукивая по ней пальцами. Нечто вдруг привлекло его внимание – около самой рамы звук был отчетливо звонче, словно под обоями имелась полость. Гораздо более глубокая, нежели просто полость, какая могла образоваться под слоем отсыревшей и вздувшейся штукатурки. Томас постучал по стене ниже, под картиной и услышал то же самое. Полость под «Красно-белым пиром» доходила до самого пола, словно когда-то здесь был проход.

- Могу я с кем-то поговорить? – еще раз громко выкрикнул Гуччи. – Я офицер полиции!

Ни звука не послышалось в ответ. Убедившись, что он наверняка сейчас один в здании Исторического Общества, Томас снял картину со стены и поставил у витрины. Из запыленного, покрытого сзади паутиной подрамника выпала небольшая деревянная табличка. Гуччи поднял и рассмотрел ее – ни номера, ни штампа музея на обнаруженной вещице не оказалось, только выжженное на потемневшем дереве изображение распятия. Не долго думая, мужчина убрал ее в пустой карман куртки. Мало ли, что за знак или подсказку мог кто-то спрятать за картиной дяди. Не исключено было и то, что сам Филлип что-то знал, о чем так и не успел сказать родным.

Полисмен достал из футляра нож и разрезал обои в том месте, где висело полотно. Под ними оказался слой шпаклевки, миновав который, лезвие уперлось в листовую металл, проскрежетав по нему и соскочив. Одним ножом продвигать работу пришлось бы слишком долго. Проверив одно за другим служебные помещения, Томас нашел пожарный щит и снял с него топор. Вернувшись к поврежденной стене, он сделал первый удар, прогремевший металлическими

грохотом и шелестом осыпавшейся шпаклевки. Еще пара ударов практически полностью обнажила низкую, обшитую листами дверь. Офицеру пришлось действовать грубо – прорубить топором обшивку и, отогнув железо, вырубить сломанные замки. Когда открыть тайный проход удалось, взору полисмена предстал длинный узкий коридор, уходящий вниз, в исполненную плесенных миазмов темноту. Где оканчивался зловонный лаз, разглядеть было невозможно, но казалось, что у него нет и ответвлений, ни поворотов. Гуччи шагнул в темноту.

Скользкая грязь покрывала пол и стены тоннеля. Мужчина спускался достаточно долго, чтобы стать практически недосягаемым для слабого света из музейного зала, оставшегося позади. Однако он все же не хотел использовать карманный фонарик без острой необходимости, даже когда его нога почувствовала небольшую неровность на полу. Под ботинком Томаса оказался небольшой предмет. Наощупь офицер смог определить, что это еще одна деревянная табличка, борозды на поверхности которой образовывали кольцо с какими-то символами внутри. Полисмен отправил ее в карман к первой подобной находке и продолжил осторожно ступать по заплесневелой каменной кладке. В конце концов, топор, который он держал выставленным перед собой, с металлическим лязгом ударился обо что-то впереди. Гуччи напрягся, схватившись за оружие двумя руками, приготовившись встретить нападение, но вскоре понял, что он был здесь один. Он постучал древком топора по преграде, вставшей на пути – это могла быть стена или дверь. Извлеки из кармана и включив фонарик, Томас отчетливо увидел дверь, обитую металлом, с поржавевшим навесным замком, который он сорвал вместе со скобами, вновь используя топор.

С отворением двери тишину нарушили суетные шорохи, похожие на копошение насекомых или крыс в углах и щелях подвала. Но помещение, в котором оказался офицер полиции, не было просто подвалом. Грибок проник всюду, распространив тошнотворный запах гниения, но не его густо насаженные ржаво-красные пятна покрывали стены и решетки. Ряд решеток по правую сторону от узкого прохода утопал в смердящем черном мраке. У Томаса не было сомнений в том, куда он попал – это была закрытая и забытая многими тюрьма Толука. О подобных страницах истории всегда и всюду предпочитают не помнить, однако их призраки все равно остаются на земле или, как вышло в данном случае, под землей. Спрятанное от

посторонних глаз железными дверями место лишения свободы выглядело так, будто оно было тысячекратно окроплено кровью, освящено именами жестоких, пирующих на казнях богов. Осматриваясь, Гуччи нежданно едва не выронил фонарь – откуда-то справа, из-за решеток послышалось подобие булькающего невнятного бормотания. Мужчина тут же взял себя в руки, решив, что, наверное, где-то просто шумит вода, и почему-то снова вспомнил о трубах, внушавших ему необъяснимое отвращение. Протекшие трубы словно будили в нем какие-то забытые эмоции, что-то похожее на старую боль, заставляющую его чувствовать себя несчастным. Мысли на этот счет вновь навалились тяжестью, но очередное глухо хрипящее и захлебывающееся бормотание, подобное богомерзкой молитве помешенного фанатика, заставило снова дернуться и сбросить с себя груз ненужных мыслей. Томас приблизился к решеткам и пошел мимо них вперед, осматривая одну за другой пустующие грязные камеры. Где-то он видел едва заметные насечки на стенах, где-то были разбросаны рисунки и записи на пожелтевших, запятнанных плесенью листах. Около одной камеры он задержал взгляд – там на стене была вырезана отчетливая надпись: *«Военные преступления? Какая же чушь! Как будто война сама по себе просто благодать божья»*. Поблизости снова раздалось хрипящее прерывистое бульканье. Отделаться от тревоги не удавалось – мерзкие звуки все равно напоминали невнятную человеческую речь.

Еще несколько камер оказались ничем не примечательными. Но почти в самом конце их ряда решетка была отворена. В незапертой камере не находилось ничего, кроме черной книги с тиснением в виде креста на переплете. Гуччи знал что-то из Библии книги, сугубо в рамках общей осведомленности, в подчинении некому негласному правилу, что образованный человек должен знать главную церковную книгу. Да и в его работе могли произойти случаи различных преступлений, совершенных на религиозной почве, и не обязательно на почве опасного учения некой локальной секты. Однако то, что он знал, никогда не задевало струн его души. И теперь Томас наверняка прошел бы мимо старой книги, если бы не найденная ранее табличка с выжженным распятием. Офицер предположил, что может найти некое указание, пометку в тексте, но никак не ожидал увидеть испачканные бордово-коричневыми пятнами страницы Библии, часть которых в середине была вырвана, а на их месте – вложенные

рукописи, также запятнанные и оттого малоразборчивые. От руки начертано было следующее:

«Я, Кристоф Гуччи, сын несправедливо варварски казненного Томаса Гуччи, хочу засвидетельствовать здесь правду о своем отце.

Прибыв сюда как миссионер католической церкви, он понятия не имел, с чем столкнется. Какой безумный Орден властвует на попоранной индейской земле. Его тщетные попытки сталкивались с гневом и угрозами расправы. Лишь одна...».

Далее половина страницы оказалась практически нечитаемой, после чего понятный текст продолжился: *«...когда ее сожгли посреди города!*

И когда он стал свидетелем настоящего ужаса, что творили здесь безумцы из Ордена, он понял, что Сайлент Хилл не заслуживает милосердного всепрощающего бога. Да и такой мягкотелый бог бессилен против людского зла! Этот город не заслужил вообще никакого бога, но алого демона крови и возмездия Кзучилбару!

...Они пытали его перед смертью. Раскрыли горло и вытащили язык через шею. Язык, который говорил ...хульные вещи».

Томас нашел символ, ста...

...разделилась на две части после его обезглавливания. Я храню голову идола и передам ее...

Он явится. В ночь большого огня... карать грешников на некогда священных землях молчаливых ду...

...красный бог...освятит кровью зем...

...Его питает отчаяние, и оно достигнет края, когда грешники отберут двадцать четыре невинные жизни! Я верю в возрождение Кзучилбары любой ценой!».

После вложенных рукописей недоставало еще целой пачки страниц церковной книги, на месте которых лежала деревянная табличка. В этот раз на ней была выжжена пирамида. Просто пирамида, не похожая на египетскую или индейскую. Гуччи вспомнил о второй табличке, которую он так и не осмотрел, и теперь взглянул на нее. Знак на ней имел отношение к культу, процветавшему в Сайлент Хилле. Сектанты называли его Нимбом Солнца. Этот знак, распятие и пирамида не складывались ни в какую общую картину. Томас перечитал записи еще раз. Не было сомнений: ранее в музее он прочитал о своем предке. «Меня зовут в честь него, - осознание отдавало горечью. – Он был обезглавлен здесь. Его пытали

перед смертью. Его сына тоже? Окровавленная Библия... Или Кристоф все же смог выйти отсюда? Он написал про идола. Он хранил голову. Может, я нашел именно его часть? Но как же выглядел тот красный бог? И какое это все имеет отношение теперь ко мне? И к моему отцу?». Вопросов снова стало больше, чем ответов. Томас с чувством опустошенности, некоего чудовищного познавательного голода покинул камеру и направился к концу коридора. Там его ожидала еще одна массивная, обитая металлом дверь, а за ней широкая темная площадь с высоким сводом и голой землей вместо пола, посреди которой было что-то установлено. Подойдя ближе, полицейский увидел, что в центре находится деревянный помост виселицы. Гуччи внимательно изучил его, даже взойдя, хоть и с некоторым моральным сопротивлением, на дощатый эшафот. «Тринадцать ступеней, - отметил он. – Верования, ритуалы, пророчества, боги! Это так... невыносимо. Это все я должен воспринимать всерьез?!». Офицер спустился и обошел виселицу еще раз. На помосте темнело небольшое квадратное углубление, а над ним крепилась металлическая табличка с мелкой гравировкой. Напрягая зрение до боли в глазах, Томас прочитал: *«Теперь, пройдя все ступени, ты должен держать ответ. Если ты все понял верно, ты увидишь мертвых. У них будет то, что тебе надо – мертвые все знают. И хранят свои тайны. И если ты ошибешься и потревожишь их напрасно, то заслуженно понесешь свою кару. Так во что верил твой предок?»*. «Это обращено ко мне, - попытался заверить самого себя Гуччи. – Не хочу гадать, каким образом, но сейчас это факт. И что мне выбрать? Точно не местный религиозный Орден. По всем свидетельствам... тот Томас Гуччи был католиком. Но что там было насчет кровавого бога? Пирамида – его символ? Нет четкого упоминания, что миссионер отказался от своей веры – его могли истязать и за то, что он католик, и его молитвы могли быть для них «богохульными вещами». Пусть будет так». Он водрузил табличку с распятием на предназначенное для нее место на эшафоте. Ничего не произошло. Полисмен уже намеревался уйти с места исполнения казней ни с чем, когда нечто ударило снизу и сбilo его с ног. В свете упавшего фонаря он увидел, как на всей площади появляются, невероятно беспрепятственно и плавно поднимаясь из земли, разлагающиеся твари нового вида, похожие на раздавленных слизняков с человеческим торсом – с голыми округлыми головами и двумя толстыми, растоптанными, напоминающими деревянные чопы,

по которым многократно ударяли молотком, конечностями. На спинах существ высились свинцово-серые грузы, выглядящие почти как гробы. Как закрытые солдатские гробы. Гуччи только успел это осознать, когда прочувствовал, что нечто недюжинной массой навалилось на его грудь. Увидев перед своим лицом круглый комок плоти, служивший существу головой, лишенной глаз, носа, ушей и прочего, с одним лишь вечно оскаленным ртом - ведь губ у твари не было, словно их срезали, намеренно обнажив кровоточащие десны, - Томас подумал, что сейчас эти кривые зубы, покрытые коричнево-красным налетом запекшейся крови, вгрызутся в его лицо. Однако монстр не разжимал челюстей и только громко хрипло дышал, усиливая давление на грудную клетку мужчины. Полисмен чувствовал, что еще немного – и его ребра лопнут, и воздух, находящийся в легких, вырвется наружу из всех отверстий тела с душераздирающим хрипом, извергая с собой куски разорванных альвеол и сгустки крови, а за ними через разорванную этим потоком глотку выскользнет и сердце. Слепая тварь выдавит из него все внутренности, как зубную пасту из тюбика, если он сейчас же ничего не сделает! Задыхаясь, чувствуя растущее давление крови, стискивающее голову железным ободом, офицер потянулся за ножом. Выхватив оружие из футляра, Томас всадил клинок в голову монстра между проступающих через гниющую коричневую кожу швов черепа. Комок плоти с кровоточащими челюстями упал вниз, повиснув на костлявой шее, и Гуччи заметил на «гробу» на его спине цифры 11-7.74. Руки человека упирались в холодную мертвую плоть, силясь сбросить умерщвленную тварь с себя, однако чувство удушья только усиливалось, словно в помещении заканчивался воздух. Может, нехватка кислорода и породила другую иллюзию, а, может, потолок над многоугольной эшафотной площадью действительно двинулся вниз. Свалив набок расплющенный труп монстра, полицейский сунул в футляр окровавленный нож, подобрал фонарь, луч которого уже начал блекнуть и дрожать, и бросился бежать, почти не отдавая себе отчета, отчаянно перепрыгивая по свободным клочкам земли между вылезшими на поверхность чудовищами. Он практически достиг первой двери, когда слабый фонарь мигнул еще раз и погас. Томас чертыхнулся, хлопнув себя ладонью по лбу, покрывшемуся жаркой испариной. Не было никаких вариантов действий – только продолжать бежать, пусть и не различая ничего перед собой. Кажется, слева рука задела холодную влажную решетку.

Бормочущее бульканье в подземных трубах прозвучало совсем рядом. Дальше должна быть еще одна дверь, а за ней подъем наверх. Гуччи уже представил себе тихий зал музея с бархатными витринами, с картинами на оливковых стенах, но его ожиданиям не суждено было оправдаться.

Серо-желтые потеки превратили обои в клочья размоченной бумаги, почти слезшей с грязных стен, проточенных ржавчиной. Светлые пятна остались на них, словно рубцы от ран, в тех местах, где висели картины. Куда могли исчезнуть полотна? Шорох и удар донесли из подсобки. Возможно, что-то просто упало там, однако не проверить помещение еще раз полисмен не мог и, как выяснилось, не зря. В тесной комнате с нагроможденными пыльными стеллажами, освещенными трепещущим пламенем пары свечей на полках, стоял, испуганно пригнувшись, мужчина в годах. Он складывал картины у стены и не был рад тому, что чей-то визит отвлекал его от дела.

- Извиняюсь за беспокойство в нерабочее время, - обратился к работнику полисмен, - но мне нужно задать вам несколько вопросов. Я офицер полиции Томас Гуччи.

Он предъявил незнакомцу жетон. Светлые глаза музейного работника расширились, тонкие губы его приоткрылись в испуге. Томас подозрительно смерил мужчину взглядом. Он обладал несколько странной, но вполне подходящей для сотрудника такой организации наружностью: темные седеющие волосы по плечи, осунувшееся бледное лицо с не по годам глубокими морщинами, пыльный пиджак, старый шарф на шее.

- Вы являетесь сотрудником Исторического Общества Сайлент Хилла? – спросил полицейский.

- Так точно, - с неким пренебрежением или прикрытой нервозностью бросил в ответ седой мужчина. – Дэн Эвери. Можете завтра проверить эти сведения у моего руководства.

- Что Вы здесь делаете? – продолжил расспрашивать его Гуччи.

- Снял картины. Мы закрываемся на ремонт, - Дэн Эвери вновь отвечал резко и с раздражением, но, казалось, ничего не скрывал. – Может, Вы не заметили, но у нас стена обрушилась. А какую цель преследует Ваш визит? Мы не обращались в полицию.

- У вас ничего не пропало? Точно? Может быть, довольно давно? – поинтересовался Томас.

- Мы не обращались в полицию! – повторил Дэн. Напряжение становилось для него непомерно сильным, что он едва мог

продолжать хоть как-то скрывать. Пот выступил на лбу музейного работника и скатился по линиям морщин к серо-голубым глазам.

- Вы, видимо, хотите, чтобы я скорее ушел, - сделал вывод офицер Гуччи. – Но разве эта вещь не принадлежит Историческому Обществу? – он извлек из кармана куртки безголового индейского идола.

Брови Эвери снова подскочили вверх, пересохшие губы дрогнули. Непонятный для Томаса шок отобрал у сотрудника музея дар речи. Повисла напряженная пауза, в которой тишину нарушало беспокойное дыхание Дэна.

- Что Вы знаете об этом? – требовательно поставил вопрос полисмен.

- Покиньте служебное помещение! – больше попросил, чем потребовал Эвери, хоть и пытался сохранить твердость в интонации. – Если Вы в чем-то подозреваете меня, вызывайте в полицию на допрос официально. Я не соврал Вам начет моего имени и места работы, офицер... Гуччи.

Его голос дрогнул, словно что-то пыталось помешать Дэну произнести фамилию сотрудника полиции.

- Значит, Вы не будете забирать статуэтку? – уточнил Томас, но Эвери только отрицательно мотнул головой. Он сделал вид, что вернулся к работе, взяв с полки тряпку и принявшись протирать от пыли и паутины рамы картин.

- Позвольте взглянуть на эти полотна? – Гуччи шагнул навстречу сотруднику музея, держащему в руках широкий холст, какого изначально не было на экспозиции. Дэн попытался свернуть в проход между стеллажами, но Томас остановил его, ухватившись за раму и рванув ее на себя. Эвери попытался воспрепятствовать ему, однако полицейский уже увидел картину. Внушительный холст покрывали краски серых и коричнево-красных тонов. Нечеткие силуэты, словно скрытые пепельным туманом, имели очертания висельников, помещенных в продолговатые клетки, а на переднем плане стояла мощная фигура без лица. Поначалу ее можно было принять за палача в багряном капюшоне, но четко прорисованные грани говорили о том, что это вовсе не головной убор из ткани, а глухой тяжелый шлем пирамидальной формы. Или же остроконечная пирамида сама являлась головой карателя, как безумно бы это ни звучало. Табличка на черной раме гласила: *«Туманный день. После Суда»*. А в правом нижнем углу едва заметно краснели инициалы *«Ф.Г.»*.

- Что здесь изображено? – полюбопытствовал Гуччи, тщательно пытаясь скрыть малейшие нотки волнения в голосе.

Дэн Эвери бросил полотно:

- Не спрашивайте меня, - уже буквально умолял он. – Уходите.

Но офицер полиции не поддался на эмоциональную просьбу – ему необходимо было убедиться:

- Кто автор полотна? Вам известен год создания?

Эвери закрыл лицо руками и упал на колени. Он судорожно тер глаза, оскалив зубы в гримасе боли, словно пытался из последних сил сдержать слезы.

- Вы знали Филлипа Гуччи? – осведомился Томас, но Дэн ничего не ответил. Он тер глаза и качал головой в немой мольбе, чтобы дознаватель оставил его в покое. Но Гуччи непоколебимо поставил последний вопрос, который не мог не попробовать задать:

- Это – на картине – красный бог Кзучилбара?

Работник музея ошеломленно поднял на него раскрасневшиеся глаза. И в этот момент Томасу показалось, что лицо Дэна Эвери могло быть знакомым. Не менее поразило его самого и то, как ему удалось так легко вспомнить имя неизвестного прежде божества.

- Да или нет? – еще раз повторил офицер, но Дэн не шевелился, стоя на коленях перед мрачным холстом. Слеза скатилась по его изрезанной морщинами скуле.

- Ладно, возможно, мы еще побеседуем в иной обстановке, - отступил Томас. – Здесь нет острых предметов? – он осмотрел подсобку. – Мой Вам совет – не оставайтесь здесь, когда Вы в таком состоянии. Ступайте домой. И отдайте мне шарф.

Дэн Эвери молча подчинился. Гуччи еще раз взглянул на его одежду, чтобы убедиться в отсутствии ремня или еще каких-либо элементов, какими человек мог бы причинить себе вред. Уходя, полисмен также погасил и забрал с собой свечи, прихватив к ним и спички, не только из соображений безопасности, но и как возможную замену утраченному фонарю.

«Значит, это был он... Кзучилбара. Просто впечаталось в память, надо же! Что ж, выходит, пирамида – его символ. Это индейский бог? Возможно. И, исходя из свидетельств Кристофа Гуччи, это еще один «враг» Ордена. Придуманный враг... Религиозный бред... Что еще я могу услышать? И все равно придется иметь дело с этим культом! Но я ведь всегда знал, что это неизбежно случится». Офицеру полиции не хотелось направляться в Церковь Ордена, в эту inferнальную

пародию на готические храмы, увенчанную крестами, больше похожими на печати демонов, укрошенных Соломоном. Но вряд ли сведения по тем вопросам, что встали сейчас перед ним, Томас мог найти в других источниках.

Темное время решеток и огня вновь наступило в опустевшем городе. Вода озера Толука теперь казалась черным стеклом, изредка сверкающим в рыжих всполохах многочисленных пожарищ, а по берегам под обрывом разлился алый цвет. Гуччи догадывался, что там зацвели маки. Красные цветы дурмана и вечного сна никогда прежде не росли на озерных берегах, но теперь многое изменилось. Некая сила выбрасывала новые знамена на покоренных ею территориях. Томас нетвердым шагом спустился по склону крутого обрыва к безлюдной лодочной станции. В багряной тьме влажные доски причала казались залитыми кровью, и в дальней лодке виднелось что-то, похожее на фрагменты изувеченного тела. Проверять, что именно там было, офицер не стал. Он отвязал ближайшую лодку, оттолкнулся веслом от берега и, вернув его в уключину, принялся грести. Строения на дальнем берегу озера Толука пылали, и жуткий пожар был единственным ориентиром, когда маяк не освещал никому путь. Гуччи налегал на весла так энергично, как мог. Вскоре на горизонте черной рогатой глыбой показался остров Толука. Усталость первый раз напомнила о себе - в затылке запульсировала навязчивая боль. Томас не позволил себе взять передых и продолжил грести, по возможности не теряя скорости. Когда он миновал остров, возвышенность которого была окольцована зубастым венцом руин некой культовой постройки, тупая боль впервые сдавила грудь. Похоже, столкновение с порождением тьмы не прошло бесследно, и полученная травма еще раз доказывала, что все происходящее, все химерические опасности были вполне реальными. Их нельзя было более не воспринимать всерьез, как бы Гуччи ни норовил уклониться от правды. Тягостно вздохнув полной грудью, офицер вновь взялся за весла и в поте лица устремился к причалам у погашенного маяка.

Каждый раз, оказываясь в старой части города, Томас тихо благодарил судьбу за то, что ему посчастливилось жить не здесь. В этом районе находилось сердце культа, здесь были собраны практически все подозрительные и не вполне вменяемые люди, все, кого стоило рассматривать как потенциальных правонарушителей. Даже сейчас, следуя изменившимися, скованными решетками и

окровавленной проволокой улицами, где всюду был жар неугасимого огня и совершенно не было людей, Гуччи одолевал растущую гадливость. Церковь Ордена выглядела отталкивающе и прежде, но теперь ее угольно-черные крыши, глубокая арка над входом, похожая на адову пасть, и разбитые до голых металлических каркасов ступени смотрелись зловеще даже для человека, лишенного любых религиозных чувств и суеверных страхов. Обступающие лестницу наклонные лужайки были покрыты горами прелых опавших листьев, а вместо засохших виноградных лоз они поросли теперь жирными черно-коричневыми корнями, мягкими и эластичными, словно плоть, и у кирпичных стен пульсирующими, точно кровеносные сосуды. Почти как ржавые трубы... Томас отвернулся и скорее пробежал вверх по лестнице, толкнул тяжелые двери, украшенные кровавым Нимбом Солнца, и вошел в зал со скамьями, обступившими алтарь, как в амфитеатре. Декорациями служили темные и реалистично прорисованные фрески, изображавшие сожжения тех, кого Орден называл «грешниками» и «ведьмами» - как правило, это были люди, в которых пробудилось здравомыслие, те, кто пытался покинуть ряды фанатиков, но вырваться из пасти ада за всю историю Сайлент Хилла никто так и не смог. В нечестивой церкви Гуччи увидел лишь одного прихожанина. Точнее, прихожанку. Ею оказалась Нелли, работавшая парикмахером с Говардом Гуччи после смерти его брата.

- И как я мог не знать, что ты принадлежишь к этой группировке? – озвучил свои мысли Томас, приближаясь к женщине. – А ведь и Филлип, и Говард тебе доверяли.

- Не называй Орден группировкой, Томми, - произнесла Нелли, потрянув пышной копной пепельных волос, - это оскорбляет чувства верующих.

Офицер Гуччи пропустил замечание мимо ушей.

- Когда ты видела Говарда в последний раз? – перешел к делу он.

- Разве родственники имеют право заниматься расследованием? – снова попыталась уколоть в ответ женщина.

- Очень интересно, с чего ты взяла, что идет расследование, - не остался в долгу Томас, - видимо, что-то знаешь, о каком-то преступлении, так?

- Какое нам дело до судебных грешников? – оставив вопрос полисмена без внимания, произнесла Нелли, вновь поправив непослушные светло-русые локоны, осыпанные золой проседи, и

глядя в сторону фресок, достойных стать иллюстрациями средневековых проповедей о геенне огненной.

- И по какой же причине Говард вдруг стал грешником? – дернув ее за плечо и развернув к себе, еще раз попытался добиться ответа офицер. Нелли усмехнулась с прищуром, даже не пытаясь скрывать, что она чего-то недоговаривает.

- Кто такой Кзучилбара? – почти отчаявшись в собственной затее, Гуччи перешел к следующему пункту в списке того, что он пытался понять.

Лицо культистки помрачнело, брови сдвинулись в гневе, глубокие вертикальные морщины прорезали весноватый лоб.

- Не произноси это имя в храме Ордена! – требовательно воскликнула она.

- Значит, умеешь серьезно относиться к моим вопросам! – подловил ее Томас. – Похоже, ты достаточно много знаешь.

Он достал наручники и защелкнул на ее запястьях прежде, чем она успела отреагировать. Нелли переполошенно попыталась отшатнуться, и с ее худых плеч соскользнул на пол храма черный кружевной платок.

- По ком же это траур? – обратил внимание на упавший предмет одежды Гуччи. – В вашей вере вообще предусмотрен траур? Можешь молчать, это все равно не важно. Лучше все же скажи, когда последний раз видела Говарда?

- Томми, успокойся, - женщина попыталась сделать вид, что готова отвечать без лукавства, но откровенностью назвать это было никак нельзя, - и прекрати суетиться. Он явно не в этом мире.

- Поясни, - потребовал Томас.

- Думаю, ты сам все понимаешь.

Офицер умолк. Она, конечно же, навряд ли знала то, что теперь знал он. И все же понимание собственной безоружности мешало ему прижать ее. По какому поводу он решил ее задержать? Куда он ее поведет? Смыкая на запястьях Нелли браслеты наручников, Томас блефовал, не более того. Было не исключено, что она каким-то образом ощущала это, хотя, скорее, просто не могла похвастаться адекватностью, что всегда ожидаемо, когда приходится иметь дело с сектантами.

- Слушай, Нелли, - насупив брови, отчеканил Гуччи так сурово, как мог, - если мой отец не вернется домой, у меня будет более чем достаточно оснований трясти вас. Лучше скажи мне сейчас все, как

есть. Ты знаешь кого-то, кто причастен? Знаешь что-то о послании – о мертвой птице?

Он рассчитывал шокировать ее тем фактом, что знал про дохлого кенара, подброшенного в парикмахерскую братьев Гуччи, или хотя бы пошатнуть ее уверенность в неуязвимости своей позиции, но вновь получил загадочную улыбку сумасшедшей.

- Ах, двадцать четыре птицы... - словно нараспев протянула Нелли. - Но тебе важны лишь три. Одна кричала на заре, одна пела в сумерках, а одна во тьме голос потеряет.

Томас уже слышал о двадцати четырех мертвых птицах. От Кауфмана. Однако не нашел повторного упоминания о них в блокноте врача. «Вот как кончил тот, кто знал, - безрадостно заключил про себя офицер. – Но уже поздно сворачивать».

- Что это значит? – прикрикнул он на женщину в наручниках. Теперь он был не на шутку взведен.

- Сам поймешь, - отмахнулась пепельно-русая культистка. - Ты же способный мальчик, Томми. Папа всегда так о тебе говорил.

Гуччи почувствовал, как непроизвольно сжались его кулаки. В сложившейся ситуации такие издевки, пусть даже со стороны женщины, заслуживали удара в лицо, заслуживали пролития крови. Мужчина сам противился нахлынувшей агрессии, оправдывая себя тем, что все, что случилось за последние дни, истощило его нервную систему до предела. Нельзя было давать волю эмоциям, нужно было рассуждать дальше. Встречалось еще одно упоминание числа двадцать четыре – в рукописи Кристофа о Кзучилбаре. «...*Когда грешники отберут двадцать четыре невинные жизни*». Кто же явится тогда на земли Сайлент Хилла?

- «Они истекают кровью на гнездах», - вспомнил офицер Гуччи другие слова доктора Кауфмана. - Речь об убийствах? Ритуальных?

Нелли молча отвела взгляд, чего оказалось достаточно для нее, чтобы выдать себя. И Орден.

- Сколько жертв уже было? – спросил Томас.

- Двадцать три, - нехотя выдавила из себя она. - И двадцать четвертая скоро будет. Она уже есть. Но не знает об этом!

Орден, палачи, ведра крови... Офицеру Гуччи все труднее давалось самообладание. Его голос едва предательски не сел на последнем, важнейшем вопросе:

- Одна из жертв – мой отец?

- Глупый мальчик! – раздраженно воскликнула Нелли. - Птицы на гнездах!

- Женщины... - осознал он. Одним вопросом – о значении птиц – стало меньше. Но что же все-таки значило послание? Кому была адресована мертвая канарейка в парикмахерской? Ей, Нелли? Но тогда она делала бы что угодно, только не пряталась бы в Церкви Ордена! И не продолжала бы так странно улыбаться, словно уродливая щербатая Джоконда.

- Точно не хочешь ничего добавить здесь, чтобы нам не пришлось идти в участок? – еще раз попытался припугнуть ее возможным арестом Томас.

Женщина безучастно пожала плечами:

- Веди, если считаешь нужным.

Полицейский ухватил ее под руку и повел к дверям церкви. Он решительно дернул массивную бронзовую ручку, но замок оказался запертым. Гуччи обернулся, однако в зале храма по-прежнему не было никого, кроме него и Нелли. Мужчина дернул ручку снова, потянул на себя несколькими рывками со всей силы, но все усилия оказались тщетны. Он отошел на пару шагов от выхода, раздумывая о других вариантах действия, когда неожиданно кто-то несколько раз настойчиво подергал дверь с другой стороны. Нелли отпрянула от дверей храма, как от огня.

- Туда нельзя идти! – воскликнула она прежде, чем Томас успел что-то спросить. – Но я знаю другой выход. Даст бог, там будет безопасно. Увы, я не могу помолиться за тебя, Томми.

- Я об этом и не просил, - холодно бросил Гуччи.

- Сними наручники, - попросила его Нелли.

Офицер без особого желания внял ее просьбе. Она раздражала его, неприязнь к этой женщине доходила сейчас у него до физического отвращения, чего он никогда не испытывал прежде, хотя знал коллегу Говарда очень давно. Возможно, все дело было в принадлежности к Ордену, а, возможно, в сумасшествии. Неприятная женщина взяла Томаса за руку и потащила к алтарю. Он не спешил следовать за ней, но и не сопротивлялся. Перед круглым дощатым помостом она свернула влево, указав на незаметный темный проход, ведущий куда-то за полукруглую стену, расписанную фресками. Прежде, чем оказаться в полной темноте, Гуччи видел, как в ее руке сверкнул бронзовый медальон с отчеканенным Нимбом Солнца. Нелли тащила Томаса по тесному коридору, едва вмещавшему

человека с его шириной плеч. Наконец, полоска тусклого света рассекла сплошную завесу мрака, а затем расширилась до прямоугольника. Полисмен вслед за женщиной покинул здание церкви.

Они очутились на очередной разбитой лестнице, изъеденной лишайником, которая спускалась к равнине городского кладбища. Здесь трава между крестов, стел и могильных плит еще не зачахла, сохранив блекло-зеленый цвет. И здесь не произрастали дьявольские маки. Томас успел невзлюбить красные цветы, как и сектантку Нелли, за один день, но сейчас земля без них почему-то будила в его душе нехорошие предчувствия. В сумерках туман стлался над погостом, но при этом не ронял уже почти привычный пепел.

- Ты слышала о пожаре в шахте? – задумчиво обратился Гуччи к своей вынужденной спутнице.

Нелли удивленно усмехнулась:

- О каком еще пожаре? В какой шахте?

- Уилтс. Других в Сайлент Хилле нет.

- Да весь город был бы на ушах, если бы что-то такое случилось.

Весь город... Теперь рассмеяться захотелось Томасу, хотя совершенно безрадостно, но в полном смысле безысходно. Его нервировало то, что невозможно понять, но когда было известно, что понять нечто можно, что можно отыскать объяснение, но непреодолимая и непостижимая преграда вставала на пути к обретению знания об истине, это ввергало в ярость, в неопишное мучительное исступление. Понуро уставившись себе под ноги, Гуччи спустился по обветшалой лестнице. Он уже ступил на упругий ковер влажной травы, когда за спиной его раздался скрежет и сиплое кряхтение, за которыми последовал полный страха женский вскрик. Офицер выхватил пистолет и обернулся. За спиной светловолосой женщины, оставшейся стоять в одиночестве под стеной церкви, которая, как уповала она, должна была ее хранить, появилось серое, покрытое пятнами черной спекшейся крови нечто. Высокий и тощий человекоподобный монстр с безвольно запрокинутой головой, отсеченными кистями рук и дырами на коже, заполненными кусками ржавого железа, был распят на длинном металлической лезвии с двумя направленными в одну сторону остриями. Руки конвульсивно дергающейся твари были пригвождены к лезвию огромными поблескивающими болтами, а в центре массивный многогранный крепеж, заросший ржавчиной, был глубоко всажен в грудную клетку.

Нелли, спотыкаясь, попыталась сбежать вниз, но оступилась на раскрошенных неровных ступеньках. Гуччи пробовал прицелиться, но не мог понять, куда стрелять, если не в болтающуюся голову и не в зашитую металлом грудь. Выстрел в живот не остановил монстра – тот, заваливаясь то на одну, то на другую сторону, хрипя и кряхтя, подобрался к женщине и, развернувшись рывком, начисто отсек ей голову.

Оставив попытки стрелять, Томас развернулся и побежал по кладбищенской земле. Он не знал, куда теперь стоило направиться, но сейчас нужно было, как минимум, найти безопасное место. Нога зацепилась за что-то твердое, Гуччи упал на траву, ослепленный болью. Открыв глаза и спешно встав на ноги, полисмен осознал, чем так не понравилась ему земля, лишенная алеющих цветов. Распластанные твари-слизняки с искаженными гробами на спинах заполняли проходы между могилами. Они подползали, толкали человека своими стальными панцирями и плоскими конечностями, норовя сбить с ног. Гуччи пытался избегать столкновений с ними, святотатственно ступая по могильным плитам, когда это было возможно, и все равно чудовища стекались к нему, пытаясь преградить дорогу к спасению своими деформированными телами. За спиной, высясь черным крестом над строем надгробий, плелся распятый монстр. Он, похоже, не собирался оставлять преследование.

Взгляд назад обернулся для офицера просчетом. Ползучая тварь смогла свалить его с ног, он едва не ударился головой о гранитную плиту. Обернувшись, Томас ощутил, что у него перехватило дыхание, хотя пока никто не пытался раздавить его ребра. Он упал у могилы дяди Филлипа. Но даже не это шокировало полисмена. Имя покойного на плите было закрашено черной краской, а поверх нее красной кто-то вывел слово «*Братья*». И теперь гравировка на граните с исправлением была вынуждена свидетельствовать о том, что здесь покоятся оба брата Гуччи.

Эмоциональная встряска несколько предала сил. Томас быстро вскочил на ноги и продолжил бег на пределе своих возможностей, более не оборачиваясь, минуя лезущие из-под земли гротескные препятствия. Лишь когда ему удалось перемахнуть через кованый кладбищенский забор, оставив за ним всех кошмарных тварей, офицер позволил себе сбавить скорость. Он не останавливался. Быстрым шагом он удалялся от опасного погоста, предавшись напряженным тягостным размышлениям. «Я отказываюсь так легко

верить, что он мертв! – думал Гуччи о несчастном отце. – Но кто-то хочет, чтобы так было. Или чтобы я бросил поиски правды. Орден? Возможно. В чем он грешник? Или той птицей... его могли предупредить о какой-то женщине... Но если бы в его жизни появился кто-то важный, разве я бы не знал? Проклятье! Разве я всегда слушал все то, о чем он рассказывал мне по вечерам! Я негодай... Стоп. Мои самооговоры тут не помогут разобраться. Что я знаю? Что еще я видел? Здесь, в тюрьме... Цифры. 11-7.74. Может, это дата? Седьмое ноября. Мой последний рабочий день. День, когда исчез отец. И когда я услышал о пожаре... которого словно и не было. Я могу точно узнать это, только посетив шахту». Иных вариантов все равно не было, Томасу приходилось остановиться на этом. Путь предстоял немалый, и самобичевание становилось неизбежным. Но офицер Гуччи никак не был убежден в том, что уже ничего нельзя исправить.

IV

Старый город обнажил свое истинное лицо. Он был геенной огненной во всех смыслах – и горячей зловонной свалкой на окраине, и покрытыми нагаром инструментами преисподней. Офицер Гуччи не замедлял шаг, но, постоянно настороженно озираясь, замечал, как ему казалось, распятые обезображенные мертвые деформированные тела за многослойными ширмами решеток. Наконец, Томас вернулся к переправе. Черная громадина маяка, безглазая и немая, следила за городом подобно палачу в остроконечном железном шлеме. Сердце человека, севшего в лодку и отчаянно схватившегося за весла, нездорово трепетало, возмущенное изнурительной нагрузкой без отдыха и неодолимой навязчивой тревогой. И все же несколько сбавить темп Гуччи позволил себе лишь на середине озера, миновав непроглядную пасть рогатых руин на мертвом острове Толука. Полисмен дал себе время, чтобы дыхание и сердцебиение могли вернуться в норму, глотнул воды из фляги, едва удержав себя от алчного порыва выпить все до последней капли, и с новой силой взялся за греблю.

Черное стекло озера все чаще пестрело крошечными вкраплениями ржавчины – плывущие по поверхности палые листья сбивались в скопления и кучи на мелководье. Причаливая к родному

берегу, освещенному пылающими руинами южной части Сайлент Хилла, Томас почувствовал щемящую горечь. Он вышел на берег и, тяжело дыша, поплелся вверх по алеющему склону. И здесь, под обрывом усталость одолела его – навалившись грузом на спину, свалила с ног. Мокрые травы и тонкие лепестки маков коснулись разгоряченного лица. Впервые офицер не почувствовал зла в снотворных цветах – мягкая прохлада травянистых растений утешала, возвращала чистоту, снимала с лица и с души коготь испорченного мира. Гуччи погладил тускло-зеленый ковер мозолистой саднящей ладонью, видя, как к ней прилипло несколько рдяных, полупрозрачных лепестков и угольно-черных тычинок мака. «Если я буду топтать, срывать, мять их, зло все равно не выйдет из меня, – заговорил с самим собой в своих мыслях Томас. – Оно есть во мне, конечно. Но с ним ли я борюсь? До саморазрушения, до смерти... Или же оно меня ведет? И мне не стоит ему сопротивляться?». Последняя мысль звучала очень странно. Может, ее нашептали цветы зла, примятые тяжелой черноволосой головой. Но она была губительно манящей – мысль о необходимом зле. Как и о необходимом отчаянии, о котором было сказано на страницах рукописи, вложенных в окропленную кровью Библию. Офицер Гуччи, упавший в объятия прохладной земли, еще не был готов всецело принять эти скорбные необходимости, однако что-то в его душе приоткрылось в тот миг для нашептанной умирающими маками идеи.

Еще долго Томас не мог, да и не хотел преодолевать сморившее его оцепенение. Кровь остыла, разум прояснился, и лишь тогда вернулось состояние готовности к действиям. И все же встать на ноги далось не так просто. Полицейский вспомнил, что уже не первый день был лишен нормального сна, но вместе с тем он забыл и о своих кошмарах. Можно было рассчитывать на то, что беспокойные сны уже никогда не вернуться, но не хотелось бы и того, чтобы их заменили повторяющиеся воспоминания о кошмарах, пережитых наяву.

С обновленными силами Гуччи вскарабкался на обрыв и вернулся на дорогу, пролегающую вдоль озера. Параллельно вытоптанной пешеходной тропке разбитое шоссе Плезант Ривер тучной неповоротливой змеей подползало к жилым районам. Здесь неподалеку был поворот к личному ритуальному месту Томаса, где он привык совершать прогулки после смены, оставаясь наедине со

своими мыслями, такими же туманными и не мирными под поверхностью, как озеро Толука. До чего же захотелось ему теперь свернуть, пойти хоть с закрытыми глазами выученным наизусть незамысловатым маршрутом, чтобы оказаться в том сокровенном месте, принадлежащим ему одному! Однако офицер полиции не мог позволить себе этого. Не сейчас. И так же отчаянно хотелось верить, что вернется прежняя жизнь, и что он сам еще вернется сюда. Но сейчас Гуччи ступил на израненную кожу змеи Плезант Ривер и быстрым шагом направился на восток через тлеющие темные кварталы.

Осенняя ночь, дрожащая в горячке пожаров, замедляла мужчину, отправившегося в одиночный поход через полгорода. Томас невольно испытывал сомнения, не свернул ли он где-то с намеченного пути. Даже с прекрасным знанием города в столь исковерканном, извращенном мире тьмы он был не застрахован от такой ошибки. Как и от того, что можно было упустить нечто, просто минуя с быстротой зловещие улицы. Полисмен зашагал чуть медленнее, внимательно оглядываясь, силясь подметить что бы то ни было значимое в смоляном дыму с солено-терпким запахом горящей плоти. Смерд уже не настораживал, но тень, ползущая по закопченной, переплетенной окровавленной «колючкой» стене... Отчетливо узнаваемая парящая над землей тень с шестью обрубками широко расставленных конечностей. Оборачиваться Томасу не хотелось, он собирался теперь просто броситься в бег. Что и сделал с невольным выкриком, как только нечто холодное и липкое скользнуло по его плечу.

Мужчина знал, что плыло по воздуху за его спиной. Он заставлял себя преодолевать противоречивые, необъяснимые порывы и не смотреть. «Дорога. Нужно знать, куда бегу. Не заплутать! Нельзя!». Приходилось тратить бесценное время, приходилось озираться по сторонам в поиске ориентиров. Может, эти доли утраченных секунд, сложенные вместе, привели к тому, что произошло в один миг – парящий над землей монстр вторгся в поле зрения Томаса. Тварь выскочила слева, как всегда бесшумно и неожиданно, и уже начала выворачивать рассеченную плоть и разматывать кишкообразные щупальца. Гуччи метнулся за ближайший поворот справа и ускорил бег до предела, до чувства удушья и боли в груди. Он осознавал, что не выдержит долгой дистанции в таком темпе, что скоро даст о себе знать угнетающая тяжелая боль в голове, но все же рассчитывал оторваться. А тварь снова обставляла человека на поворотах, угрожая

щупальцами, в конвульсивной насмешке трясая головой с болтающимся окровавленным языком. Томас петлял улицами, где завалы и новосозданные тупики норовили вогнать его в отчаяние, и все же он не собирался сдаваться. Надежда оправдалась, когда постройки начали расступаться перед убегающей из города Уилтс-Роуд, немного извилистой линией стелющейся вдоль узкой ленты безымянной речки. Копоть, распространяющаяся от горящего Сайлент Хилла, застилала зрелище того, куда вела дорога, но ее направление все равно было известно. Здесь, без поворотов и других препятствий Гуччи мог распрощаться с преследователем. Боль в затылке уже побеспокоила Томаса первыми тупыми предупредительными ударами, сухой прокопченный воздух резал горло, но мужчина твердо сказал себе, что еще сможет бежать. Уилтс-Роуд уже уводила его от оставшегося позади во мгле и гари развернутого блестяще-красного цветка из плоти.

Вскоре все, что могло напоминать о южном районе Сайлент Хилла и его монструозном обитателе, растаяло в густом насыщенном дымчато-пунцовом ночном мраке. Офицер с непередаваемым облегчением вернулся к спокойному шагу. Разбитая загородная дорога принесла долгожданную прохладу. Еловые леса подступали к Уилтс-Роуд частокольными стенами, но в воздухе пахло лишь мокрой пылью, а не хвоей. Томас вглядывался в чащу рьяно, силясь распознать малейшие признаки возможной опасности. С очередным удивлением, отдающим горечью печали, Гуччи заметил, что лес теперь был мертв. Рыжая хвоя частично осыпалась с сухих ветвей, словно дождь из мелких заржавевших гвоздей. Близ города траву вдоль дороги еще усыпали маки, но чем дальше уходил полицейский от Сайлент Хилла, тем желтее, гнилостнее становилась трава, и тем реже рдели на ней мелкие цветки. Казалось, шоссе вело его к эпицентру смерти, к некой страшной ране на теле земли. По сути шахты всегда можно было сравнивать с ранами, но с ними рядом никогда не было таких ярких признаков страдания. Тревожное ожидание схватки с химерами вспыхнуло с новой силой.

Спустя некоторое время пути Уилтс-Роуд выбежала из местности, поросшей редколесьем, на пустынные сепиевые просторы. Ближе к месту-ране к ночной прохладе начал примешиваться усиливающийся запах гари. «Похоже, шахта действительно горит, - поспешил сделать вывод Томас. – В этой реальности так. А что в других... Не имеет значения. Я заперт здесь. И вернуться мне не позволено». Он

осознавал, что идет навстречу смертельной опасности, добровольно и в здравом уме, но ведомый не вполне здоровыми, иррациональными мыслями. Но что еще оставалось делать, попав в его состояние, - личности и реальности, - где логика оказалась несостоятельной? Чем дальше уходил офицер, тем сильнее одолевали его сомнения, но в памяти четко отпечатались мясной цветок с черными щупальцами, отрезавший для него путь к отступлению. Мир не давал иных знаков – все знаки встречались там, где мир был неправильным, где среди огня кровоточила его язва, где находилась опасность. Офицер полиции связал свою жизнь с опасностью, будто обручившись с нею.

На подступах к шахте Уилтс растрескавшийся асфальт стал нагреваться. Удушливый жар поднимался из недр земли. На обочине застыли, подобно скелетам гигантских чудищ, изгрызанные коррозией старые грузовики, некогда перевозившие уголь, и циклопические адские колеса – сломанный подъемный механизм шахтного ствола. Тонкие костлявые остовы теперь были всем, что осталось от строений шахтного комбината, ютившихся у подножий невысоких угольных терриконов. Томас еще помнил изображение этого места на картине в музее – возвышающуюся над деревьями башню копра и темные треугольники позади. Но теперь на выжженной земле не было деревьев, а перекрещенные металлоконструкции копра опаленным скелетом долговязого исполина угрожающе высились над равниной в черном дыму. Мертвый исполин казался неустойчивым, шатким, готовым апатично рухнуть с расставленных в стороны паучьих ног. Территорию шахтного комбината огораживали невысокие столбы, обтянутые по периметру сеткой Рабица. У самых ворот въезда на сетке висело обожженное, блестящее желтыми водянистыми волдырями тело. Точнее, грубо оторванная половина тела, перетянутая тут и там сухими грязными бинтами. Гуччи присмотрелся, осознавая, что уже видел такое, когда обгоревший кусок мяса пополз по зашатавшейся скрипучей сетке, переставляя искореженные руки. Монстр полз к въезду, все ближе к дороге, по которой шагал Томас. «А что с головой?» - пронеслась мысль в голове человека, вынимающего пистолет. В вытянутое гангренозное образование, служившее подобием головы, были вкручены округлые металлические коробки, похожие на фильтр противогаса. И еще до того, как Гуччи успел выстрелить, с омерзением целясь в то, что болталось на плечах сочащейся, усыпанной волдырями твари, воздух наполнился едким

желтоватым дымом. Облако газообразного яда достигло лица офицера, и он согнулся в приступе удушливого, нестерпимого кашля, исполненного боли в опеченной горле, неудержимого кашля до позывов на рвоту. Ослепленный болью – как ему хотелось верить, что виной тому именно боль, а не отравляющий газ – Гуччи отшатнулся в сторону и попытался отойти на безопасное расстояние. Кашель не унимался еще долго, и на языке уже появился тревожный железный привкус. Офицер протер слезящиеся, покрасневшие глаза. Нет, он не утратил зрение, но неужели дальше придется палить по твари вслепую? Глаза защитить ему было нечем, но легкие... Томас достал из куртки шарф Дэна Эвери, смочил его водой из фляги и обмотал вокруг лица, плотно закрыв нос и рот. Прикрыв глаза козырьком ладони, полисмен двинулся вперед, к воротам въезда. Деформированная голова тонкокожего монстра в бинтах дернулась, выпуская в воздух новую порцию токсичного газа. Приблизившись к твари на достаточное расстояние, Гуччи быстро прицелился, выстрелил и закрыл глаза. Он слышал, как с глухим шлепком изъязвленная туша рухнула на асфальт, но стоял с закрытыми глазами и ждал, когда пройдет достаточно времени, чтобы рассеялась основная масса ядовитого облака. Через несколько минут мужчина позволил себе приоткрыть глаза – их до слез резало все: сухой воздух и угольный дым были также неприятны, как и остатки выдохнутой немощным чудовищем отравы.

Томас зашел на территорию шахтного комбината, пройдя мимо съеденных коррозией грузовиков и гигантских колес подъемных механизмов. Оборванные тросы клетей зловеще покачивались на башне копра. Здесь становилось ясно, что на цивилизованный, незначительно рискованный спуск в шахтный ствол было нечего рассчитывать. Гуччи приблизился к краю уходящей вертикально вниз горной выработки. Колодец не меньше восьми ярдов в диаметре, кажущийся бездонным в потемках непроглядной ночи, укрепляли толстые тоннельные кольца из чугуна, пересеченные тубинговой крепью. Крайне опасный аналог лестницы. Даже если не принимать во внимание тот факт, что офицеру уже удалось разглядеть нескольких дышащих ядом монстров, уцепившихся за чугунные укрепления. Мужчина осознавал, что половинчатые болезненные твари поползут к нему, как только он попытается спуститься в ствол шахты, что ему придется держаться за грубые тоннельные кольца одной рукой, в то время как другой – отстреливаться. Не мог он отрицать и

своей усталости, и далекого от совершенства состояния здоровья. «Но если отступить – что тогда делать? – отчаянно искал варианты Томас. – Я что, смогу развернуться, пойти домой и делать вид, что ничего не происходит? Ничем хорошим это не кончится. С тем же успехом можно сразу застрелиться. Но чтобы я на такое пошел... я даже сейчас не знаю, что может так доконать меня!». Гуччи еще раз осмотрел устье ствола и копер: вся конструкция для спуска и подъема клетей ниже уровня земли была обрушена. Все, что удалось найти полезного в грудах ржавого металла – короткий обрывок старого троса. Один из концов стального каната образовывал крепко свинченную петлю, так что полисмен набросил трос на опору копра, продел его свободный конец в кольцо и начал спуск в колодец до первого металлического обруча тоннельной крепи.

Скользкая неровная поверхность троса, состоящего из множества проволочных нитей, вырывалась из рук, сдирая с ладоней кожу. Стального каната едва хватило, чтобы, шаг за шагом, упираясь ногами в стены шахтного ствола, достичь чугунной опоры. Кольцо, на которое Томас встал почти прыжком, оказалось толстым не только в ширину, позволяя спокойно стоять и даже идти по нему, но и в высоту, что значило, что держаться за него при спуске можно было лишь четырьмя пальцами руки. «Отстреливаться и лезть одновременно – нечего и думать! – заключил Гуччи. – Только стоя на кольце». Шорохи, эхом ползущие по всем стенам ствола шахты, уже слышались за его спиной. Офицер стоял вполоборота к пропасти, грудью к стенам колодца, но лицом к бездне. Искореженное существо выползло со дна, словно лысая лишайная крыса или огромный бледный таракан. Томас уже вытащил пистолет и теперь вел руку параллельно с передвижениями твари. Он нажал на спуск, и словно несколько выстрелов грянуло одновременно. Один монстр уже сорвался в пропасть колодца, но звуки движения не прекратились. Эхо не позволяло достоверно определить их источник. «Что теперь, ждать тут или спускаться дальше?» - лихорадочно пытался сообразить полисмен. И тут все шорохи разом стихли. Неестественная тишина была подобна приглашению, неприкрытому глумливому приглашению в руки опасности. Тем не менее, Гуччи последовал ему, продолжив спуск.

Каждое кольцо тоннеля казалось кругом ада, одной из несчетных злопазух, плавно увеличивающих тяжесть страдания. Пальцы болели так, словно их медленно вырывали из суставов. По сути, так оно и

было. Сухой воздух нещадно накалялся, и Томасу казалось, что мокрый шарф, закрывающий его лицо, пропитанный уже не столько водой из фляги, сколько потом, скоро станет губкой, вобравшей в себя кипятки, подобием пытки смоляной маской, снимающейся с лица вместе с отслоившейся вареной кожей. Дыхание причиняло тупую боль. Еще пара тварей с вывихнутыми руками и дрожащими сгнившими культями вместо ног, с покрытой гноеточащими язвами кожей встретилась на пути ползущему в неизвестность человеку, и хотя он сумел достаточно быстро разделаться с ними, подобные столкновения воодушевления не добавляли. Сколько уже было пройдено и сколько кругов еще предстояло, оценить было невозможно. Томас едва не сорвался, ставя ногу на очередное неровное чугунное укрепление. «Почему вдруг скользко?!» - оторопело подумал он и тут же увидел ответ. По кольцу ползало изуродованное ожогами существо, оставляя на острых краях металла следы своей коричневой крови, смешанной с гноем. Сейчас тварь висела совсем близко – ее пальцы, смотанные задубевшими бинтами в цельное подобие шершавой белой клешни, готовы были коснуться ботинок офицера. Выдыхаемая отравка спускалась на дно колодца, она не могла причинить вреда даже глазам Гуччи, но вот столкнуть его со скользкого тоннельного кольца монстр намеревался еще попытаться. Томас осторожно отошел, рискуя оступиться с очевидным скверным исходом, но выигранное расстояние дало нужное время, чтобы достать пистолет. Еще одна туша сорвалась в темноту. Казалось, снизу послышался звук рвущейся плоти. Внизу была опасность – возможно, металлоконструкции поломанных клеток торчали на шахтном дворе кольями. Но важно было то, что этот самый шахтный двор – по сути, дно огромного ствола, где от него отходили горизонтальные тоннели-квершлагги, был уже довольно близко. Однако Гуччи не мог скорее продолжить путь. Усталость заставляла дрожать руки и ноги, а парилка, в которую сухой разогретый воздух превращал колодец, словно пыталась задушить и сжечь одновременно. Кроме того, приходилось решать, как спускаться теперь: идти по кольцу, измазанному гноем, до чистого, скользкого участка, если таковой будет, или же лезть вниз там, где и стоял, уповая, что пальцами удастся удержаться достаточно крепко. Проблема была и в том, что подошвы обуви уже были выпачканы гнусными соками твари и теперь тоже были неустойчивыми. Понимая, что умерщвленное существо могло измазать собой все по

меньшей мере на уровне этого тоннельного кольца, Томас начал куда более рискованный, чем прежде, спуск там, где и стоял. Ни логика, ни воображение не могли объяснить ему самому, как ему удавалось продолжать путь. Скоро во мраке обозначились серо-коричневые очертания околоствольного двора с глухо-черными провалами квершлагов по периметру. Нагромождение ржавых искореженных металлических балок подходило к стене ствола, и дальше пришлось перелезть на их шаткую оцетинившуюся свалку, среди штыков которой застряли комки уродливой плоти, бывшие детищами испорченного мира. Спрыгнув на покрытый угольной пылью грунт двора, Гуччи едва не упал без чувств. Путь сюда стоил ему нечеловеческих усилий.

Жажда усиливала острейшую боль в поврежденном горле, а воды во фляге не осталось. Все, что мог позволить себе мужчина, - только лишь обтереть почерневшее от пота, смешанного с угольной пылью, лицо внутренней стороной влажного шарфа. Это доставило сомнительное облегчение. Офицер Гуччи встал и осмотрел руины подъемных конструкций. У подножия груды ржавого металла ему удалось обнаружить запорошенную черной пылью каску с коногонкой и старую кирку. Через каску сбоку проходила небольшая трещина, но коногонка, к удивлению полисмена, оказалась в рабочем состоянии. Томас вооружился киркой, надел каску и включил фонарь. Стены колодца в появившемся мощном свете стали до мельчайших деталей отчетливыми, но бездны квершлагов оставались непроглядными. Они открывали беззубые пасти с четырех сторон, окружая отчаянного человека потенциальными опасностями. Никаких отблесков пожара не наблюдалось вокруг, и невозможно было предугадать, где доведется встретиться с огнем. Натянутой тишине стать абсолютно всепоглощающей, вакуумом для органов чувств не позволяли только прерывистые шорохи подошв обуви полисмена, переступающего на месте и безрезультатно озирающегося, невольно задерживая взгляд на трупах монстров, насаженных на металлоконструкции – зрелище было сродни картине дяди Филлипа, изображавшей казнь на колу. Внезапный рев, подобный иступленному крику боли смертельно раненого человека, поднялся из земных недр и пробежал вибрацией по колпаку кромешного мрака. Гуччи невольно дернулся всем телом. Взгляд его теперь беспокойно обшаривал пол околоствольного двора – мужчина был уверен, что звук раздался где-то внизу. Под металлическим

хаосом, служившим когда-то подъемным механизмом, просматривался зумпф. Томас, взглянув вниз, заметил, что под околоствольным двором под одним из квершлагов гидросмесь в отстойниках подозрительно окрашивалась чем-то густым, вязким, темно-красным. Офицер не знал такой горной породы, растворение которой давало подобную черно-багряную массу, что могла создать иллюзию того, что из горной выработки вытекает свернувшаяся в цельный полужидкий сгусток кровь. Но необъяснимое явление хотя бы помогло с решением, какой квершлаг требуется обследовать в первую очередь.

Крупницы угля скоро налипли на потное лицо маской. Казалось, пыль забила высохшие дыхательные пути по всей длине – Гуччи то и дело срывался на кашель, доставляющий пронзительные мучения. Свет коногоки лизал хаотично граненые каменные стены квершлага, цепляясь за потемневшие деревянные балки и тоннельную крепь. Долгое время, углубляясь во чрево земли, Томас не находил ничего, кроме груд разбитой породы. Поначалу он даже не обратил внимания на несколько пыльных листков бумаги под ногами, но все же вернулся и стряхнул с них мелкую угольную крошку. Отпечатанный на машинке текст сохранился почти идеально, и его содержание без малого озадачивало:

«Д. Эвери,

*заместитель директора общественной организации
«Историческое Общество Сайлент Хилла»*

*генеральному директору угледобывающего предприятия «Шахта
им. Р.Уилтса»*

И.Т. О’Снайеру

Предметом сего обращения является фрагмент наскальной росписи, обнаруженный в начале ноября 1964 года рабочими угледобывающего предприятия в ходе прокладки нового квершлага №4. По всей видимости, в данной местности некогда находилась ныне заваленная пещера, в прошлом используемая коренными поселенцами как ритуальное место. Историческое Общество Сайлент Хилла выражает руководству «Шахты им. Р.Уилтса» в Вашем лице благодарность в организации заявленной геологической экспертизы.

Со своей стороны сообщаем, что найденная роспись может быть датирована VII-VI веком до н.э.. Изображение нанесено с помощью красителей минерального происхождения (как-то: глина,

уголь, окись марганца) и, возможно, жертвенной кровью. Существо в облачении бога стоит в профиль, что характерно для типичных мезоамериканских сакральных изображений. В руках божество держит оружие – меч или большой нож. Имеет головной убор в виде красной пирамиды. Историческим Обществом Сайлент Хилла ранее проводилось изучение гримуара «Багряный том», описывающего адаптированное фольклорное предание о «красном боге» Кзучилбаре, а также содержащего инструкции связанных с упомянутым божеством ритуалов. Также Историческое Общество некогда располагало безголовым каменным идолом (ныне утрачен при невыясненных обстоятельствах), облачение и оружие в руках которого практически идентичны обнаруженной наскальной росписи (фотокопии прилагаются). Согласно легенде XIX века, голова откололась от статуэтки идола после обезглавливания миссионера Т.Гуччи в тюрьме Толука. Находка предоставляет возможность воссоздать утраченный артефакт, а также соединить разрозненные факты в легендах и, возможно, определить зашифрованные в них исторические события.

Историческое Общество Сайлент Хилла предоставляет всю эту информацию с целью демонстрации неопровержимой культурной ценности обнаруженной в шахте им. Р.Уилтса наскальной росписи. Историческое Общество просит руководство угледобывающего предприятия в Вашем лице о предоставлении разрешения на продолжение исследовательских работ в квершлагае №4.

Кроме всего вышесказанного, музей Исторического Общества Сайлент Хилла заинтересован в получении росписи на хранение и экспозицию, если геологическая экспертиза подтвердит наличие такой возможности. В благоприятном случае просим руководство шахты оказать содействие в извлечении фрагмента и в сохранении культурно-исторического наследия города.

Также, принимая во внимание возможные обстоятельства утраты фрески, Историческое Общество Сайлент Хилла в моем лице выносит просьбу о прекращении строительных и угледобывающих работ в квершлагае №4 с последующим закрытием данного квершлага на неограниченный срок. Общественная историческая организация в моем лице просит исключить создание новых выработок в том же направлении даже в случае отсутствия угроз по заключению геологической экспертизы. Историческое Общество Сайлент Хилла выражает обеспокоенность судьбой

возможного культурно-исторического наследия не только города, но и всего округа Толука, и настаивает на частичной приостановке производства. Вопрос об организации раскопок остается открытым. Рассчитываем на Ваше понимание».

«Видимо, это и есть злополучный четвертый квершлаг, - перечитав еще раз сумбурный документ, пришел к выводу полисмен. - Ладно, я не удивлен тому, что эти бумаги оказались здесь. Однако надо быть очень наивным, чтобы писать такое промышленникам. Или пребывать в сильном страхе. Я сам видел состояние Дэна Эвери, чему тут удивляться? Разве что тому, что он не называл себя заместителем директора при нашей встрече... Может, после этой... петиции его уволили? Просить о закрытии производства, подумать только! Впрочем, и этому я тоже уже не удивлен».

Теперь офицер Гуччи знал, что ищет – наскальную роспись, которую индейцы сотни лет назад нанесли на стены глубоко погребенной пещеры жертвенной кровью. Томас уже прочел описание, ему на глаза уже попадалась картина, которая хоть и могла быть порождена занедужившим воображением, но все же в основе своей имела легенды из туманного прошлого Сайлент Хилла. Полицейский сам не мог постичь, что мешало ему верить в то, что легенды тех времен звучали именно так, и почему он так хотел, жаждал, должен был узнать, как выглядел кровавый Кзучилбара. Бог кары, возмездия и гнева по-первобытному пугал и притягивал его. Словно именно рука массивного древнего истукана тащила нездорового, вымотанного человека, звание и опыт которого утратили всякое значение в потусторонней тьме, по квершлагу к широкому, но довольно тесному каменному залу. Здесь в свете шахтерского фонаря офицер увидел то, что так не хотел и в то же время хотел видеть. Поблекший и осыпавшийся образ читался достаточно ясно. Кзучилбара стоял на черных ногах, обращенный вправо, облаченный в бело-красный нагрудник и светлые рукавицы. Кисти его смыкались на рукояти черного ножа, упертого в землю, и навершие оружия доходило божеству до шеи. До того места, где должна была быть шея, но у истукана не было ни ее, ни по сути головы. Охряно-багровая пирамида служила его головой – вытянутая спереди, словно мощный устрашающий клюв стервятника, пирамида. Гуччи извлек из кармана музейного идола, которого отказался брать в руки несчастный Дэн Эвери. «Я ведь находил его голову», - с внезапным озарением он сунул в карман свободную руку. Пальцы

нащупали каменную пирамидку, о которой Томас уже успел позабыть. Он вынес ее на свет коногонки – цвет пирамидки и безголовая фигурка божка идеально совпадали по цвету и текстуре. Мужчина опустился на одно колено и аккуратно положил идола и его голову на пол каменного зала. Он достал забранные из музея свечи и зажег одну из них. Растопленный воск Томас нанес на каменную пирамидку и прижал ее к плечам божка. Офицер Гуччи не вполне осознавал, почему и для чего совершал эти действия, но его сознание молчало, не бросая под руку вопросы. Оно словно отошло в сторону, чтобы не мешать проведению ритуала. Мужчина выпрямил спину, созерцая результат работы и сравнивая его с древней росписью на стене. Нарастающий гул где-то вдаль, мчащийся к месту забытых обрядов, вырвал Томаса из парализующей волю оторопи. Полисмен вскочил и попятился назад, прочь от зловещего индейского рисунка, когда камень откололся от потолка пещерного зала, сбил каску с головы Томаса и рассек кожу на виске. Острая грань булыжника, по всей видимости, задела крупный сосуд – кровь струей потекла по углу челюсти среди отросшей щетины и закапала с подбородка, окропив пол и вновь ставшую целой фигурку Кзучилбары. Пытаясь зажать ладонью кровоточащий порез, Гуччи уже бегом бросился прочь из ритуального зала, заполненного громогласным грохотом камнепада, но встал как вкопанный перед темнеющей кишкой квершлага. До подступающей рвоты знакомый мясной цветок распахнулся перед его лицом inferнальным знаком «Стоп». Отступить было некуда. Шестерка щупалец твари обхватила человека, сжала кольцами змеи его руки и ноги. Пара черных блестящих холодных липких лоз прижалась к его саднящим вискам, пропустила через голову пронизывающий поток боли и лишила сознания офицера полиции.

Как все действие под землей завершилось болью, так ею и начался новый акт чудовищной игры непостижимых сил над землей. Голова, переполненная болью, отяжелела так, что у Томаса ныла криком растянутых мышц вся шея. Открыв глаза, он растерялся, не зная, что и думать. Пепел летел в его чумазое от разводов грязного пота и крови лицо, шаровый туман окутывал его со всех сторон, и тело его пребывало в движении. Гуччи не чувствовал своих рук и ног, не чувствовал и напряжения любых других мускулов, кроме перегруженной шеи, но, тем не менее, он двигался и при этом даже не стоял на земле. Поворот головы обернулся усилением боли до

тошноты, однако с ним происходящее обрело ясность. Цветок из плоти со щупальцами в сердцевине нес человека над землей. Офицер Гуччи ошеломленно посмотрел в безглазое лицо и на окровавленный раскачивающийся язык. «Язык достали через горло... - начал вспоминать Томас. - Язык, говоривший богохульные вещи... Неужели это?!...». Резко и неожиданно монстр опустил его на землю. Просто бросил оцепенелое тело на росящуюся траву и ушел за плотный свинцовый занавес тумана. Полицейский проскрежетал зубами, разрывая стальные оковы отхватившей все члены боли. Очередной тягостный поворот головы вышиб искры перед взором. То, что предстало взгляду офицера, когда зрение восстановилось, могло его удивить, но сил на эмоции в нем уже не оставалось. Рядом с ним на ярко-зеленом ковре лежала старая шахтерская кирка. Она могла оказаться здесь, только если ее вынес на поверхность тот же монстр о шести конечностях. И уже не важно, как парящее в воздухе существо сделало это – гораздо больше Томаса занимал вопрос, почему, зачем такое может делать монстр? Неужели это порождение тьмы и смерти вело его к некой цели или даже, как безнадежно безумно бы это ни звучало, охраняло его? Но если в облике парящей над землей твари не было ничего, что отчетливо отличало бы ее от прочих чудовищ, почему в таком контрасте с их агрессивными инстинктами пребывало ее поведение?

У Гуччи не было времени, чтобы в уме обозначить для себя возможные, пусть и очевидно абсурдные ответы. Далекий, повергающий в дрожь стон то ли ветра, то ли сирены гражданской обороны прилетел издалека и закружился по кольцу поросшей густой травой возвышенности. Офицер полиции заставил себя категорически игнорировать сигналы боли, встать на ноги, взять кирку и взойти на зеленеющий холм. Томас оказался на отдаленной от города смотровой площадке, огражденной бетонно-серым каменным парапетом. В ясную погоду здесь открывался вид на озеро, остров Толука и маяк на другом берегу. Сейчас же низины затонули в тумане беспросветно, словно исчезли в разлившейся до горизонтов тяжелой серой воде всемирного потопа, и человек на холме остался последним на Земле, отрезанным от всего, изолированным в торчащей над водой тюрьме без стен и потолка. Травянистые просторы окрест плавно выступали из пепельной мглы и со всех сторон подходили к площадке. В центре ее заложенного каменными плитами пятачка высился свинцовый четырехгранный обелиск.

Мемориальных табличек на памятнике давно уже не было, но считалось, что он посвящался солдатам Первой и Второй мировых войн. Офицер Гуччи смотрел с беспокойным сердцем на устремленную в низкое обложное небо стальную пику, на огромный четырехгранный снаряд невиданного орудия смерти. И то ли так мешал адекватному восприятию плывущий и скручивающийся узлами туман, то ли нечто действительно произошло, но Томасу показалось, что обелиск накренился. Полисмен замер на месте, сжимая древко кирки побелевшими от напряжения пальцами. Серая глыба снова шатнулась, на этот раз кренясь в другую сторону. А затем громадина памятника начала медленно подниматься, расти, вылезая из земли чудовищным месивом корней, бесформенно громоздящихся под его основанием. Туман расступился, будто намеренно обнажая во всех деталях то, во что вращал обелиск. Под ним была масса сплавленных и накиданных безобразной кучей безликих мертвых тел. Их гладкие черепа, затянутые в мешки кожи, висели на камне гроздьями, растопырявая во все стороны безвольно висящие руки – скрюченные, сломанные, или с оторванными кистями. Зиждилась эта груда фрагментированных трупов на множестве коричнево-синюшных мертвых людских ног. Томас как никто другой понимал и мог прочувствовать, что мир стоит и всегда стоял на костях, но не думал, что метафора обретет такой гротескный устрашающий образ, восставший во плоти. Многоглавое циклопическое чудовище вселяло не столько страх, сколько тревожный пронизывающий трепет, траурное благоговение, эхо памяти сродни тем чувствам, что обычно рождаются в душе близ мемориалов в памятные даты, только усиленные во множество крат. Природный страх, ощущение явной опасности вплелись в тяжелый букет переживаний, а вскоре и совсем перекрыли его, когда обелиск угрожающе качнулся, его мясное основание начало отрывать ноги от мшистых каменных плит площадки, и осязаемое, воплощенное, но все же нелепо-абстрактное чудовище всей запредельной массой рухнуло, сотрясаши почву, на то место, где секунду назад стоял ошеломленный, отпрыгнувший от угрозы Гуччи. Упираясь в плиты вывернутыми, деформированными руками, мерзостная громадина вернулась в вертикальное положение и снова зловеще пошатнулась. Томас отбежал от центра смотровой площадки и уже запрыгнул на парапет, забыв о прежней боли во всем теле, но здесь он столкнулся с неумолимой волей рока. Ему было некуда бежать. Из отмелей

вездесущего туманного моря выползали на травянистый берег закопченные долговязые монстры, распятые на длинных лезвиях. Со всех сторон лезла тьма точных копий кладбищенского палача, обезглавившего культистку Нелли. Переваливающиеся из стороны в сторону кресты строем двигались к площадке, уплотняя густые чернеющие ряды. Офицер Гуччи потерял дар речи. Он предстал лицом к лицу с материализованным кошмаром, преследовавшим его ночами уже почти год. Все пространство во все стороны до потерянного во мгле горизонта было теперь частоколом черных крестов – хрипящих, кряхтящих, конвульсивно дергающихся, но все же бодро движущихся к человеку. А рядом с парапетом снова рухнул наземь и поднялся оживший мемориал. Томасу приходилось смириться со своим положением – он был вынужден вступить в бой с мясо-каменной живой грядой. И мужчина пошел в атаку первым, не ожидая очередного сокрушительного удара падающего обелиска. Гуччи оттолкнулся от парапета и подбежал к твари. Кирка с хрустом и чавканьем вошла в череп, лишенный лица. Не помня себя, полисмен работал шахтерским инструментом, круша чудовищную гроздь голов. Он размозжил столько монструозных черепов, сколько успел, прежде чем устремленный в стальное небо граненый камень вновь попытался обрушиться на него. Красно-белая каша комьями выпадала из черепных коробок, слезала с крупных блестящих осколков костей, повисших на лоскутах прогнившей кожи. Томас отбежал и набросился на монстра с другой стороны, продолжая крушить его обезличенные головы. И снова тварь завалилась в его направлении. Мужчина едва успел отшатнуться, оставшись с сосущим под ложечкой ощущением хождения по краю. Схватка могла завершиться из-за единственной неосторожности и без единого шанса на реванш. Перевести дух времени не было – черные трясущиеся и омерзительно кашляющие кресты подбирались к рубежу цементно-серого парапета. Проигранные секунды, потраченные на оценку обстановки, едва не стали роковыми, когда обелиск снова заставил плиты под ногами Гуччи вздрогнуть. Офицер не мешкая напал на гротескного слепого монстра, когда тот еще не успел подняться, отталкиваясь от земли многочисленными уродливыми конечностями. Томас размахивал киркой, не чувствуя усталости, поглощенный неистовством на грани беспросветного отчаяния, в котором холодный пот отмыл его лицо от угольной грязи и запекшейся крови. Тварь тяжело поднялась, шатаясь во все

стороны. У нее практически не осталось голов, и все же мемориал, вросший в трупы, оставался живым и не менее опасным. Гуччи остановился, замерев в напряженном ожидании. Ему было нужно, чтобы разбрасывающая по смотровой площадке мозговое вещество масса рухнула снова, и тогда он бы уже не позволил ей подняться. Но она кренилась, переминаясь на множестве ног, дрожала и беспорядочно зыбилась в разные стороны. Мужчине казалось, что монстр тоже выжидал – стоит человеку приблизиться, и тварь определится, куда ей упасть. Давать ей поблажку не хотелось никак, но распятые покрытые копотью монстры не оставляли никакой поблажки Томасу. Офицер снова двинулся в атаку. Обелиск наклонился было влево, и Гуччи ушел в сторону, но мемориальный камень тут же изменил направление и повалился справа. Человека спасла только занесенная кирка, встретившая удар падающей гряды на долю секунды раньше. Решающую долю секунды, позволившую ему откатиться от наваливающегося врага, уже растянувшись на поросших мхом плитах. Полисмен вскочил, подобрал свое оружие и добил лежащее безобразное чудовище, превратив в красно-белое месиво несколько оставшихся голов. И грязная кирка сама выпала из его забрызганных кровью твари натруженных горячих ладоней.

Кошмар, выступивший из мира тревожных снов, бесшумно растворился. Может, Томас простоял довольно долго неподвижно, опустив плечи и вперив взгляд в поверженное исчадьё тьмы. Капли пота срывались с подбородка и кончика острого носа, скатывались ко рту, обжигая солью пересохшие губы. Метафора во плоти была такой разительной, такой сражающей! Мало того, что мир вырастал на костях – этот факт многократно был запечатлен в памяти человечества. Вот только в памяти этой однородны, невыделимы и безлики все, кто бросил свое растерзанное войной тело в его фундамент. Все они смазаны, слиты, и каждый из них по отдельности, в сущности, не значит ничего. Как рука или нога не имеют собственного паспорта с именем, так нет имен и для них – утраченных, удаленных или атрофированных органов в теле державы и всего мира.

Прибитый новой волной ужаса, на сей раз не первородного, инстинктивного, а глубокого, экзистенциального, доступного лишь человеку разумному и человеку с багажом за плечами, полицейский не заметил, как исчезли черные кресты. Ночному кошмару не суждено было вернуться, однако Томасу вовсе не стало легче. Он

вновь взглянул на мемориал, всаженный в святотатственный сплав некой братской могилы. На одной из свисающих мертвых рук поблескивало золотое кольцо. Приглядевшись, офицер поперхнулся от неожиданности, сдавившей его грудь. На пальце монстра красовался перстень Говарда Гуччи, инкрустированный черным опалом треугольной формы. Дрожащей рукой Томас снял кольцо. Спазм сжимал горло и давил изнутри на небо, посылая боль в затылок и выжимая слезы из глаз.

Гуччи присел на осыпанный небесным прахом парапёт, тщетно пытаясь разглядеть озеро. Даже если видимость была бы несколько лучше, вряд ли ему удалось бы забыться и погрузиться в созерцание пейзажа. Понурая голова его превращалась в черноземную пашню, удобренную золой. Пепел ложился на взмокшие взъерошенные волосы Томаса, и тому казалось, что он буквально ощущает растущую тяжесть, склоняющую его к земле. Перстень отца был зажат в кулаке офицера, и кусок желтого металла с камнем врезался в ладонь подобно застрявшей в теле пуле. «Что я искал? О чем я думал?! – сокрушенно спрашивал себя Гуччи. – Кзучилбара... Какой к чертям Кзучилбара?! Сдался он сейчас! Меня завели черт знает куда... А кто завел? Я же позволил! Это на мне, по праву мое бремя. Фамилия, предки, истории семьи – вот о чем надо было помнить!». Снова спазмом сжалось в комок что-то внутри переносицы и в носоглотке, горечь подступила вязким комом к ноющему, пересушенному горлу, и распахнутые, глядящие в никуда синие глаза наполнились слезами. Как ни пытался Томас ухватиться всеми силами за малейшую зацепку, убедить себя не принимать за истину то, прямых свидетельств чего он не видел сам, но в его сознании встал некий блок на сомнения. Что-то намертво зафиксировало, вмуровало в цементный раствор убежденность в том, что Говарда Гуччи больше не было в живых. Убежденность не имела права называться фактом, разуму еще было, что противопоставить ей, но контраргументы все являлись тихими, блеклыми, неубедительными, бесплодными, неспособными породить надежду. В пораженной чумой реальности не было места для пустых самоуспокоений и нездоровых чаяний. Перстень на мертвой руке был самоочевидным знаком, выпустившим на свободу душащую скорбь, приправленную бьющими в сердце самообвинениями. Тот, кто готов был гордо взвалить на себя борьбу против всего зла испорченного мира, не сумел отвернуть зла от самого близкого человека. До чего же глупая

была самонадеянность! В сражениях с химерами офицер не вспомнил ни о чем из того, что имел, чем дорожил, что должен был сохранить. «Я отдалялся от него. Я уставал... И вот – получил, что хотел?! Надоедал мне, видите ли, отец с его задушевными беседами. Больше вот никогда не будет! А он... гордился мной, пусть я того и не заслуживал! Кто назовет меня умным, когда я эту доброту и отеческую гордость не ценил?! День Ветеранов... Да будь он проклят!». Томас понимал, что не располагал информацией, не мог быть в нужное время в нужном месте, не получал возможности спасти отца, да и винил себя он не за то, чего не сделал, а за упущенное время из-за собственного эгоизма. Теперь он прокручивал в голове, снова и снова наказывая себя душевной болью, все, что недосказал старику Говарду, все моменты, в которые оставался безучастен к его словам и чувствам. Этих упущений, непреднамеренных сыновьих ошибок исправить было нельзя. Полицейский смахнул бесчувственными холодными пальцами застывшие на скулах слезы. «Что я могу сделать?! – пытал он себя, горестно сжимая зубы. – Что я, мать его, могу теперь сделать?!». Грядущим днем был как раз злополучный День Ветеранов. «Я сделаю то, чего он хотел, - решил для себя офицер Гуччи, - если ничто не помешает. А даже если попытается помешать... Пусть что угодно выползает на свет! Я встречу это в медалях. И дойду до парка «Роузвотер». Томас осознавал, как, по сути, бессмысленно было делать такое одолжение отцу, который уже не увидит этого и не узнает, почтит ли сын хоть однажды его память, но сейчас только подобное действие могло унять муки совести, остановить искупительное самоистязание. Если учесть и то, как Гуччи ненавидел свои армейские награды, что он даже в определенном роде считал их клеймом позора, исполнение воли отца тоже было весомой карой. Полицейский считал себя обязанным получить воздаяние.

Кобальтовая вода озера сверкнула острым белым отблеском. Лучи холодного ноябрьского солнца, бегло взглянувшего на меланхоличную землю из-за туманного полога, бросили колючие блики на волнующуюся поверхность Толуки. Солнечный свет заставил переливаться и слезы в воздетых к небу глазах Томаса Гуччи. «Неужели я вижу брешь? Словно целую вечность не видел света... Скверно. До рвоты скверно... Я так хочу, чтобы этот луч значил что-то! Значил, что я понял то, что должен был понять, усвоил то, с чем должен отныне жить. Может, хоть теперь действительно

кончится мой кошмар?». Незримая сила словно подхватила его под руки и помогла ему подняться и твердо стоять на ногах. Редкие солнечные блики поплясали по дремлющему на берегу озера Толука шоссе Плезант Ривер, приглашая человека следовать этой дорогой. Без злого умысла теперь реальность звала его домой.

V

К вечеру Томас вернулся на улицы южной части Сайлент Хилла, неторопливо переставляя ноги, осматривая каждый метр жилых кварталов, убеждаясь, что все вокруг сбросило с себя тень пепельных ужасов, что все стало так привычно и нормально, как было несколько дней назад. Растворилась без следа и яркая россыпь маков, завоевавшая минувшей ночью все зеленые участки города. Соблазнительной становилась подползающая змеем-искусителем мысль о том, что, может быть, все же не было никаких испорченных и туманных состояний реальности. Был бы Гуччи несколько слабее морально, он поддался бы такой сладкой лжи с долгожданным облегчением, даже невзирая на то, что перстень отца ноющим осколком сидел в ладони его сжатой мертвой хваткой руки.

Офицер не без смятения миновал выщербленный и запятнанный лишайником памятник Кровавому болоту и свернул к дому. Усталое сердце лелеяло свежую надежду на безопасность и покой под защитой родимых стен. Гуччи не мог позволить себе расслабиться до конца, но в нем крепчала вера в то, что испытание его действительно завершилось. Он вошел в квартиру, более не державшую за спиной уготовленного ему предательского ножа. Полисмен скинул грязную обувь и кожаную куртку в прихожей. Ему хотелось скорее сбросить с себя всю одежду, пропитанную потом, дымом, угольной пылью и прочей грязью, но почему-то сначала он заглянул в жилую комнату и пробежался взглядом по картинам Филлипа Гуччи. Томас задумался о том, что ему было чем гордиться в своей семье. Братья Гуччи не были образцами мужественности, не сражались со злом, не давали отпор преступности. Однако они добивались своего, делали свое дело – тонкое, творческое дело. Оба брата остались в памяти Томаса начитанными, эрудированными людьми с глубокими увлечениями, к чему он и сам с малых лет тянулся. История, литература, мифология... В памяти офицера полиции всплыло лицо Дэна Эвери.

Вновь представить себе работника Исторического Общества Сайлент Хилла теперь удавалось не столь детально, но чем-то седой нервный заместитель директора был похож на Говарда Гуччи.

Томас свернул в свою комнату, торопясь, чтобы эмоции и переживания снова не захлестнули его с головой. Он выбрал чистую одежду и с ней отправился в ванную комнату. Очищение от всей грязи измотавшего его наваждения превратилось в долгое, лихорадочное помешательство. Лишь убедившись в том, что смог избавиться от всех следов своей персональной войны, Гуччи оделся и смог позволить себе сбросить с плеч утомляющее напряжение. Практически с закрытыми глазами он вернулся в спальню, упал на нерасстеленную кровать и провалился в забвение глубокого сна.

Вождеденный отдых с отсутствием любых чувств и мыслей долгое время не могло прервать даже нарастающее чувство голода. Проснулся Томас уже на исходе ночи, когда было около четырех часов утра. «Оно наступило – одиннадцатое ноября», - тягостно констатировал про себя он, глядя на часы, стрекотавшие на стене. Мужчина прошел на кухню, включив во всех комнатах свет. Гуччи даже в детские годы не испытывал страха темноты, но после всего пережитого буквально несколько часов назад он более не желал оказываться во мраке. Голод становился таким сильным, что не хотелось даже тратить лишнее время на приготовление пищи, и Томас обошелся бутербродами, выпив при этом пару кружек крепкого чая. Избавившись от бьющего под дых ощущения, он снова попытался крепко заснуть, но сон пришел поверхностный, утомительный и наполненный адским калейдоскопом сменяющихся картинок всех тошнотворных и пугающих зрелищ, с которыми пришлось столкнуться накануне.

Когда бело-стальное солнце поднялось достаточно высоко над горизонтом, Гуччи смог оставить попытки заснуть без сновидений и постоянной настороженности. Голова после пробуждения ощущалась разбухшей и тяжелой, но на это нечего было жаловаться тому, на ком лежал припирающий к стене груз вины. Томас словно готовился к последнему дню в жизни, к торжеству перед казнью, когда выбрил лицо, причесался, прогладил и надел свежую рубашку, начистил ботинки. С достоинством готовился он выйти к эшафоту, повязав голубой шейный платок и поправляя воротник форменной защитной куртки песочного цвета с четырьмя медалями, приколотыми к груди в области сердца. Под курткой пряталась наплечная кобура с

заряженным пистолетом, компанию которому составлял армейский нож, сидящий в футляре на поясе. Перестраховка оставалась значимой, но Гуччи помнил главную цель своего похода к озеру и потому вложил в карманы куртки перстень Говарда и книгу Бодлера, которую нередко перечитывал и сам. И когда офицер выходил из квартиры, в голове его заевшей пластинкой крутилось:

*«Мой Демон - близ меня, - повсюду, ночью, днем,
Неосязаемый, как воздух, недоступный,
Он плавает вокруг, он входит в грудь огнем,
Он жаждой мучает, извечной и преступной».*

Гуччи сперва держал путь к сокровенному месту своих вечерних неторопливых прогулок и размышлений о вечном. Свернув на первом же перекрестке, он едва сумел сдержать удивленный возглас, когда увидел несколько человек на улицах. Жизнь города вернулась в русло, заполнив дороги машинами, распахнув двери магазинов, отпечатав свежие газеты, собрав людей под флагами памятного дня. Седой мужчина с планками наград на пиджаке подошел к Томасу и молча пожал ему руку. Полицейский сдержанно кивнул в знак благодарности, хотя его не столько заботил жест почтения, не вполне справедливо полученный от героя Второй мировой, как необходимость сперва вступить в так называемую нормальную жизнь, включиться во взаимодействие с людьми, заново становиться обывателем. Гуччи испытывал то же чувство, когда вернулся на родину по истечении контракта. И тогда, несмотря на разумное ожидание успокоения, что-то в нем так же съеживалось, металось и всячески противилось возвращению в мирные берега. Тогда он не понимал себя – не понимал и сейчас, безошибочно узнавая противоречивые переживания. Потребность в одиночестве выиграла с новой интенсивностью.

Набережная, вопреки ожиданиям Томаса, не пустовала. У перил стояла женщина с тонким станом, окутанным черными и темно-зелеными тканями – велюром, гобеленом и кружевом. Девочка лет десяти в сине-фиолетовой школьной форме дергала ее за руку, что-то повторяя и отчаянно указывая на офицера Гуччи. Томас остановился. Женщина обратила к нему узкое лицо с первыми печальными морщинами, обозначившимися между остро изломленных бровей. Ветер, налетевший с озера, растрепал огненными волнами ее волосы, которые незнакомка пыталась поправить длинными суставчатыми пальцами. Женщина похлопала девочку по плечу, разрешая ей

сделать то, чего она хотела. Та побежала к офицеру, а он продолжал смотреть на рыжеволосую мать-одиночку. Гуччи пребывал в уверенности, что женщина была лишена опоры, так много виделось в ее узком, подобном высохшей ветви, силуэте долгого терпения, пролитых ночами слез, бремени живучего горя.

- Мистер, с Днем Ветеранов Вас! – от звонкого детского голоса Томас пришел в себя. И что нашло на него до этого, какой гипноз, он не мог уразуметь никак. Словно печаль терпящей заразила и его.

Офицер склонил голову – темноволосая голубоглазая школьница, искренне улыбаясь, протягивала ему яркий рисунок.

- Я нарисовала это сегодня на уроке, - добавила девочка, - для такого, как Вы.

Мужчина несколько смущенно принял подарок из детских рук. Краски на бумаге воплотили насыщенное синее небо, под которым стоял молодой солдат с национальным флагом, держащий за руку маленькую девочку в синем платье. Под ногами героев раскинулся зеленый луг, изобилующий красными цветами. Конечно же, это были символы праздника. Гуччи сам учил в детстве посвященные им стихи в школе Брэхамса:

*«Мы вспоминаем красные маки,
В полях что растут – доблести знаки,
Будто кричат небесам о крови
Героев, что вечно будут живы».*

- Спасибо, милая, - Томас, вздохнув, выдавил из себя ответную улыбку. – Как тебя зовут?

- Алесса, - ответила радостная школьница.

- А меня Томас Гуччи, - нетвердо выговорил он.

Неуверенность его исходила из непривычности – так редко доводилось ему с кем-то знакомиться в непринужденной, повседневной обстановке. Назвать свое имя уже означало совершить некий акт доверия, и почему-то сейчас Гуччи был к этому готов – может, потому что синеглазая девочка честно, с внутренним вдохновенным порывом выбрала его, захотела именно его поздравить и настаивала на этом решении перед матерью. Томас взял Алессу за руку и подвел к омраченной женщине. Глаза его тут же встретились с ее серо-зелеными глазами, и ее печаль отозвалась траурным эхом глубоко в его сердце.

- Я Далия Гиллеспи, - представилась мать Алессы.

- Томас Гуччи, - повторил офицер свое имя.

- Мистер Гуччи, - взгляд Далии опустился вниз, в свете солнца она казалась горячей черной спичкой, - простите, если Вас оскорбит или как-либо еще заденет мой вопрос, но мы видели немало военных сегодня, но всех не таких, как Вы. Позвольте полюбопытствовать, где Вы воевали?

Томаса нисколько не удивил ее вопрос.

- Вторые Чрезвычайные вооруженные силы ООН, - офицер отвел глаза, - на Ближнем Востоке.

Он не мог понять, почему смотрел на Далию Гиллеспи не так, как на других женщин. Почему ее горе, даже неизвестное ему, так резонировало с его виной.

- Знаете, Далия, я совершенно... одинок в этом городе, - неожиданно для Томаса слетело сокровенное признание с его губ. – Простите мое нахальство, но я хотел бы, чтобы Вы с дочерью составили мне компанию в прогулке у озера.

Огневолосая женщина сжала губы в мучительном сомнении. Казалось, она чего-то опасалась, но, взглянув на светящуюся улыбкой дочку, в прощении вцепившуюся в ее руку, кивнула офицеру.

- И куда Вы предлагаете прогуляться? – осведомилась она.

- До лодочной станции, - озвучил свой замысел Гуччи.

- Мы будем кататься на лодке? – восторженно воскликнула Алесса.

Томас взглянул ей в глаза и снова заставил себя улыбнуться, несмотря на растерянность и то тянущее чувство боли, что рождал резонанс его с Далией состояний:

- Да, мы переправимся на другой берег. А там пойдём в парк «Лейксайд». Ты любишь аттракционы?

- Конечно! – обрадовалась девочка и захлопала в ладоши.

Тонкая темная Далия оставалась сдержанной и напряженной. Может, Гуччи ощущал близость с ней из-за роднящей их необходимости ни за что не расслабляться и не терять бдительности. Что же могло принудить женщину быть столь настороженной? Чего она боялась?

Троица пошла вдоль озера, избегая лишних слов и взглядов в глаза. Только изредка Томас переглядывался с Алессой и старался улыбаться ей.

- Вам понравился мой рисунок? – поинтересовалась она.

- Я не часто мог видеть, как рисуют дети, - честно признался офицер, - но мне кажется, у тебя здорово выходит. Ты часто рисуешь?

- Да, больше всего люблю птиц и зверей, - поведала школьница. – И цветы тоже, но они пока получаются не очень похоже.

- Но твои маки вполне похожи на настоящие маки, - попытался приободрить ее Томас, озвучивая свои мысли вполне искренне, как бы ни было тягостно вспоминать о маках.

Алесса насупила брови, уставившись в землю:

- Маки мне не нравятся. Это печальные цветы.

Гуччи открыл рот, но не сумел ничего сказать. Ему было ясно, что она способна понять его. Разве что не назвала маковые цветы злыми. Полицейский прибавил шагу, чтобы быстрее дойти до станции и взять лодку. Воспоминания о ночных переправах тревожили его душу, но не так, как присутствие Далии – узкого острого стана печали, неведомым образом срастающегося с ним сердцами. Им обоим явно становилось больнее рядом друг с другом, но их толкало друг к другу смутное ощущение того, что здесь может разрядиться, отболеть и выйти все выпитое горе.

Девочка с мамой заняли места в лодке, и Томас сел на весла, временно отдав рисунок Алессы Далии. Оглянувшись на озаренный светом лазурный простор озера, ясный горизонт и белеющий маяк, он отчалил и принялся грести, наблюдая, как беззаботно девочка подставляет ладони водяным брызгам.

- Значит, Вы миротворец? – заговорила первой Далия.

- Да, - подтвердил Гуччи.

- Кто такие миротворцы? – тут же проявила любопытство Алесса.

Томас задумался, что же ей ответить. Те опозитизированные слова, в которые однажды поверил сам, ослепленный раздутой самонадеянностью, убежденный, что внесет свой вклад в установление мира? Это были такие же нереалистичные притязания, неподъемные амбиции, как и наивная вера в то, что один человек может сразиться с обобщенным мировым злом! Через все это Гуччи прошел – заблуждения, разочарование и душевную пустоту. Но это никак не касалась ребенка, задающего ему сейчас простой вопрос. Здесь красивых слов было как раз достаточно.

- Они носят голубые каски, - начал издавека он, - цвета мирного неба – такого, как ты нарисовала. Цвета, который символизирует планету Земля. Они прибывают туда, где идет война, и следят за тем, чтобы там главы стран подписали мирные договоры и чтобы все, кто воевал, сложили оружие.

- И куда именно Вас отправляли? – подключилась к разговору Далия.

- Возможно, Вы слышали о Войне Судного дня, - предположил Гуччи. - Это было год назад.

Женщина пыталась что-то припомнить, но явно знала весьма мало:

- Израиль, верно? Простите мое невежество...

- Ничего, - оборвал ее офицер. – Вы не должны чувствовать неловкость из-за этого. Наша штаб-квартира находилась в Исмаилии, в Египте.

- В Египте? – удивленно заинтересовалась Алесса. – Вы видели пирамиды?

По спине бывшего миротворца пробежал холод. В Исмаилии никто, кроме разве что офицеров, не видел пирамид, но набивали их себе на кожу со словом «Египет» и годом службы многие, в том числе Роберт Кэмпбелл. Но Томас не делал этого, и даже не потому, что не видел смысла в татуировках. Уже тогда глубоко в подсознании его сидело беспокойство, из-за которого ему не нравились пирамиды. И, как теперь он понимал, не зря.

Гуччи не гнался за воинской славой, не находил великих целей и свершений в войне. Служба в армии должна была стать для него лишь дополнительной гарантией – Полицейская Академия Ричмонда (округа штата Вирджиния) предвзято относилась к кандидатам из Сайлент Хилла. Он же, живущий в неполной семье, не общающийся толком ни с кем в городе, не был достаточно убедительным. А прошедшим службу в армии всегда отдавалось предпочтение, другое дело, что в войне Томас не видел пути к своей цели – борьбе со злом. Война сама по себе была в его глазах самым большим злом человечества и его самой большой глупостью. Оборона родных земель виделась исключением, но армия США была не тем случаем. Поколение растворялось в бессмысленных огнях Вьетнама, и Гуччи не хотел сгореть так, как многие юные бедовые головы. Он решил для себя, что если уж пришел к необходимости отвоевать девяносто дней, то служить он будет только миротворцем. Пусть война за мир была злободневным оксюмороном, но, побывав в числе тех, кто следил за прекращением огня и заключением мирных соглашений, он знал бы, что не участвовал в глупом зле, он не винил бы себя за то, что перепутал истину и ложь, он не чувствовал бы себя изгоем, одичалым пришельцем, вернувшись в мирную жизнь.

Такая уверенность владела Томасом, и с ней он ставил перед собой цель попасть в миротворческий контингент ООН. Он работал над собой целеустремленно и скрупулезно, развивая в себе выносливость, силу и закалку, а также изучая интернациональные языки и особенности чужих культур. Он даже думал получить образование в этой области, но его остановило то, что в Сайлент Хилле было проще не иметь образования вовсе, нежели иметь достойное высшее, как и проще было быть атеистом, чем приверженцем любой из мировых признанных религий. Томас был очередным представителем тех семей, что приспособились без привлечения внимания существовать в городе цветущего мракобесия и тихо, но верно прокладывая даже там дороги к собственным целям. Гуччи стал добровольцем, когда посчитал себя готовым – это было в 1973-м. И Война Судного дня начала отсчет его девяноста дней на Ближнем Востоке. Конфликт продлился восемнадцать суток, которых Томас был обречен не забыть никогда – именно тогда с ним произошло то, что было теперь отмечено на его груди Медалью военнопленного и Пурпурным сердцем, а также тяжелым острым комком, закоренело сидящим в затылке.

- Там я... не успел посмотреть на пирамиды, - ответил бывший миротворец на вопрос Алессы и сильнее налег на весла.

Он очень надеялся, что его больше не спросят ни о чем, что касалось военной службы. Однако попытаться самостоятельно перевести разговор в другое русло офицер Гуччи не был готов – он не имел ни малейшего представления, о чем заговорить с Далией. В этом плане она, задавшая ему банальнейший вопрос о месте службы, оказалась более мужественной, чем он. Откуда только текла клейкая тяжесть? Где должна была прорваться и излиться наконец нарывающая боль? Томас прекратил грести, остановив лодку близ острова посреди озера. Ясным днем земля его отрадно зеленела, и руины забытого храма кирпичного цвета не выглядели зловеще. И все же воспоминания офицера полиции были слишком свежими, чтобы не давать знать о себе. Шепот сам поплыл из его груди с горестным выдохом:

*И, заманив меня - так, чтоб не видел Бог, -
Усталого, без сил, скучнейшей из дорог
В безлюдье страшное, в пустыню Пресыщенья,*

Бросает мне в глаза, сквозь морок, сквозь туман

*Одежды грязные и кровь открытых ран, -
Весь мир, охваченный безумством Разрушенья.*

Могла ли Далия понять, что мужчина перед нею, спрятавшись за чужими рифмованными строками, выворачивал душу наизнанку, что все слова поэта могли стать его словами, ибо ничто не описало бы точнее то, что у него так болело? Может, не понять, но почувствовать нечто ей удалось, и траурная свеча отозвалась:

- Чьи это стихи?

- Шарля Бодлера, - вдохновенно ответил Гуччи.

Дыхание женщины сбивчиво задрожало, бледная рука с длинными пальцами легла на грудь, пытаясь помочь ей закрыться, но тонкие губы уже выдавали то личное, что так изводило ее:

- Нам не следует его читать. Он ведь писал о дьяволе.

- Не всегда, - тут же возразил Томас, пытаясь сгладить ту неловкость, что, как казалось ему теперь, он выбрал не самое лучшее стихотворение для декламации:

*Что можешь ты сказать, мой дух, всегда ненастный,
Душа поблекшая, что можешь ты сказать
Ей, полной благости, ей, щедрой, ей, прекрасной?
Один небесный взор - и ты цветешь опять!..*

*Напевом гордости да будет та хвалима,
Чьи очи строгие нежнее всех очей,
Чья плоть - безгрешное дыханье херувима,
Чей взор меня облек в одежду из лучей!*

- Правда красиво, мама? – поспешила вставить смягчающие слова Алесса, которая тоже внимательно слушала каждое слово бывшего миротворца.

Далия обернулась и подарила ей улыбку, такую же измученную, хоть и правдивую, какую прежде изображал Гуччи. И в мучительном созвучии с ее состоянием Томас выяснил для себя, что за страх так глодал склоняющую голову горящую спичку. Это был страх, связанный с дочерью, с судьбой маленькой Алессы, сродни трауру на ликах Богородицы, предвосхищающей жертвенную судьбу своего младенца.

В молчании прошел остаток пути до пристани около маяка. Офицер Гуччи не находил себе места, он чувствовал себя голым, облачившись в армейскую куртку и повязав голубой платок на шею, и это ощущение только усилилось с четким устным обозначением

себя как миротворца. Однако при этом ему казалось, что сам он созерцает наготу Далии. Ее нагота была в обращенных к дочери взглядах, в опасливых мыслях о поэзии Бодлера и о дьяволе, какую бы сущность ни понимала или вынуждена была понимать она под нарицательным именем главной злой силы современных религий. Женщина наверняка состояла в Ордене, но Томас не видел в ней фанатички. Не было безумия и ослепленности верой в этой траурной черной линии, увенчанной пламенем. Два взрослых, несущих свои кресты человека, духовно обнаженные и беззащитные, безмолвно условились не задавать друг другу вопросов, практически любой из которых мог обернуться затруднительным положением.

- Мы с ребятами из класса ходили в парк «Роузвотер» сегодня, - решила рассказать Алесса, глядя на офицера лучащимися светлыми глазами. – Там нам рассказывали о городе и о войне. Так что я сегодня побываю в двух парках, на разных берегах озера!

- Это... действительно здорово, - разделил ее наивный восторг Томас. – А я ведь сам собирался сегодня в парк «Роузвотер». Теперь, наверное, зайду туда уже вечером.

Высокие красные арочные ворота и цветные шатры шумного парка развлечений раскрывали свои объятия для пришедших.

- Я надеюсь, что не нарушил своим предложением каких-то ваших планов? – учтиво осведомился Гуччи просто для того, чтобы не приходилось мучительно молчать и мяться как на иголках ни ему, ни Далии.

- Ничуть, - качнула та в ответ пламенно-рыжей головой. - Знаете ли, мы сами из старого города, но редко здесь бываем.

Упоминание старой части Сайлент Хилла только укрепило убежденность в том, что семья Гиллеспи была связана с Орденом – по-другому там было просто невозможно существовать. Древняя, практически как сам город, секта контролировала все, начиная от учебных заведений и заканчивая городской администрацией. Оступиться и нажать себе проблем не стоило труда в этом погрязшем в предрассудках месте. И если семья Гиллеспи чем-то запятнала себя... не хотелось даже думать, чем теперь для матери и дочери все могло там кончиться.

К некоторому облегчению, далее время полетело практически незаметно – светлое время в жизни Томаса, когда он покупал для поздравившей его девочки билеты на аттракционы, когда подхватывал ее на руки, снимая с карусели, и слушал ее исполненные

благодарности реплики о том, как ей все здесь нравилось. Однако все равно спину его все это время холодила тяжелая печаль Богородицы.

Начинало вечереть, сумерки перекрашивали небо и озеро плавной растяжкой светло-изумрудного и индигового цветов. Замигал маяк, наполняя позднее время синевы оранжевым теплом, подавая сигнал о том, что наступал час прощания.

- Парк скоро закрывается, - уведомил Гуччи Алессу, возвращаясь с ней к Далии. – Думаю, ты все же успела нарезать здесь?

- Да, конечно, - заверила мужчину школьница, крепче сжав его руку, - спасибо большое, Томас.

- Я очень этому рад, - признался офицер, - как и твоему подарку. Сейчас заберем его у мамы.

Он переглянулся с женщиной, которая уже протягивала ему рисунок, сделанный дочерью для солдата.

- Чем же вы занимаетесь теперь, Томас? – между делом спросила Далия.

- Я офицер полиции, - ответил Гуччи.

Радость испарилась в один миг с лица Алессы, она превратилась в многострадалицу с удрученным ангельским лицом.

- Жаль, что ты не мой папа... - произнесла девочка. - Ты бы меня защитил.

- От чего? – распахнув глаза в горьком потрясении, сраженный наповал в одночасье самым главным откровением нелегкого дня, спросил Томас.

Но ответа не последовало. Далия распрощалась с ним, сдержанно немногословно поблагодарив за проведенное вместе время и, уходя, заставила дочь помахать рукой человеку, который так и остался стоять у ворот пустеющего парка аттракционов. Черная свеча еще долго горела в сумерках, а рядом с ней, оглядываясь назад, безмолвно тянулась за спасением к мужественному офицеру юная обреченная душа.

Гуччи еще раз посмотрел на рисунок Алессы. Невеселая маленькая девочка, держащая за руку солдата, была так похожа на нее саму. И маки здесь тем более не значили ничего хорошего, как теперь казалось Томасу. Он сложил листок бумаги вдвое и собрался вложить его в сборник Бодлера, но, открыв книгу, обнаружил, что кто-то отметил несколько стихотворений, подчеркнув названия и поставив возле них цифры. Полицейский мог бы поклясться, что еще утром никаких пометок в книге не было. *«Покинь земной туман*

нечистый, ядовитый... - принялся пролистывать Томас выбранные кем-то стихи. - Опал, где радуги мерцает бледный свет... - От Солнца жадного осколок драгоценный. А я ищу лишь тьмы, я жажду пустоты! Как злободневно, какие совпадения! Или это все мои ассоциации теперь сводятся к одному – к тому, что я видел, что пережил. *«Манящий ужас», «Литания Сатане»...* Вот! *О мудрейший из ангелов, дух без порока, Тот же Бог, но не чтимый!... Игралище рока!... Сатана, помоги мне в безмерной беде!* Здесь он писал о дьяволе. Этих его стихов обычно так боятся, хотя они – всего лишь вызов, провокация. Не все понимают его... Почему я думаю об этом? *Какие помыслы гурьбой Со свода бледного сползают, Чем дух мятежный твой питают В твоей груди, давно пустой?».*

Дальше читать стало сложно – темнота катастрофически быстро сгущалась. Гуччи оторвал взгляд от книжных страниц и снова оказался ошеломлен происходящим – тьма буквально наступала, выползала из-за озера вязким, как сгусток крови, чернеющим багрянцем, разливалась по синеве вечернего неба, глотая первые звезды и изменяя все на своем пути, превращая еще недавно оживший город в опаленные руины. Парк «Лейксайт» вскоре постигла та же участь – цвета его померкли, краска облезла с проржавевших каркасов подобно мертвой коже, и теперь место развлечений ничем не напоминало о радости и весельи и, скорее, вызывало ассоциации с орудиями пыток инквизиции. Ужас геенны обрел полную силу, когда офицер разглядел, что на черном многослойном металлическом кольце колеса обозрения была распята тощая фигура с трупной измазанной кровью кожей. «Эта война не кончилась, - обреченно констатировал для себя Томас. – Если уже вступил – так идти до конца». Он шагнул под кровоточащую багровую арку, как с голой грудью на амбразуру. С ощущением невозврата и героического смирения распахнул он песочную камуфляжную крутку и вытащил из кобуры верный пистолет. Гуччи не мог знать, чем грозило прикованное к колесу грязными цепями человекоподобное существо, но намеревался поскорее его прикончить. Он твердо шел между окруженных огнем закопченных шатров, когда нечто жалобно загудело сиреной, глубоко царапнув изнутри больную голову. К своему удивлению Томас осознал, что был тревожным набатом долговязый колесованный монстр с окровавленными по локоть закованными в цепи руками. Шею твари закрывал обрюзглый, покрасневшийся, точно разросшееся

надклювье возбужденного индюка, симметричный складчатый мешок кожи, свисающий из-под остроносого черного намордника, заколоченного вокруг ненормально маленькой, как для людских пропорций, головы. Сверху в металлический шлем монстра было вбито два прямоугольных штыря, так что ржавая пыточная маска делала его похожим на древнее египетское божество или не столь древнего, но также мифического Псоглавца. Языческо-загробная карикатура на распятие будила в душе Гуччи тревогу, как перед мучительным прозрением, вместе с неуютным чувством, приходящим в моменты невольной примерки на себя чужой боли, какое настигало при появлении туманных нелепых мыслей о том, вдруг все изуродованные тьмой ходячие трупы могли когда-то быть живыми реальными людьми. Однако позволить себе углубляться в раздумья сейчас офицер не имел права – вой скованного чудовища уже сулил неминуемую опасность. Из-за строений парка начала выползать призванная проклятым набатом свора – крупные псины с тонкими лапами и подтянутыми животами, наиболее близкие по силуэту к борзым, были слепы и голы, а розовая, обтягивающая кости и остатки мышц кожа их так блестела в свете огня, словно была обваренной. Лай вырывался из омерзительных гнилых пастей псов, подобно глубокому мокрому кашлю или предсмертным хрипам. Томас начал стрелять, и уродливые, мокнущие, как незаживающие язвы, собаки прыжками бросились на него, скача по трупам особей, что уже упали замертво, и срывая грязными когтями лоскуты кожи с их мореных тел. Целиться в бегущих во всю прыть тварей было не так просто, пришлось сдать позиции, и все же пара собакоподобных монстров настигла человека. Псы напрыгивали на Томаса, терзали кривыми желтыми зубами его куртку, он начинал чувствовать подступающую тошноту – из их пастей распространялся ядреный запах гноящихся ран. Вырвавшись из цепкой хватки, отделавшись порванным рукавом, Гуччи выхватил нож и рассек горло преследовавшей его псине. Ее слепой собрат увильнул от взмаха холодного оружия, попятился назад, уже не проявляя былую решительность в стремлении вцепиться в человеческую плоть. Томас безжалостно пристрелил его, но сзади на него набросилось еще одно смердящее чудовище, впившееся грязными зубами в плотную ткань куртки где-то в области левой лопатки. Гуччи дернулся, пытаясь сбросить тварь с себя, но псина крепко держалась за свою жертву. Полисмен перебросил нож в руке, изменив хват, и нанес удар назад,

почувствовав, как одежда становится мокрой от крови и вываливающихся внутренностей чудовищной собаки. Его передернуло от нахлынувшего отвращения. Труп твари упал на землю, однако Томас не успел вздохнуть с облегчением – воздух сотряс тяжелый удар и лязг, за которым последовал грохот металла. Обернувшись к источнику звука, офицер обнаружил, что колесованный псоглавец рывком освободился от своих цепей. Враг в наморднике припал к земле, подобно охотящемуся зверю. Он полз практически на четырех костлявых конечностях, если не считать того, что в окровавленной руке его был зажат длинный зазубренный по краям железный прут. Существо с трепещущим кровавым капюшоном кожи, чье тело было подобно телу изведенного узника концлагеря, сжалось, скрючилось, собралось в пружину, чтобы совершить единственный мощный хищнический прыжок, достаточный для того, чтобы оказаться перед Гуччи и занести над его головой тонкий исковерканный клинок. Томас увернулся от первой атаки и тут же вскинул пистолет, но палец напрасно давил на спуск – патроны кончились. Полицейский был вынужден сделать единственное, что оставалось в таком случае – он принялся бежать, лихорадочно петляя меж горящих шатров и проржавевших аттракционов. Болезненно тощий монстр снова съежился, готовясь к прыжку. Он сорвался с места, совершая молниеносный выпад зазубренным по всей длине плоским лезвием. Томас, шумно выдохнув, тоже бросился на противника. Это был отчаянный шаг – попытка намеренно упасть под занесенное оружие твари, рвануться вперед и всадить нож ей промеж ребер по самую рукоять, чтобы уже не позволить врагу уйти. Гуччи успешно скользнул вперед, проехавшись коленом по склизкой порыжевшей траве, и вогнал клинок в тело длиннообразного существа, но дальше случилось то, что не входило в план. Монстр сжал свое копьё двумя запачканными кровью руками за спиной Томаса и рванул на себя, вдавив острие в спину человека и притиснув его к своей холодной выпирающей груди. Противники застыли в смертельных объятиях. Офицер не мог представить, что могло произойти дальше, чем все это грозило закончиться – оружие псоглавца было тупым, но держал добычу он с железной силой. Полисмен вытащил нож из груди существа в маске и начал остервенело наносить ему новые и новые глубокие колотые раны, в ответ на что монстр оглушительно взвыл ревуном и потянул заведенное за спину Гуччи лезвие на себя с чудовищной силой. Томас

хрипло простонал, стиснув зубы – теперь он должен был опасаться того, что если ничего не изменить в ближайшую минуту, тварь вполне может еще одним рывком повредить ему позвоночник. Но роковые тиски сжимались слишком сильно. Полицейский попробовал порезать руку псоглавого чудища в области локтевого сгиба, но хватка от этого стала еще более крепкой, удушающей, свирепой. Никакого расстояния не было между телами врагов, и просунуть руку вперед для удара в область сердца оказалось невозможно. Ждать же, что монстр устанет или решит отпустить добычу, было, скорее всего, бессмысленно, как и вообще неуместным всегда является вверение своей жизни воле рока в смертной схватке. Тревога бежала по спине, но полисмен не думал сдаваться. Гуччи опустил руку с ножом, отвел ее назад и надрезал запястье монстра. Он получил тот результат, на который рассчитывал – тварь приблизила раненую руку к телу и потянула на себя зазубренный прут, но теперь он впивался не в спину, а в подставленную руку человека. Томас поднял свободную руку, ухватился за шероховатую железную маску твари и, собрав все силы, подтянулся вверх. Резким движением, развернувшись, он высвободил из захвата руку с ножом, хотя при этом клинок монстра проехался по его оголенному предплечью, сдирая кожу до глубоких слоев и заставляя пролиться кровь. Однако Гуччи осознанно пошел на риск. Важнее была цель. Обхватив голову чудовища и упершись подошвой в его оружие, не позволяя снова придавить себя лезвием, он всадил нож между двух плоских горбов выпирающих через кожу лопаток. Псоглавец снова взвыл, заваливаясь на землю, но теперь для него все было кончено. Тяжело дыша, чувствуя тупую боль в спине и груди, Томас выкарабкался из-под расставившего острые косные выступы трупа. Рванный рукав открывал на правом предплечье вышедшего из боя мужчины глубокую счесанную рану, определенно загрязненную и потому опасную, но все, чем офицер смог сейчас себе помочь, это перевязать руку небесно-голубым шейным платком миротворца. Перепачканную куртку хотелось теперь вовсе выбросить, если бы была возможность сложить куда-нибудь все, что хранилось в ее карманах.

Офицер Гуччи еще раз взглянул на поверженное создание тьмы. Оно имело знак на левом плече – словно вытатуированное или выжженное на коже изображение пирамиды. Но рядом было еще несколько слабо заметных линий. «Я помню эту пирамиду! – сердце Томаса сжалось до боли и шало забилося, точно в испуге. – Роберт!

Это невозможно... Роберт, что с нами стало?!». Многие сослуживцы Гуччи на память вытатуировали на плечах, груди или спине три знаменитых египетских пирамиды. Но Кэмпбелл не хотел так. На эскизе, сделанном для него другом в один из первых дней службы, возле единственной пирамиды стоял древний бог смерти Анубис. Пирамиду Роберт наколоть успел, но его татуировка так и осталась незаконченной. Почему он не смог сделать этого за девяносто дней? Теперь Томас должен был вспомнить.

Гуччи был наивен – непристойно наивен как для человека, связывающего свою жизнь с армией – потому что был убежден, что после миротворческой миссии сможет почувствовать себя гражданином всего мира. Мирного мира. Не так много его земляков входило в контингент ООН в Египте, и знакомство с Робертом Кэмпбеллом из Брэхамса стало крупной неожиданностью. Роберт был человеком совсем иной мотивации, происходящим из семьи военных. Его отец начинал свою карьеру в Корее, дослужился до майора, но сгинул в разгар Вьетнамской войны. Естественно, семье Кэмпбеллов, оставшейся без кормильца, совершенно не хотелось, чтобы Роберт отправился вслед за отцом в пылающую Азию. Но экзотики парню хотелось, и так он благодаря заслуживающему уважения упорству оказался в Исфахии. Чего ждал он от миссии миротворцев на Ближнем Востоке, Гуччи не знал, но видел, что Кэмпбелл не испытал разочарования, когда вместо налаживания мира пришлось ввязаться в настоящую войну с силами Египта и Сирии, чтобы вернуть Израилю занятые ими территории. Роберту нравилась горячка боя, он хотел испытывать себя в настоящих сражениях. Его место было не в мире, а на войне.

Разница во взглядах не помешала Томасу общаться с Робертом дальше. Кэмпбелл отнюдь не был глуп, не был одним из деградантов морально разлагающейся армии. И, кроме прочего, этому солдату были знакомы понятия чести и верности, как и принцип «сделай или умри». Война Судного дня отчетливо показала, кто есть кто, буквально содрала кожу со всех, волей рока в нее вовлеченных. У правоверных был давно наточен сильно ноющий зуб на всякого, кто носил на рукаве звездно-полосатый флаг, пусть даже на голове его была голубая каска. Ни для кого там не являлось тайной, что США поддерживают Израиль, и арабский мир осатанело ненавидел выходцев из страны, лезущий не в свое дело. До определенной черты

Гуччи мог их понять. Черту провело боевое ранение и трехдневный плен, которого хватило на всю жизнь.

Томас пришел в себя в темном помещении с таким количеством пыли и дыма в воздухе, что после вдоха она буквально ощущалась вкусом земли на языке. У него нестерпимо болела голова, мир перед глазами дрожал и иногда просто проваливался в черноту. С ним говорили – предлагали окончательно выбрать сторону, выбрать ее правильно и начать убивать неверных. Гуччи отказался, на грани потери сознания качая тяжелой распухшей головой, не способный произнести ни слова. Тогда его схватили за клейкие от крови волосы на затылке, силой подняли его голову и заставили смотреть. Двоих его боевых товарищей со звериной жестокостью умерщвляли у него на глазах, приговаривая, что то же самое ожидает его, если он не изменит своих убеждений. «Это проклятое дежавю... - вспоминал теперь Томас, когда страшное озарение со всей силы било его под дых. – Как кошмарный сон... Но это было! Это с ними сделали! Зачем, дьявол, зачем? Почему я вспомнил?!».

Однако это была не последняя боль прозрения. Миротворец Гуччи избежал тогда мучительной, бесчеловечной смерти, потому что за ним пришли свои. Пришел Кэмпбелл. Томас тогда потерял сознание, измученный ранением, потерей крови и психологическим шоком. Ясное сознание вернулось к нему лишь в госпитале Исмаилии. Однако теперь это был еще вопрос, насколько тогда оно могло считаться ясным. Гуччи был убежден, что Роберт получил ранения, но оправился, и вместе с ним отбыл свои девяносто дней, хотя Томас сам видел, как в Кэмпбелла стреляли, как его тело грузили в вертолет и как медик, склонившись над ним, только недвусмысленно качал головой. Из-за ранения или же острого нежелания принимать реальность, Гуччи забыл все это и думал, что Роберт Кэмпбелл выжил, вернулся на службу, а по истечении контракта улетел домой в Брэхамс. Как смотрел бы теперь Томас в глаза его семье, если все же приехал бы в Брэхамс на День Ветеранов, что чувствовал бы, придя на могилу к своему освободителю, спасшего его жизнь ценой своей! И теперь Гуччи, побывавший в плену, пусть и не сотрудничавший с противником ни под каким страхом, имел больше наград, чем герой Кэмпбелл, среди которых, правда, по достоинству была позорная Медаль военнопленного, учрежденная не так давно, после многолетних небеспочвенных споров. Однако с нею все было куда честнее, чем без нее. Как и с божеством смерти, в подобии которого

воплотилось искаженное воспоминание о Роберте – распятом, добровольно принесенным в жертву долгу. И лишенным зрения, не сумевшим или же не успевшим увидеть суть. И в этом Кэмпбелл был не одинок.

«Как можно быть таким слепым?! – корил себя вернувшийся к горькой памяти Томас. - Значит, практически девяносто дней жить в иллюзии! Чуть ли не испытывать галлюцинации! Как этого можно было не заметить? Как они все это допустили?... - он задумался, пытаясь собрать все скопившиеся домыслы, воспоминания и знания воедино: - Наверное, так было нужно. Чтобы я прошел, чтобы я вернулся и чтобы я был здесь, чтобы я вспоминал это, чтобы я что-то понимал. Что еще я должен понять?». С ним теперь случилось то, чего он ждал – нарыв накопленной, законсервированной в недоступном сознанию месте боли вскрылся. С выходящим из него экссудатом памяти плавно гасли, становились терпимыми мучения, и возвращалась способность мыслить и готовность действовать. Полицейский вновь достал книгу Бодлера из кармана подранной куртки и пересмотрел отмеченные неведомой рукой стихи:

«III. Élévation. Полет – 4.

LXV. Tristesses de la lune. Печаль луны – 3.

LXXIX. Obsession. Неотвязное – 2.

LXXXII. Horreur sympathique. Манящий ужас – 1.

CXX. Les litanies de Satan. Литания Самане – 5».

Становилось ясно: испытание кровавого наваждения – если все происходящее было таковым – еще не кончилось. Офицеру Гуччи предстояло вычислить направление дальнейшего пути. Он сопоставлял проставленные у стихотворений числа с буквами их названий в разных вариациях, и выходило лишь одно четкое слово: «HOTEL». «Значит, отель, - остановился на этом Томас. – Центральный отель Сайлент Хилла - «ГРАНД». И он как раз в старой части города. Что ж, если я жив – значит, должен воевать. Сделать или умереть!». И Гуччи тронулся в путь по направлению к жилым кварталам, а трава под его ногами снова преобразилась, осыпанная рубинами цветущих маков – знаков пролившейся в сражениях крови.

VI

Рваный клочьями покров тумана спустился на старый город, густо роняя сцепившиеся комья невесомого пепла. Небесная зола укрывала

все вокруг, стирая признаки еще недавно царившей в Сайлент Хилле жизни. Толстым покрывалом укутались дороги, потеряли свой цвет здания, разинувшие в беззвучном крике черные пустоты дверей и окон, вторя вступающей в права ночи. Бесцветная, низкая, почти опустившаяся до самой земли темнота до костей пронизывала холодом и погружала в непостижимую нервозность, в беспричинный страх пустоты, каким бывают наполнены туманные зимние ночи на заметенных снегом пустых дорогах. Без звезд, без конца и края однотипных, одинаково выкрашенных серой грязно-снежной краской просторов, без живых душ и без тепла дорога становилась бесконечной, превращалась в непреодолимое проклятие, от которого некуда было деться, и с которого бесполезно было сворачивать в потемках. Тревога таких ночей воспринималась вездесущей, и такой же неумолимой становилась она сейчас. Город снова обращался в блеклый призрак самого себя.

Гуччи напрасно силился твердой волей унять пронизывающую дрожь, скованный промозглым туманом и скребущим в груди и в солнечном сплетении волнением. Высокое здание – землистого цвета коробка с множеством окон – встала вражьем бастионом на пересечении двух широких улиц. Отель «ГРАНД» казался огромным угловым муравейником, покинутым обитателями, или темным каменным монолитом с вмурованными рядами клеток, так отталкивающе-равнодушно выглядел его многоглазый незрячий фасад. Томас пересек проспект, поднимая ботинками волны скопившегося на асфальте белесого пепла. Он готовился увидеть пыльные, засыпанные прахом интерьеры, когда толкал похолодевшей рукой гладкую черную дверь с проржавевшей кованой сеткой поверх стекла. Однако холл гостиницы уподобился мраку пещеры, хранящей первобытное молчание в темноте табуированного ритуального места. Лестницы с толстыми перилами, прямоугольные безвкусные колонны, окруженные облезлыми мягкими креслами, и стойка администрации наличествовали на надлежащих местах, запорошенные осыпавшимся с потолка и стен покрытием, но в центре холла выросла каменная ступенчатая конструкция – многократно уменьшенное подобие индейской усеченной пирамиды, какую Филлип Гуччи не раз изображал на полотнах с пейзажами Обители молчаливых духов. На неуместном в отеле алтаре покоилось недвижимое тело монстра, преследовавшего Томаса, останавливавшего его на неверных путях красным цветком и

вынесшим его из ловушки уничтоженного обвалом квершлага. К дверям, у которых застыл на месте Гуччи, была обращена голова существа, окольцованная металлическим, подобным нимбу обручем. «Были когда-то ли вы людьми? – на сей раз отчетливо задался вопросом офицер полиции. – Ты ли образ моего предка, обезображенный тьмой? Ты ли замученный миссионер, почти святой страдалец? Куда ты вел меня? Дошел ли я теперь?». Томас подошел ближе по пыльному узорчатому ковру, словно намеренно расстеленному между входом в гостиницу и пирамидой. Не было никаких следов, способных указать на то, кто или что умертвило парившего над землей странного монстра. Плоть его была вывернута, а щупальца аккуратно развернуты и разложены между растянутых, широко расставленных конечностей-обрубков, и что-то поблескивало в темной глубине дыры в его груди. Взойдя на алтарь, Гуччи увидел, что там был ключ, и, собравшись с мыслями, погрузил руку в мертвую почерневшую плоть существа. Извлеченный из глубокой раны ключ не имел на себе никаких обозначений, а это значило, что требовалось обнаружить еще какой бы то ни было указатель, чтобы понять, куда идти и какую дверь пытаться отпереть. Действовать наугад было опрометчиво и неразумно в отеле с сотнями номеров и прочих помещений. Полицейский зашел на место администрации, и первым делом его внимание привлек оставленный в дальнем углу под стойкой двуствольный дробовик, а сразу после – спрятанная на полке в стойке коробка патронов. И хотя это был настоящий подарок судьбы бойцу, оставшемуся без огнестрельного оружия, подобная находка рождала много тревожных вопросов. Не приходилось более сомневаться в том, что у гостиницы были чудовищные тайны, что ее подноготная так же кровоточила, как и многие другие обычно безмятежные места погрязшего в играх мрачного наваждения Сайлент Хилла. Томас забрал бесхозное оружие и патроны к нему без колебаний, после чего осмотрел ячейки для ключей. Во многих из них отсутствовали деревянные резные брелоки, но пустующая ячейка, отведенная для ключа от номера 106, оказалась помечена красным крестом. Офицер поднял книгу с записями администрации отеля и поднес ее к окну, хотя свет все равно был столь слабым, что приходилось напрягать глаза до появления головной боли. Нужную запись полисмен все же смог найти: она была датирована шестым ноября 1974 года и свидетельствовала, что в номере 106 остановился Кауфман М.. «Ну да, чье же еще присутствие отмечать красным

крестом, если не врача, - уцепился за проблеск логики в играх, затеянных реальностью, Гуччи. – Что ж, надеюсь, я узнаю, что еще было известно Майку». Томас не испытывал ни малейших сомнений в том, куда следовало направиться.

Ни на неприветливых аварийных лестницах, ни в захламленных обветшалых коридорах отеля с арочными потолками и мрачными тумбами с вазами, хранящими засохшие мертвые цветы, не было никакого освещения. Томас поднялся до нужного пролета практически на ощупь, дальше единственное окно позволяло немного различить темные двери и грязные обшарпанные стены, хотя за первым же поворотом все вокруг снова утопало в кромешной стыллой темноте. Приблизившись практически вплотную к кобальтово-серым дверям, покрытым растрескавшимся лаком, полисмен сумел рассмотреть овальные ржавые таблички на первых двух из них – 101 и 102, после чего просто отсчитал номер 106. Здесь мужчине снова пришлось напрячь зрение, чтобы убедиться, что он нашел нужные апартаменты, но после этого он не решился тотчас вставить ключ в замок. В запертом помещении скрежетали и вопили ранящие голову помехи, заставляющие колкие мурашки пробегать по спине и затылку. Те несколько раз, когда Гуччи приходилось слышать подобные звуки, стоны и хриплые визги, смешанные с лязгом и стуком железа, знаменовали столкновение с испорченной реальностью. Полицейский проверил, заряжено ли его новое оружие, и, лишь убедившись в этом, плавно провернул в замке ключ. Заглянув в номер из-за притворенной двери, Томас не увидел никаких гротескных чудовищ. В номере работал телевизор с подключенным к нему видеомagneфоном, демонстрирующий черно-белую запись отвратительно качества. Несмотря на рваные полосы и зернистую рябь, постоянно скачущие по экрану, и скудное освещение во время самой съемки, все же можно было понять, что запечатлен на поврежденной пленке был половой акт. Прорывающиеся сквозь скрипящий шум вопли значили не боль, а сладострастие. И когда партнеры на экране пережили вершинное ощущение, перед взором единственного зрителя отчетливо застыло утомленное лицо светловолосой женщины, шепчущей: «Да, я навсегда твоя». Мужчина, остающийся в тени, склонился над нею и прошептал: «Воистину прекрасна, как цветок... цветок моего зла». Томас задумчиво потер лоб, неподвижно глядя на экран: «Я же знаю этот голос, – понимал он. - И этот профиль с горбатым носом. На записи

однозначно Кауфман. Судя по состоянию пленки, запись не свежая, но так ведь Майк уже прибывал сюда, по работе, десяток лет назад. И, как видно по интерьеру, останавливался в этом же отеле. Возможно, даже в этом самом номере. Кто снимал его? Камера статична – он мог и сам сделать запись. А если нет? И что он имел в виду, называя женщину цветком своего зла? То, что они сделали? Знать бы, кто его избранница».

Проигрывание записи завершилось, и теперь в темной комнате моргал пустой серый экран, дающий хоть какой-то убогий источник света в апартаментах доктора, которые Томас собирался детально исследовать. Кровать не была застелена, в шкафу стоял открытый чемодан с однотипными строгими мужскими вещами, на журнальном столике была оставлена книга с закладкой, стакан с остатками крепкого алкогольного напитка и маленький деревянный кубик, покрашенный золотой краской. Офицер взял в руки книгу и открыл ее на развороте, заложенном открыткой с изображением красного цветка – астры или георгины. Страницы были исчерканы карандашными пометками. Текст, озаглавленный как «*Табу девственности*» содержал следующие, оказавшиеся значимыми для чтеца, рассуждения:

«Немногие детали сексуальной жизни примитивных народов производят такое странное впечатление на наше чувство, как оценка этими народами девственности, женской нетронутости... Кто первый удовлетворяет с трудом в течение долгого времени подавляемую любовную тоску девушки и при этом преодолевает ее сопротивление, сложившееся под влиянием среды и воспитания, тот вступает с ней в длительную связь, возможность которой не открывается уже больше никому другому. Вследствие этого переживания у женщины развивается «состояние подчиненности», которое является порукой ненарушимой длительности обладания ею и делает ее способной к сопротивлению новым впечатлениям и искушениям со стороны посторонних... Неправильно описывают поведение примитивных народов, о котором ниже идет речь, те, кто утверждает, что эти народы не придают никакого значения девственности, и в доказательство указывают, что дефлорация девушек совершается у них вне брака и до первого супружеского сношения. Наоборот, кажется, что и для них дефлорация является актом, имеющим большое значение, но она стала предметом табу, заслуживающим названия религиозного запрета. Вместо того

чтобы предоставить ее жениху и будущему мужу девушки, обычай требует того, чтобы именно он уклонился от этого... У диери и у некоторых соседних племен (в Австралии) распространен обычай разрывать девственную плеву, когда девушка достигает половой зрелости. У племен Портланда и Гленелга совершить это у невесты выпадает на долю старой женщины... Для объяснения этого табу девственности можно указать на разнообразные моменты, которым я дам краткую оценку. При дефлорации девушки обыкновенно проливается кровь; первая попытка объяснения так и ссылается на страх примитивных народов перед кровью, так как они считают, что в крови находится жизнь».

Содержание книги несколько озадачило Томаса, однако попыталось дать новый ход рассуждениям. «Судя по тому, что он бормотал тогда в больнице, Кауфман сожалел, что не мог быть со своей женщиной. Наверное, действительно любил ее... - предполагал Гуччи. – И она отдалась ему – и в действии, и в словах. Значит, следуя логике этой книги, у него возникло бессрочное право обладания ею, и она стала недоступна ни для кого другого. Если эта женщина состояла прежде в Ордене... Для чужаков там все однозначно, и своей страстью Кауфман обрек и ее, и себя! Вот его зло! И кассета – железное того свидетельство. С другой стороны... мечь Ордена не ждала бы десять лет. Может, я пытаюсь связать то, что не связано? Если Майк, вернувшись в Сайлент Хилл, останавливался здесь, может, и кассета принадлежит ему? И отснять на память он мог все, что происходило на их встречах, а не только секс... Мало ли, какие у психиатра прихоти и странности. Все это как-то в любом случае не касается меня». Интерес доктора Кауфмана к тому, что касалось секса, не выглядел слишком уж необычно как для врача его профиля. Странно было то, что Майкл также несколько раз обвел карандашом с сильным нажимом номер страницы с очерком о девственности – 111. Это наводило на мысль, что обозначить подсказкой он хотел нечто иное. Возможно, врач узнал о чем-то, что также происходило в отеле, а именно в номере 111. Пока у Томаса не было других вариантов значения выделенного числа, и он намеревался проверить этот. Забрав на всякий случай книгу с закладкой и деревянный кубик, он снял перевязывавший руку платок и вылил остатки алкоголя из стакана на рану. Он понимал, что, возможно, уже было поздно пытаться ее дезинфицировать, однако запоздалая мера могла хоть немного облегчить возможные

последствия в худшем случае. Порывшись в вещах Кауфмана, Гуччи нашел чистое полотенце и за неимением ничего другого им перевязал руку снова. Только после этого он покинул апартаменты Майкла и опять отсчитал в неизбывной темноте дверь. Нужный номер должен был оказаться первым по коридору за поворотом, однако, взглядевшись в цифры на двери, Томас обнаружил, что стоял перед номером 112. Вернувшись к предыдущим апартаментам, он вынужден был увидеть число 110. «Сходится, - в нервном предвкушении подумал офицер. - Не случайно же его нет. А должен был быть здесь». Номер 111, следуя логике, должен был находиться там, где всю стену от пола до потолка закрывала огромная картина в толстой золотистой раме. Полотно было так похоже на бездушную страховитую церковную фреску, что сначала показалось ее списанным фрагментом. Может, отличия и присутствовали в двух сомнительных произведениях мракобесного искусства, однако они не выглядели существенными. Здесь точно так же на лестнице, опущенной в огонь, принимала смерть в огне связанная женщина. «*Первое сожжение*», - прочитал Гуччи название полотна на табличке, прикрепленной внизу к строгой раме без узоров, украшенной по углам простыми квадратами. - Несомненно, то, что нужно для оформления гостиницы», - сам для себя невесело сыронизировал он. Тут офицер заметил, что нижний правый угол рамы был поврежден, словно от него откололся один декоративный элемент. Присев на корточки, Томас изучил ее еще раз - в углу недоставало одного квадрата. Полицейский вспомнил про деревянный кубик, найденный в номере доктора. Он достал фигуру и вставил ее в точно подходящее по размеру отверстие. Раздался щелчок, картина отклонилась от стены, словно дверь, открывая взору сокрытый за ней номер 111. Заросшие паутиной потрескавшиеся двери искомым апартаментов оказались незапертыми, но офицер Гуччи снова прислушался, прежде чем войти. Он услышал в помещении чье-то прерывистое частое дыхание. Так дышат либо предаваясь страсти, либо после долгого отчаянного рыдания. Что бы это ни было, звук издавался скорее человеком, чем некой абстрактной inferнальной разлагающейся тварью, что весьма обнадеживало. Томас коснулся дверной ручки - и дыхание за дверью сорвалось, замерло и сменилось отчетливым горьким до захлебывания плачем.

Не опуская оружия, Томас резко распахнул дверь. На узкой кровати у окна он узрел скорбящий бежевый силуэт. Заходила

истощным плачем хрупкая юная девушка в хиджабе песочного цвета и кремовом восточном головном платке. Лица ее, закрытого смуглыми ладонями, Гуччи не мог видеть. Мужчина даже не брался гадать, кем была сия незнакомка и что явилось причиной ее стенаний. Его познаний в арабском языке хватило на то, чтобы осведомиться, что же случилось, приблизившись к юному созданию, но не касаясь чужого дрожащего от рывков поверхностных всхлипов плеча. Ответ разобрать офицеру удалось: арабская девушка, обратив к нему раскрасневшиеся и опухшие от слез бездонно-черные глаза, изрекла, что никогда его не простит, а спросить, за что же ему нет прощения, Томас уже не успел. Не иллюзорная, оглушительная до боли сирена проревела так близко, словно была установлена прямо за окном апартаментов, и с ее раздирающим рассудок воплем помещение провалилось в абсолютный мрак. Когда слабая видимость проблеснула вновь, все вокруг уже было поражено проказой тьмы. Кровавым налетом покрылись черно-ржавые стены, исчезло окно, замурованное мрачной картиной, детали которой трудно было различить, но главное изменение состояло в том, что за существо теперь стояло перед Гуччи, во что обратилась затаившая на него кровавое зло черноглазая незнакомка. На смуглом лице, отмеченном теперь пятнами смерти, завернутом в платок из коричнево-желтой свежесодранной кожи, были лишь две щели воспаленных глаз, сочащиеся медленными тоненькими ручейками алой крови. Изящные женские руки опускались вниз по бокам нагого мертвого стана, но девичью наготу скрывали ныне иные руки. Десятки крупных грубых сизо-черных мужских рук грязной хваткой закрыли юные груди, вцепились в тонкие запястья, опоясали, скрестившись, талию и бедра. Серно-синим конусом грязи недозволенных прикосновений уходили вниз ряды рук, крепко держащих в неволе то, что было юным созданием женского пола, оберегаемым запретами своей родной культуры. Девичьи черты, искаженно сохраненные в новом отталкивающем образе, смутили Томаса, и он опустил дробовик. Вместо этого полисмен достал армейский нож, намереваясь резать нечестивые руки, сковавшие ее, однако существо не позволило офицеру приблизиться. Сплетенные на чреслах чудовища гангренозно-почерневшие мужские кисти разомкнулись, обнажив кровавую пропасть, широкую округлую пасть с блестящим молочно-белым кантом мелких острых, точно иголки, зубов. Глубокая ребристая дыра в животе монстра извергла ком багрово-красной

жидкости, заляпавшей низ куртки Томаса. Мужчина отшатнулся, уже прицелившись из дробовика, когда тварь отхаркнула низом живота еще одну порцию кровавой жижи, попавшую ему на рукав. Бросив взгляд на испачканную куртку, Гуччи отчаянно чертыхнулся – темно-красные сгустки, обильно пузырясь, разъедали ткань. Томас моментально отбежал в дальний угол помещения, бросив оружие и торопясь снять куртку, пока едкая субстанция не проела всю одежду до кожи и пока женоподобное существо, изрыгнувшее ее, не доползло до него. Сбросив, наконец, ни на что более не годную верхнюю одежду, полицейский едва успел схватить дробовик и дважды выстрелить, когда расстояние между ним и тварью в тесной комнате уже опасно сократилось. Он не целился, полагаясь на кучность стрельбы, и потому разворотил грудь, а не плюющую пасть отползающего монстра, однако агония страдающего чудовища предоставила ему время для нацеливания. Уже хорошо зная, куда метить, Гуччи выстрелил еще дважды. Дробь превратила слоистый зубастый зев твари в кровотокающую дыру, и на этом все было кончено, кроме заставившего мешкать Томаса еще в начале схватки замешательства.

*«Он, зная страсть мою к Искусству, предстает
Мне в виде женщины, неслыханно прекрасной,
И, повод отыскав, вливает грубо в рот
Мне зелье мерзкое, напиток Зла ужасный», -*

Мысленно произнес офицер полиции, вновь глядя на девичье лицо поверженного существа, плачущее кровавыми слезами. Его осеняла мысль о том, о чем порождение нечистого тумана должно было напомнить ему. И это не имеющее оправдания зло тоже вершилось на Ближнем Востоке.

Миротворец Гуччи знал, что был свидетелем военного преступления, совершенного сослуживцами, земляками. «Только идиот не понял бы, что они с ней делали, - припоминал он с оголенной саднящей совестью. - Там была не та война, где американцам отдавались за банку тушенки. Что меня остановило, какого черта я молчал? Думал, что в этом участвовал Кэмпбелл... Забудем это, Роберт мертв! И нечего этим себя оправдывать! Ну что я, что?! Переживал за товарищей, зная, что с ними будет за групповое изнасилование? Нет же. Нет. Какие там товарищи, если мы даже толком не общались... Это мое зло. Оно во мне всегда было. Ее мне не было жалко». Томас был убежден, что должен стыдиться, пусть

даже перед самим собой, но не был способен заставить себя чувствовать иначе. Он всегда испытывал некое пренебрежение к женщинам, ему нравились их душевные страдания. И связи его потому всегда были случайными, и он бросал женщин без сожаления, с тенью наслаждения. Вспомнить хотя бы медсестер госпиталя в Исмаилии. Гуччи мог бы пытаться оправдать себя, раскапывая неосознанные обиды детства, прикрываясь дефицитом любви и заботы, испытанным практически с рождения, но и теперь он не позволил себе поддаться и принять подобное обезболивающее, ослабляющее тягость вины. Томас мог бы жить с такой неприязнью к женщинам и дальше, пусть собирая трофеи израненных душ, пусть не имея никогда собственной счастливой семьи, но без вины. Он мог бы, если бы ненависть, происходящая из обиды брошенного младенца, не довела его до того, что он стал молчаливым соучастником ужасного порока. Ту арабскую девушку вояки убили после группового надругательства. И пусть вряд ли сохраненная ей жизнь стала бы лучшим исходом, чем смерть, Гуччи мог бы не позволить злу остаться безнаказанным. Однако он не вмешался.

Позже Томас силился навсегда забыть о том случае, найдя для себя оправдание в том, что якобы видел в числе насильников Кэмпбелла, перед которым пребывал в неоплатном долгу. Легко было жить со сладкой ложью, но все должно было стать на свои места и измениться теперь, когда офицер Гуччи сумел взглянуть на женщину по-другому – без негатива, с истинным состраданием. Без подобного очищения, без болезненного удаления всех осколков лжи из тела памяти он никогда не смог бы действительно стать тем, кем хотел стать. Врага нужно знать в лицо, и бороться со злом можно лишь тогда, когда познал зло в себе.

Еще какое-то время полисмен безмолвно сидел у стены, опустив голову и прижав к груди дробовик. Когда дыхание его вновь стало ровным, и отчаянное сердце утихомирилось, он смог, наконец, поднять глаза и оглядеться. Комната не спешила сбрасывать кровавый наряд. Больше всего Томаса беспокоила картина, закрывавшая окно, компанию которой, как теперь он заметил, составляли еще четыре небольших полотна, расположившиеся в ряд под нею. Гуччи подошел ближе. Центральное произведение изображало бледную темноволосую обнаженную женщину, ступающую босыми ногами по цветам мака, а сзади ее обхватывал властно, словно брал силой, мужчина, черт которого было не

разобрать – он являл собой зловещий зачерненный силуэт. Рядом с полотном на стене в тонкой рамке под стеклом висела пожелтевшая страница со стихами:

*Никта-Ночь охраняет приют древних сил.
Ты отдай ей все то, за что кровью платил.
Мрак-Эреб дал ей дочь и троих сыновей,
И светлы и мрачны лики Ночи детей.*

*Дочь в злаченных одеждах, сам Гелиос с ней
Выезжает в упряжке огнистых коней.
Пробуждает природу ее нежный шаг,
Ей за сутки дано обойти земной шар.*

*Первый сын облаками ступает легко.
Прикоснуться к нему может лишь божество.
Стихотворцев, философов светом манит,
В микрокосмоса схеме он мудрость хранит.*

*Как в полях проливалась геройская кровь,
Имя сына второго умело снять боль.
Исцеляет увечья, наслав дивный сон,
Не заслугой, а раной отмеченный он.*

*Угодив в сети недруга, гордый орел
Все молил, чтобы третий сын Ночи пришел.
Черный он и кровавый, и белый, как кость,
Его сердце стальное в богах будит злость.*

Теперь Томас припомнил мотивы из греческой мифологии, в которой маки являлись символами Никты – богини ночи, чьим законным супругом был Эреб – бог мрака. И все же изображение сакральной пары не выглядело безмятежным, и черный бог тьмы был похож на насильника, стоящего над жертвой. Гуччи махнул тяжелой, снова ноющей головой, словно пытался вытряхнуть из нее неприятные ассоциации. Не возвращаясь более к полотну о Никте и Эребе, он внимательнее рассмотрел другие картины. На их рамках крепились таблички с именами детей Ночи и Мрака, а также в стене над каждой картиной была проделана скважина, как для ключа. «Требуется решение загадки, чтобы пройти дальше, - подытожил Томас. – Четыре ключа, которых нет. Но в стихах сказано, что нужно

отдать то, за что уплачено кровью. Громкие слова, конечно, но есть одна мысль...». Полицейский вернулся к брошенной на полу камуфляжной куртке, превращенной в чудовищно грязное рваное тряпье, и отколол от груди медали. Перстень отца, хранившийся в кармане, приходилось теперь носить на пальце, хотя по этому поводу Гуччи не испытывал суеверий. Забрать книги у него уже не было возможности, потому он вытащил заложенный между страниц рисунок – подарок Алессы, и закладку из чтива доктора Кауфмана. Картонная открытка давала некоторую гарантию того, что рисунок не помнется, пока будет покоиться в нагрудном кармане рубашки Томаса.

Забрав все, что считал ценным, офицер вернулся к разбору преподнесенной ему головоломки. Четыре картины и четыре медали. Первый взгляд пал на Морфея, окруженного снотворными цветами зла, посвященными ему в той же степени, как и его блеклой матери. Его требовалось отметить не заслугой, а раной, что позволяло связать его с медалью Пурпурное сердце, свидетельствовавшей о перенесенном боевом ранении. Томас вставил награду в скважину и перевел взгляд на истощенный бледный лик Танатоса – божества, воплощающего смерть, даже стереотипно снабженного по воле неизвестного художника косой. Белый, как кость, он сам являлся костью, обтянутой конкой кожей. И орел, окруженный колючей проволокой, угодивший в сети, был изображен на Медали военнопленного. «Ему только и молиться в плену, - горестно подумал Гуччи, вставляя в скважину темную постыдную медаль. – Особенно в краях тех нравов». Следующей была светлая богиня Гемера, знаменующая день, восседающая на колеснице самого Солнца. Иной подсказки не было, кроме того, что за сутки ей дано обойти Землю. На руках у офицера оставалось лишь две награды – Памятная медаль ООН и Серебряная звезда. На медали за миротворческую миссию традиционно изображалась эмблема ООН, представляющая собой вид сверху на земной шар. Пока все сходилось, но Томас хотел быть уверенным до конца и взглянул на Эфира, шагающего по поверхности небесных сфер среди звезд. Звезду в некотором смысле представлял собой символ микрокосмоса – прямая пентаграмма, и тогда медаль Серебряная звезда как раз соответствовала Эфиру. Гуччи расставил все награды по местам без сожаления о расставании с ними и услышал медленный протяжный скрип. Полотно с изображением Никты и Эреба плавно отъезжало в сторону, открывая

окно, лишенное рамы и стекол. Оконный проем был входом в короткий коридор, сбитый из перекрещенных старых железных прутьев, затянутых тканью, покрытой отвратительными разводами багрово-красного, черно-коричневого и еще более мерзостного коричневатого-желтого цвета. Тряпки свисали с металлических каркасов тяжело и блестели, будто были мокрыми, что наталкивало на мысли, что они пропитаны кровью и гноем. Мрачный коридор вел в соседнее здание, стоящее довольно близко к отелю. Не без замиранья сердца Томас с раскинутыми руками перешел по сетке шатающейся скрежещущей конструкции, стараясь не касаться тошнотворных влажных занавесок, и забрался в оконный проем присоседившегося к гостинице каменного мешка.

Спрыгнув с подоконника, Гуччи очутился на зыбком заржавевшем до дыр пролете квадратной лестницы, бегущей по периметру темного пыльного помещения, пересеченного путанными сетями толстых и тонких, прямых и завернутых, заросших грязью и ржавчиной подтекающих труб, заваленных и завешанных горами грязного, пропитанного красно-желтой влагой тряпья. Место, по всей видимости, бывшее некогда фабрикой, само по себе уже вызывало подступающее к горлу спазмом отвращение, которое довершило до пронизывающего трясущего шока то, что громоздилось в широком вписанном в квадрат пола круге в центре зловещего здания. Толстокожая безобразная тварь была столь огромна, что не уступала размерами ожившему обелиску и даже превосходила его. Томас стоял на лестнице на уровне второго этажа, и перед ним посередине свободного от труб и металлоконструкций пространства высилось бледное пятно безликой головы монстра, лишенной любых черт, кроме вколоченной в плоть на месте рта толстой пластины из грубого металла. Голый череп был окружен железным обручем, крепящимся тремя вогнанными в кость штырями. Ниже тело твари представляло собой некую расплавленную, подобно воску, массу, которую офицер полиции не успел рассмотреть. Существо, казавшееся поначалу неподвижным, так как было приковано к прочно закрепленной на высоких почерневших сваях ржавой металлической лестнице, качнулось на стальных опорах с адским пробирающим скрежетом и всей чудовищной массой основания бесформенного тела врезалось в стену, у которой стоял Гуччи. Конструкции шаткой лестницы переломились, как тонкие сухие прутья, и оборвались; Томас, вскрикнув от столкновения с внезапной опасностью, едва успел

зацепиться за уходящие вверх покачнувшиеся сетчатые ступеньки. Рывком он взобрался на фрагмент отрывающейся лестницы и, тяжело дыша, еще раз взглянул вниз. Плечи и грудная клетка циклопического чудовища имели женственные очертания, но на месте груди в мертвое блестящее желтым воском тело была вмурована еще одна толстая железная пластина. Предплечья стекшей массой приплавились к опорам лестницы, а ниже расширяющаяся текучая плоть смешивалась с хаотичной грудой подвешенных на потеках этой самой тягучей плавящейся плоти двутавровых балок. И как бы гротескно и нелепо ни было масштабное представляющее взору зрелище, ассоциации оно вызывало вполне четкие, конкретные и имеющие под собой подтвержденную историческую почву. Громадный монстр в центре зала некоего заброшенного предприятия напоминал сжигаемую на костре женщину. Перекрытые куски металла, нагроможденные внизу, обозначали почерневшие дрова, и мученица-ведьма по местной традиции была намертво привязана к лестнице. Но почему были закрыты участки ее тела, особенно рот, если фанатики всегда наслаждались предсмертными криками безвинных жертв? Гуччи не имел времени для размышлений на этот счет, он должен был бежать по лестнице вверх, пока громадина на сваях не успела развернуться и не принялась снова лупить в стену с такой силой, что оказываемого ею сотрясения не могли выдержать даже не столь прохудившиеся металлические конструкции. Выкroив момент, Томас выстрелил в чудовище, перезарядил дробовик и снова несколько раз выстрелил, однако дробь едва поцарапала толстенную кожу твари. Очередной удар сорвал лестничный пролет вниз, и полисмен в последний момент успел спрыгнуть с него и уцепиться за неприязненную мокрую трубу. Сеть сплетенных, точно густые корни, труб составляла не худшую опору для того, чтобы устоять и даже продолжить передвижение по периметру помещения, но как можно было сражаться с тем, что оказалось неуязвимым для выстрелов? Металл уже извещал скрипучим рычанием об очередном развороте исполинского монстра. Офицер Гуччи, вскарабкавшись как можно выше, отчаянно вцепился в трубу, стиснув зубы и с содроганием ожидая нового удара. Сокрушительная атака безликого чудовища не заставила себя долго ждать. С грохотом повалилась значительная часть спутанного трубопровода, черное заплесневелое покрытие крупными кусками посыпалось со стены. Томас напряженно озирался, чувствуя, словно сердце с болью билось уже не в груди, а

где-то под гортанью. Безопасных мест в зале заброшенной фабрики практически не оставалось. Балансируя на скользких неровных трубах, переступая через разбросанные повсюду тряпки, Гуччи перебирался на уцелевший пролет лестницы, уходящий вниз, по-прежнему не имея ни малейшего представления, как противостоять громадному бесформенному ужасу. Внизу противоположной стены полисмен сумел разглядеть дверь, но добраться до нее не представлялось возможным. Находившиеся наверху конструкции, которые могли бы позволить обойти перекрывающего зал дебелого монстра, не уцелели. Едва ощутимый проблеск надежды забрезжил перед человеком, когда он вновь оказался на дрожащей при каждом шаге лестнице. На нижнем ее пролете стояла пустая керосиновая лампа, зеленая бутылка с какой-то жидкостью и коробок спичек. Если догадки были верны, и кто-то оставил здесь горючее вещество, не успев заправить лампу, можно было уповать на то, что тварь, воплощавшая в себе сожжение грешницы, окажется уязвимой к огню. Но само поползновение в сторону спасительной находки было отчаянным риском – один удар монстра в том направлении был способен размазать человека по стене. «Проклятье! – сокрушался Гуччи, не решаясь сделать шаг в какую-либо сторону. – Это кажется безвыходным! Но нельзя же кончить так... Нельзя сдаться!». Собрав последние силы и волю, сжав до боли зубы, он рванул с места, но не вниз, а в том направлении, откуда пришел. Он уже поставил ногу на мокрую поверхность трубы, когда тварь со скрежетом ринулась в стену в его направлении. Реакция не подвела Томаса – в тот же миг он развернулся и, презрев любые сомнения, не замечая пьяных шатаний ржавой лестницы, бросился вниз. Добравшись до цели, он сунул спички в карман рубашки и схватил бутылку. Теперь, взбираясь по трубам вверх, приходилось действовать одной рукой. Холодный пот выступил на теле, охваченном дрожью, когда за спиной слышался скрежет, сопровождавший каждый разворот монструозной громадины. Гуччи понимал, что не успеет достичь безопасного расстояния. Действовать нужно было без промедления. Ничего не чувствуя телом, он развернулся лицом к врагу, зубами сорвал пробку бутылки, невольно бегло усмехнувшись, почувствовав в воздухе едкий запах керосина. Офицер с яростью швырнул сосуд из зеленого стекла вниз, где тот разбился о выступающие на поверхность плоти двутавровые балки, и тут же, достав коробок, отправил следом пару зажженных спичек. Восковые потеки кожи на

нижней части безобразного тела твари вспыхнули, а через несколько мгновений волна жара взлетела выше, окутав пламенем всю чудовищную высокую дебелую фигуру. Дыхание Томаса продолжало дрожать, когда лица его коснулся поток накалившегося воздуха. Рано было радоваться своему спасению – огонь перекидывался на многочисленные куски грязной ткани, раскиданные по залу брошенного предприятия. Воздух наполнялся разъедающей дыхательные пути гарью, заставляя задыхаться и чувствовать пульсирующую головную боль. Тем временем толстая кожа монстра, загромождающего своей массой любые пути для обхода, сгорела, оставив на теле лишь тонкую трескающуюся угольную пленку, в щелях которой алела блестящая кровавая плоть. В кольце огня, охватившем трубы и металлоконструкции, закиданные тряпьем, Гуччи оказывался в ловушке, единственный выход из которой лежал через тело обожженного чудовища. Спрыгнув на перекрестье черных металлических балок, полисмен выхватил нож и разрезал слой матового угольного налета. Лезвие легко провалилось в плоть мертвого существа, полупрозрачные капли крови выступили из разреза. Томаса передернуло от пробирающей до костей мысли о том, что ему предстояло, однако режущая боль в горле, головокружение и накатывающая тошнота, безумие вырывающегося из груди сердца и слезы, выступающие на пекущих от гари глазах толкали его к единственному спасительному действию. Закрыв глаза, он начал орудовать ножом, силясь не слышать глухого треска рвущихся сосудов и связок, расчищая себе мокрый и скользкий путь через завесу из плоти. Выбравшись из исполинского тела, с ног до головы вымоченный в его соках, Гуччи заставлял себя, как мог, не думать ни о чем, кроме двери выхода из зала, и все же, добежав до нее и уже шагнув в соседнее помещение заброшенного предприятия, он обернулся. Разорванные сосуды и полые органы мокрыми трубками висели в прорезанной дыре. Предчувствие такого финала ли прежде становилось причиной отвращения, испытываемого при виде текущих труб, Томас не успел понять, лишившись сознания на пороге пустой серой комнаты.

Когда Гуччи пришел в себя, лежа ничком на дощатом паркетном полу, ничто не напоминало о зажженном им огне, хоть Томас и не повторял своей ошибки и не оборачивался, чтобы взглянуть на то, что осталось за дверью кошмарного зала с трубами и лестницами. В комнате с голыми серыми стенами и устланным деревом полом

воздух был чист и даже прохладен. Прямо перед собой мужчина узрел выход, но здесь еще находилось то, что заставляло его задержаться. На полу стояла старинная темная шкатулка, украшенная строгой геометрической резьбой, состоящей преимущественно из треугольников. «Особая вещь отца», - почти машинально вспомнил Томас, и это было истинное озарение. Замочной скважины шкатулка не имела – вместо нее на крышке находилось округлое углубление, несколько неровное в одном месте. Ведомый воспрянувшей интуицией, полицейский снял с пальца золотой перстень Говарда Гуччи и поместил его в выемку на крышке. Кольцо с треугольным опалом действительно оказалось ключом к шкатулке, и внутри деревянной коробки в красном бархате Томас нашел икону с женским ликом, подписанную как: «Святая Каталина», и письмо, начертанное почерком отца. Смахнув вновь сорвавшиеся скорбные слезы, офицер принялся читать последнее адресованное ему стариком послание:

«Мой дорогой Том, мой единственный, любимый больше жизни сын! Должно быть, это пошло – оставлять в письме такие фразы, но я вынужден сказать, что наверняка ты прочтешь это уже тогда, когда в живых не будет никого из нас – ни Филлипа, ни меня. Никто из нас не хотел, чтобы настал час тягостной необходимости познакомить тебя с этим тяжким знанием, но если, сделав все, зависящее от нас, мы не сумели отвернуть его, на тебя, Том, остается последняя надежда. Многого ты поймешь, когда я без радости открою тебе то, что было проще скрывать – историю нашей семьи.

Она берет свое начало в середине XIX века, когда на земли Сайлент Хилла прибыл миссионер католической церкви Томас Гуччи, получивший нереальную уже по меркам того времени задачу – обратить местных сектантов в «истинную веру». Стоит ли говорить, что в этом деле он не преуспел ни на йоту, зато нажил себе немало ненавистников, гнавших его взащей с каждого порога, плевавших в спину и сыплющих проклятия? Лишь одна женщина прониклась к Томасу сочувствием. Ее звали Дженифер, и она одарила миссионера, уже оказавшегося на скользкой грани отчаяния, искренней, настоящей, спасительной любовью. Томас и Дженифер были венчаны по католической традиции, и вскоре у них родился сын Кристоф. Все это не могло пройти незамеченным в маленьком провинциальном городке, полном древних иррациональных

предрассудков. Орден считал Дженнифер грешницей и начал на нее охоту. Как ни оберегал свою возлюбленную Томас, она стала первой жертвой. Ее смерть запечатлена на многих так излюбленных местными картинах первого сожжения, которое, как верили фанатики, отпугнуло тьму. Культисты едва понимали, с чем имели дело, и как против них должно было обернуться их оружие смертной битвы с дьявольским обольщением. Дженнифер была первой птицей – той, что кричала на заре. На заре поистине чудовищного времени.

Тогда миссионер Гуччи, видевший смерть в муках своей законной жены, в полной мере испытал отчаяние, изменившее его. Зверство и безумие, царившие вокруг, заставили его разочароваться в своей вере. Как ошалелый, Томас принялся скрупулезно изучать культуру индейских племен, некогда проживавших на территории Сайлент Хилла. Вскоре он сам начал тайно поклоняться их страшному кровавому божеству возмездия и правосудия, статуэтку которого нашел в шахте простой рабочий, продавший ее бывшему миссионеру за бесценок. Томас планировал устроить Ордену воздаяние, совершив ритуал вызова бога Кзучилбары, однако культисты прознали его планы. И так Гуччи тоже оказался схвачен и помещен в проклятую тюрьму Толука, где его долго истязали и в итоге казнили на глазах сына. Возможно, происхождение нашей фамилии натолкнуло фанатиков на выбор вида экзекуции, потому его наградили итальянским галстуком. Когда Томас был обезглавлен, фигурка индейского божества, находившаяся в руках пораженного Кристофа, мистическим образом разделилась на две части. Сын без вины казненных родителей рано вкусил отраву отчаяния. Кристоф унаследовал новую веру своего отца и посвятил жизнь составлению гримуара «Багряный том», однако доделать дело и призвать в мир кровавого Кзучилбару ему так и не удалось. Что касается статуэтки бога, одну ее часть Кристоф спрятал, а другая, вызывавшая куда меньше подозрений, передавалась в нашей семье из поколения в поколение. Правда, о ее значении довольно быстро забыли.

Кристоф Гуччи преуспел в одном – в сборе информации. Он установил, что для призыва Кзучилбары нужен человек, находящийся в крайнем отчаянии, который уступит часть своей сущности кровавому богу, и двадцать четыре безвинные жертвы. Со времен первого сожжения Орден пытался очистить еще двадцать одну

«ведьму». Таким образом, всего жертв было двадцать две, до 1948 года, ознаменованного тем, что наш род снова перешел дорогу Ордену. Ранней туманной весной 1947-го в моей душе родились сильные чувства к потрясающей, умной, скромной и добросердечной женщине по имени Кейт. Каждый миг в то сырое время года, на слякотных загородных дорогах или в недружелюбном, хранящем злое молчание городе рядом с нею был так вдохновляюще прекрасен, как ничто в моей жизни до встречи с ней. Мы были близки, и я хотел заключить с Кейт законный союз, но получил отказ, причина которого, не озвученная мне тогда, раскрылась слишком поздно. Моя возлюбленная состояла в Ордене, ее полное имя было Каталина. Наверняка ты хорошо знаешь, каким прегрешением у фанатиков считается подпуск чужака к себе: тем, кто так поступал, у них испокон веков не было прощения, как не миловали они и детей, рожденных от подобной связи. Я узнал правду, когда после моего безответного признания в самых серьезных намерениях Кейт пропала. Мы с Филлипом отчаянно искали любые сведения месяц за месяцем, почти полгода. Что же стало весточкой от нее вначале дождливого неприветливого лета 1948-го? Это был ты, Том, это был ты! Наш драгоценный, зачатый в любви сын! Я понял все, когда увидел младенца, оставленного у дверей моей квартиры с той иконой, которую ты можешь увидеть сейчас – с ее подписью, замаскированной под христианский оберег. Кейт знала, что ее осудят за грех, знали и мы с Филлипом, но не смогли помочь. Мы были обречены однажды услышать рассказы о том, что ее казнили на костре! Ты был и оставался всем для меня, Том! Ты моя непомерная гордость. Может, благодаря тебе одному я не канул с головой в пучину того отчаяния.

Однако ты можешь представить мою боль и мою непримиримую злобу, которые всецело разделял мой верный, готовый помочь любой ценой брат. И мы с ним, как когда-то наши предки, задумались над проведением ритуала вызова Кзучилбары. Может, в этом месте ты сочтешь нас спятившими, однако поверь мне, сын, это было взвешенное решение. Филлип пошел на многое – он инсценировал собственную смерть, чтобы пропасть на время из виду, а позже под вымышленным именем устроиться на работу в Историческое Общество Сайлент Хилла. Ему удалось свершить все задуманное, в исторической организации он даже дошел до высокой должности, открывшей ему доступ во все возможные архивы. Филлипу удалось

достать строго запрещенный в Сайлент Хилле «Багряный том», он собрал все необходимые сведения и даже обнаружил ритуальное место в одном из тоннелей шахты Уилтс. Мой брат понял все насчет семейной реликвии, знал, как должен выглядеть Кзучилбара, но в последний момент что-то в нем сломалось. Я не знаю, с чем он столкнулся в 1964-м, с каким испугавшим его до седины наваждением, но после этого он был сам не свой, и это уже не прошло. Да и ни в ком из нас не было истинного отчаяния. Филлипа лично это едва касалось, а у меня был ты. Потому и нам не суждено было довершить холодную месть высших сил.

Глядя на тебя, сын мой, я чувствовал, что ты именно тот, кто способен завершить то, что начал еще Томас. Интуиция не могла обмануть меня, когда я решился назвать тебя в честь него. Я знаю, Том, что ты всегда стремился быть на страже справедливости, но ты должен понять, что в мире есть разная справедливость. Она может быть людской, божьей и даже для кого-то дьявольской, и порой от нас мало что зависит. Пусть ничто не пугает тебя и не останавливает, даже законы или мораль. Ты уже знаешь о птице, что пела в сумерках, пела тебе, пусть и только раз в твоей жизни. Не уппусти последнюю птицу».

Офицер Гуччи тяжело вздохнул полной грудью. Воздуха не хватало, а внутри, где-то в груди ощущалась пугающая пустота. Лицо, руки и одежда Томаса были покрыты коркой засохшей крови, и лишь теперь он понимал, что произошло с ним в зале, оставшемся за дверью, и кого воплощала исполинская, водруженная на кострище фигура с железным нимбом. Сегодня ему пришлось пережить свое новое рождение. Рождение в муках, рождение, убившее мать!

Опустошенный последним прозрением, поглощенный виной за многолетние заблуждения прошлого, едва не толкнувшие его на кривую дорогу, Гуччи медленно, обессиленно, шатаясь, добрался до выхода из цементно-серой комнаты. За дверью оказался узкий темный коридор с выцветшими бордовыми стенами и вешалкой, на которой выстроились в ряд черные одежды культивистов с широкими остроконечными треугольниками капюшонов. При всей заигравшей новыми красками ненависти и отвращении к Ордену, Томас понимал, что сейчас подобный балахон был идеальным одеянием, способным скрыть все тело, испачканное кровью. Облачившись в угольную ниспадающую завесу и скрыв темным треугольником лицо, полицейский вышел на ночную улицу, очистившуюся как от

пепельного грима, так и от кокона багрового мрака. Мужчина не мог вернуться к рассуждениям о цели своего испытания – слишком дорого стоило смирение со всей многогранной обнажившейся правдой. Офицер Гуччи твердо знал лишь одно: сейчас его путь лежал домой.

VII

Обратившийся в единую черную, лишённую лица тень, будто ставший земным воплощением темного забытого бога Эреба или силуэтом безжалостного мстителя Кзучилбары, измотанный, отрешенный, но обновленный, дважды рожденный человек брел в ночи вдоль хранящего незыблемый покой озера. Осколок зеркала небес на земле, позолоченный звездами палых листьев, не получал на сей раз никакого внимания со стороны Томаса. Офицер не замечал вообще ничего вокруг, когда взгляд его оставался обращенным глубоко внутрь себя. Его вины не было в печальной участи родителей, но за его жизнь была уплачена невообразимо высокая цена. Должна ли была сия плата окупиться исполнением мистического долга перед родом – этот вопрос оставался без ответа. Как и то, переплетался ли долг с миссией, принятой у несчастного Майкла Кауфмана. «Какое у того, что стало с доктором, отношение ко мне? Видимо, история, в которую он вляпался, очень похожа на историю моей семьи...» - на этой мысли офицеру Гуччи пришлось остановиться, ведь он сам не заметил, как очутился у дверей своей квартиры, словно в одночасье.

Балахон с островерхим треугольным капюшоном упал с его плеч на пороге – мужчина не собирался вносить подобную дрянь в дом. Все так же ослепленный наплывом мыслей, Томас с порога направился в ванную, и время растворилось в потоках холодной воды, смывающей темно-алыми нитями кровь. Лишь очистительном обряде, вновь затянувшимся, долгом, Гуччи обрел контакт с собственным усталым, ноющим от недавней перегрузки телом, а когда вышел из ванной, нагой и мокрый, пробранный холодом, по квелому рассудку ударило осознание того, что утром полицейскому нужно будет заступать на смену. Томас снова ощутил страх и сопротивление – он не находил в себе готовности так скоро вернуться в строгое русло рабочей жизни, взяться за привычные обязанности,

делая вид, что ничего не случилось. В этот раз полисмен однозначно чувствовал, что еще не все он довел до конца. С тяжелой головой Гуччи лег в постель, понимая, как важно было сейчас выспаться или как минимум попытаться поспать, но его не оставляли смятенные мысли о двадцать четвертой мертвой птице. «Что, если это все же женщина Кауфмана? – гадал он, уставившись в потолок, на сером полотне которого в полумраке вырисовывались эфемерные рябящие узоры. – Что-то должно указать на нее. Открытка с астрой... Неужели на ней ничего не написано?». Томас не мог отложить поиски ответа – он встал и, подобрав с пола прихожей грязную рваную рубашку, достал то, что находилось в ее нагрудном кармане. На открытке с красным цветком было напечатано только латинское обозначение растения: «*Dahlia Coccinea*». И этого было достаточно. Если бы только офицер сразу заметил название георгины, то мог бы все понять гораздо раньше. «О черт... - содрогнулся перед тревожным открытием Гуччи. - Я и подумать не мог, где все сойдется! А вот оно - Далия и Кауфман... Проклятье, как я сразу не узнал?! Ее светлые волны волос, тонкие губы, излом бровей и голос... Горе так изменило ее! Но это не оправдание мне! Что выходит? Далию хотел защитить Кауфман, она станет двадцать четвертой жертвой? Если так, то боится она того, что ее дочь останется одинокой? Без отца, без семьи, в руках сектантов... Но и детей они тоже не щадят! Майкл должен был знать, что он отец Алессы, так не она ли привела его обратно в Сайлент Хилл? Не знал ли он об угрозе, нависшей над дочерью? Так или иначе, он точно понимал, что являлся причиной их участи! «Цветок моего зла»... Вот, что за грех на его совести, что за порок был неисцелим!». Для самого же Томаса открылся неожиданный поворот – даже в нормальной реальности, ненадолго проблеснувшей среди тумана и крови, дорога свела офицера Гуччи не со случайными людьми. Долг, принятый им у Майкла Кауфмана, касался Далии и Алессы Гиллеспи. Но почему же мать увела дочь от него, даже не попытавшись получить помощь, в которой он бы не отказал?

Теперь Томас окончательно лишился сна и покоя. Он корил себя за то, что не сумел вовремя понять, кто может быть последней птицей. Он рисковал не оправдать надежд Говарда и упустить ее! Гуччи пытался решить, что теперь он мог сделать. В любом случае он не знал, где искать семью Гиллеспи. Стоило дождаться утра и пойти на работу, а там уже появится возможность. Коллеги поймут, помогут

навести справки. «Вы же знаете, в каком городе мы живем?» - этой фразы всегда было достаточно в Сайлент Хилле.

Офицер полиции старался всеми силами убедить себя в том, что время, когда он узнал о Далии, не решало ничего, что действовать ему все равно не позволял дефицит информации. Он снова лег в постель, но не мог даже сомкнуть глаз. Сердце, отбивая дикий ритм, толкало его предпринять хоть что-то, что было возможно. Томасу точно было известно о семье Гиллесли лишь одно: они были из старого города. Все, что было в его силах при таком раскладе – находиться максимально рядом. Так переполошенный, взведенный Гуччи принял смягчившее его терзания решение: он не стал дожидаться начала своей смены, а надел полицейскую форму и направился в жилые массивы на другом берегу озера Толука.

Томас прибыл в старую часть Сайлент Хилла, запыхавшись и не находя себе места, ошибочно узнавая Далию в любом мелькнувшем на улице в предутренних сумерках женском силуэте. Не сразу он смог расслышать, как его окликнул кто-то из коллег, поприветствовав и спросив, что офицер Гуччи делает здесь так рано. Томас ответил что-то невнятное и банальное, вроде того, что успел соскучиться по работе. Полицейский поинтересовался у товарища, удачно ли тот съездил в Брэхамс, на что Гуччи пришлось отделаться враньем, будто он схватил какую-то инфекцию и его лихорадило трое суток, хотя последней фразой вполне можно было описать его состояние в горячке смертельных схваток с химерами. А дальше его сразило, словно небесным громом – взвыл раскраивающий голову набат тревожной сирены! Томас потупил взор и сжал кулаки, молясь неизвестным силам о том, хоть бы кровавый водоворот не поглотил его снова. Слова коллеги из полиции донеслись до него слабым гулом сквозь завесу:

- Ах да, фабрика около отеля загорелась. Наверняка будут рассматривать версию о поджоге.

Гуччи едва не воскликнул вслух: «Как?! Это, выходит, я поджог? Что со мной?». Нормальная реальность снова заставляла его чувствовать себя больным, теряющим здравый рассудок человеком. Ком в затылке налег с новой тяжестью, вызывая пульсацию тошнотворной головной боли.

Однако все сомнения, страхи, ощущения и чувства улетучились в один короткий миг, когда Томас услышал прорывающийся сквозь слезы крик женщины, зовущей на помощь, а, вскинув голову, увидел

растрепанную огнеглавую Далию! Она бежала к нему и в рыданиях умоляла спасти дочь. Офицер Гуччи мгновенно собрался, вернулся в тонус, все силы его тела и разума мобилизовались для исполнения долга. Он дернул коллегу за рукав и кивнул растревоженной, заливающейся слезами женщине.

- На старой фабрике! – причитала Далия. – Специальное место... Что они сделали?! Что я наделала?!

Полисмен бегом бросился к «специальному месту» уже известной дорогой. Каменный мешок дымился и пылал, но Гуччи без колебаний вошел в горящее здание. Его не столь решительный напарник не смог предупредить того, что Далия рванула за ними. Несчастная, повергнутая в шок мать потеряла всякое чувство самосохранения, и, войдя в знакомый зал с кругом на полу, Томас понял, почему спичка сгорела, погасла и сломалась. Сломалась красноглавая, чернотвольная георгина. Сломалась Далия.

Офицер полиции и бывший военный успел повидать многое, но такого ужаса еще не испытывал никогда. Подобное не оставило бы его хладнокровным, безучастным и прежде, но поистине повергало его в содрогание то, что он еще вчера говорил с этой улыбчивой доброй девочкой, и смотрел в ее лучистые синие глаза, и словно видел в них отражение своих. Мужчина не хотел верить, что это нежное создание, чья плоть была безгрешным дыханием херувима, было превращено ополоумевшими, слепыми нравственно фанатиками в то, что было теперь подвешено на решетке среди огня. В ужасающее, роковое мгновение под сводами старого здания фабрики Томас познал отчаяние сполна, и прекрасно понял своего предка, обернувшегося в веру в кровавого бога-карателя. Отчаяние способно любого человека сделать чудовищем, раскрыть любую душу!

Вспомнил ли Гуччи в тот самый миг пророчество о мертвых птицах? Думал ли он об искуплении своих порожденных заблуждениями грехов? Понимал ли, что дошел до конца? Нет, все его мысли, воспоминания, ночные кошмары и болезненные видения вмиг остались на другом берегу сознания в тумане. Перед взором был только огонь, озаряющий новый для него мир настоящего ужаса. Только один образ, только одна эмоция, только одно действие... Его голова давно не была так легка. И перенести боль ожогов на ладонях и молча выполнить свой долг ему было легко. Гуччи был человеком долга, а долгом его было противостояние злу, и никакая сила не могла изменить этого.

Без проявления глодавших его страстей, без дрожи и трепета, он вынес на руках глядящий на него пустыми голубыми глазами растрескавшийся почерневший уголь и, завернув в свой плащ, донес едва дышавшую мученицу до больницы. Шок произошедшего был подобен контузии – он намертво лишил Томаса всех ощущений и мыслей, отстранил его от участия в продолжающейся жизни реального мира, запер в коконе остановившегося времени, одной застывшей страшной картинкой. Гуччи плыл по течению в иллюзии взаимодействия с окружающими его людьми. Он постоянно слышал где-то неподалеку стенания убитой горем Далии, но не брался сказать ей что-нибудь – в нем самом не было надежды, которой можно было бы поделиться, он при всем желании не смог бы поддержать страждущую мать. Он видел, как хирургическими ножницами человек в белой маске срезал с его ладоней захваченные зажимом лоскуты тонкой пленки омертвевшей кожи, но ничего не чувствовал. Он слышал, как коллега из полиции говорил, что поможет ему с протоколом, отмахнулся, заверив, что напишет все сам, попросил врача вколоть что-то, чтобы предупредить инфекцию, но все это совершалось автоматически, бездумно, без участия горящего в огне сознания.

Покидая госпиталь, с бинтами на руках и пустотой во взгляде на тысячу ярдов, полицейский по-прежнему не мог о чем-либо думать. Для него продолжал существовать единственный намертво впечатанный в голову момент времени. Только один образ, только одна эмоция... Гуччи, казалось, безвозвратно утратил чувство реальности и чувство времени. Для тех, кто был готов первым бросить камень, пришло то самое время разбрасывать камни.

- Грешник! – послышался полный неприязни крик за спиной офицера.

- Смерть грешникам! Прислужникам Дьявола! – подключились другие голоса, брызжущие слюной в фанатичном бесновании.

- Молите Его об очищении! – поднялся над ними властный вой громогласной женщины. – Мы будем судить слугу Дьявола! Мы вернем нашу чистоту и наше единство!

Томас не оборачивался и не ускорял размеренного шага, несмотря на то, что задумали вершить помешанные из Ордена. Удары камней не вызывали у него боль, и уйти от расплаты он не пытался. Когда в ход пошли палки, он начал отбиваться, обезоруживая врагов, выворачивая им суставы или ломая кости, но это были неосознанные

действия, боевые рефлексы, как результат военной выучки. Гуччи не думал обороняться, и удары нещадным градом сыпались на него, и продолжались, даже когда он упал. За все время бойни он не издал ни звука. Единственный крик мог бы спасти его жизнь, но офицера полиции совершенно не заботило собственное спасение. Все ушло за туман, кроме одного образа...

Наконец, стервятники из богомерзкого культа оставили свою жертву, кинув изувеченное тело на дороге в грязи. Томас проводил их недвижимым ослепшим взглядом. Его мысли, воспоминания и кошмары струились по грязному асфальту, и голова его снова была как никогда легка. Голова... Его затылок представлял собой кровавое месиво, но неведомая сила чудом держала его при жизни. Перед глазами стояла сизая дымка, будто затягивающая в омут, в плен одного воспоминания о чистых голубых глазах несчастной замученной девочки... Нет! Может, ничего не было? Ведь это она, Алесса присела на корточки перед ним сейчас!... Сиреневое платье, длинные черные волосы, светлая кожа и глаза...

*Как дымка, легкий пар прикрыл твой взор ненастный;
То нежно-грезящий, то гневный и ужасный,
То серо-пепельный, то бледно-голубой,
Бесцветный свод небес он отразил собой...*

Нет, не те глаза – осуждающий взгляд. Он виноват! Он не успел! Он должен искупить... Рука ребенка коснулась обожженной ладони Томаса и сжала ее как можно крепче, заставляя мужчину почувствовать боль.

Теперь он принял то, о чем шептали ему хрупкие рубины маков. Все свершилось так, как должно было свершиться, с необходимым отчаянием. Чтобы все, кто заслуживал вечного ада, были судимы по делам их и их предков, необходимое зло должно было свершиться, последняя птица должна была потерять голос во тьме, а человек, исполненный отчаяния – обратиться к забытому, но навечно живому богу. Боль и отчаянье решали все: они сохранили жизнь Алессе и дали ей силу менять мир – они же позволили ей разделить этот дар с Томасом. Они расчленили, разорвали ее душу на части – та же участь ждала и его. Человек долга, узнавший ад, обречен был стать его вечным стражем, когда свершится так долго предвосхищаемое воздаяние, озаренное большим огнем. И тогда для виновных он будет палачом без лица и имени. Запредельно тяжелый металлический шлем скроет его изувеченную голову, но сила, наполняющая его

новое тело, позволит ему не сгибать спину под этим грузом и не уставать, неся неизмеримо огромное орудие наказания. Тяжесть прошлого он примет, как честь, долг понесет, как знамя. Для заблудших же он останется офицером Томасом Гуччи, оберегающим их от опасного знания тайн проклятого города. Человек, добровольно уступивший древней силе часть своей сущности, уже принял новую присягу и во тьме сакральной пещеры скрепил ее кровью.

В ту ночь большого огня, пронзенную адской симфонией оборонительных сирен и сообщений уже о реальном пожаре на шахте Уилтс, человек, отдавший часть своей души Кзучилбаре, спешно уезжал из Сайлент Хилла с последней соткой в кошельке и рисунком Алессы во внутреннем кармане плаща у сердца. Теперь на детском рисунке вместо синего неба появились тяжелые черные тучи, от национального флага осталось лишь древко, похожее на копьё, а лицо мужчины скрывал древний символ, возвращающий воспоминания – треугольник, очертание зловещей пирамиды. Неизменными остались только маки на переднем плане – эти злые скорбные цветы беспроглядной ночи – и сама Алесса, державшая за руку безжалостного безмолвного стража справедливого возмездия. Даже оставив часть души в проклятом городе, Томас Гуччи знал, что не сможет забыть ее взгляд.

*Глаза прелестные! Мистическим сияньем
Подобны вы свечам при красном свете дня,
Вы - луч померкнувший волшебного огня!..*

*Но свечи славят Смерть таинственным мерцаньем,
А ваш негаснущий, неистребимый свет -
Гимн возрождения, залог моих побед!*

FLOWER OF EVIL CREATURE COMMENTARY

EAST ROSE

68W

SERAPH

Область: Улицы, кладбище, шахта Уилтс, отель „Гранд”

Поведение: Постоянно парит над землей. Преследует и направляет главного героя. Нападает, хватая героя шестью щупальцами, прикосновение которых вызывает боль и обморок.

Символизм: Красный цветок - символ Никты, персонафицированной темной ночи. Его плоть, раскрывшаяся цветком, знаменует наступление тьмы. Также он своего рода ангел-хранитель протагониста, направляющий его.

Область: Парикмахерская, квартира Гуччи, тюрьма Толука

Поведение: Распят на стальном каркасе. Неподвижен, пока не заметит жертву. Реагирует на движение и звук. Атакует, выпуская колючую проволоку.

Символизм: Тень воспоминаний о пребывании в плену и пытках и казнях военнопленных. Срезанная с его тела кожа завязана тюрбаном на его голове - это аллюзия на восточную пытку „красный тюльпан”.

MUSTARD GAS

Область: Крематорий, шахта Уилтс
Поведение: Перемещается по арматуре или сетке Рабица. Атакует, выдыхая ядовитый газ.

Символизм: Воплощение страха болезни и беспомощности, а также ранений, которые можно получить в ходе боевых действий: ожоги, отравления (ипритом), потеря конечностей. Символ боли и страданий.

SPECIAL CARGO

Область: Тюрьма Толука, кладбище

Поведение: Появляется из-под земли, будто „вырастая” под ногами. Сбив героя с ног, начинает давить на его грудную клетку.

Символизм: Солдатский гроб. Груз вины, который „готов раздавить” протагониста.

BLACK PILOT

Область: Кладбище, смотровая площадка

Поведение: Движения этого существа, распятого на лезвии, похожем на лопасть вертолета, напоминают конвульсии боли. Однако оно способно разрубить человека пополам одним быстрым ударом.

Символизм: Крест, который нужно нести. Страдания, через которые нужно пройти ради истины.

Область: Смотровая площадка

Поведение: Наваливается всей массой, пытаясь нанести смертельный удар циклопическим „обелиском”. Затем, отталкиваясь от земли конечностями, возвращается в вертикальное положение.

Символизм: Мир, стоящий на костях. Символ карающей памяти и самопожертвования. Это смерть ради новой жизни, которую должен принять Томас.

68W

Область: Морг при госпитале Брукхэвен
Поведение: Медлительный, но очень сильный. Из наростов на его спине вытекает мутная жидкость, испарения которой вызывают помутнение сознания. Его единственное уязвимое место - сердце, находящееся снаружи.
Символизм: 68W - военный медик. Наросты на его спине напоминают коробочки мака, из сока которых получают опиум. Его сердце, находящееся снаружи, символизирует медаль „Пурпурное сердце“. Его клювообразная маска напоминает о чумных докторах, которые приходили к безнадежным пациентам. Это - единственный монстр, рожденный не из психики Томаса.

COMBAT NURSE

Область: Госпиталь Брукхэвен
Поведение: Проворная, быстрая, вооруженная острым ланцетом. Атакует молниеносно и без промаха.
Символизм: Безликая. Отражение случайных связей и подавленных сексуальных импульсов. Также связана с воспоминаниями о военном госпитале.

DOG OF WAR

Область: Заброшенная фабрика
Поведение: Существо стоит в центре круглого зала и не может сдвинуться с места. Атакует, раскачиваясь на „лестнице“, к которой приросло его тело. Учитывая огромные размеры монстра, попадание под удар наносит очень тяжелые повреждения. Но не приближаться к нему нельзя - из-за толстой кожи на него действуют только атаки с близкого расстояния.
Символизм: Великая Мать. Искаженное представление Томаса о своей матери, бросившей сына в младенчестве. Ее уста ни разу не говорили ему о ее любви, ее грудь не вскормила его. Однако на самом деле она приняла смерть на костре ради его спасения, и теперь в форме монстра примет ее еще раз ради нового рождения своего сына.

Область: Парк развлечений Лейксайд
Поведение: Сначала спускает на героя собак, после их „либели“ бросается на него сам. Передвигается полуползком, нападает прыжками, пытается пронзить героя длинным лезвием.
Символизм: Сорвавшийся с цепи. Его намордник, закрывающий глаза, символизирует заблуждения Томаса, удерживающие его от гнева на самого себя.

AL

Область: Отель „Гранд“
Поведение: Ждет приближения протагониста, издавая звук, похожий на плач. Когда герой приблизится, открывает пасть на нижней части тела и выливает едкую жидкость кровавого цвета.
Символизм: Запрет. Нарушение табу девственности. Этот монстр напоминает Томасу про случай, когда он был свидетелем изнасилования.

HARAM

MADONNA

